Жемчугов Аркадий Алексеевич

«Крот» в окружении Андропова

«Крот» в окружении Андропова» - это переработанный и дополненный вариант книги «Шпион в окружении Андропова», вызвавшей широкий интерес среди читателей.

В книге рассказывается о советских разведчиках: о талантливых вербовщиках, первоклассных «агентуристах» - специалистах по работе с агентурой, о тех, кто самоотверженно трудился в «наружке» - службе наружного наблюдения, о легендарных «нелегалах», «двойных агентах», офицерах безопасности и прочих «бойцах невидимого фронта». Одни из них хорошо известны широкой общественности, имена и дела других упоминаются впервые. У каждого из персонажей книги своя, отличная от других судьба. По-разному, зачастую непросто, складывалась у них и карьера по службе, и будни, опять же зачастую небезоблачной, личной и семейной жизни.

Затрагивается в книге и тема предательства, без которого не обходится ни одна разведка мира.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

От издателя: много людей хотят в мирное время быть героями. Становятся - единицы.

Консультант Царёв Ю.И.

От автора----2
Интервью. Беседы. 1998-2000 г.г.----3
Конец «Неистового Джима»----3
Птица высокого полёта----4
Операция «Гридирон»----5
Из России с подарком----7
«Гридирон» реализуется...----8
Тайники для ЦРУ----8
«Не обижайтесь, мистер Беннет»----9
«Крот» в окружении Андропова----10
У «наружки» женское лицо----14
Полковник Коротких в «поле» и дома----19
Скромный ас----19
Хрестоматия вербовки----20
«Золотые самородки» старателя Коротких----23
Дядя Вася----25
С кем идти в разведку?----25
История с курицей----26
«Побег» из школы КГБ----28
Сингапурский прокол----29
За что Крючков невзлюбил дядю Васю----29
Дядю Васю не впервые сняли с руководящей должности----30
Персидские мотивы Дмитрия Кузьмина----31

Каперанг----36
Вас хотят завербовать? Обращайтесь к офицеру безопасности 42
Может ли Бирма стать «второй Кубой»? Разведка отвечает: «нет!»----43
Дан приказ ему на запад...----45
Из Стокгольма с любовью----51
Чудное виденье----51
Танец с продолжением----52
«Прошу санкции на интимный контакт»----53
Любовь и центр----54
Штрихи к портретам. 2001-2003 г.г.----55
Человек, переигравший Отто Скорцени----55
Кто же вы, генерал де Голль?----56
Пока идол готовился к «прыжку»----58
«Прыжок» не состоялся----59
Под «крышами» Парижа----61
Агентурное дело №83791----64
Она не захотела стать Мата Хари----73
Когда разведка не профессия, а образ жизни----85
Разнорабочий советской разведки----95
Он был из того же материала, что и Рихард Зорге----103
«Двойной агент»----109
«Ты ведь знаешь, как я работал...»----116
Жизнь и смерть Лейбы Фельдбина----128
«Доброжелатель»----148
Генерал-предатель----158
Рандеву по четвергам----158
Блестящая карьера с печальным концом----159
Примерка погон оппозиционера----160
Диссидент, которого никто не любит----161
Почему генерал-майор стал генералом-предателем?----163
«Он совершил гладкий переход с их стороны на нашу»----163
Генерал в виртуальном пространстве----164
Об авторе----166

От автора

Разведчиков уважительно называют «бойцами невидимого фронта», рыцарями одной из самых романтических и привлекательных, хотя трудных и опасных, профессий. И это правда! «Боец невидимого фронта» убеждён, что есть нечто более важное, чем даже жизнь. Это любовь к Родине и преданность ей. Это освящённые присягой честь и достоинство офицера. Наконец, это порядочность, честность и скромность.

И это - не патетика, не звенящие пафосом, словечки. Судьбы разведчиков, их практические дела, о которых рассказывается в сборнике, - наглядное тому подтверждение. Среди них много новых имён, но есть и такие, кто давно уже «на слуху». Вместе они представляют различные специальности, различные профили одной и той же профессии

- разведки. Все они работали в «поле», будь то резиденты или просто оперативные сотрудники.

Из бесед с ними, ныне здравствующими, и из очерков о тех, кто уже ушёл из жизни, читатель узнает о том, что:

- в окружении Андропова долгое время действовал «крот» - агент иностранной разведки;

- генерал де Голль предлагал Сталину помощь в организации переписки с его сыном, Яковом Джугашвили, томившимся в гитлеровских застенках;

- Дональд Маклейн, один из членов легендарной «кембриджской пятёрки», резко осуждал советских руководителей за идейное и моральное перерождение, за измену изначальным идеалам коммунизма и разоблачал внешнюю политику Брежнева как наносившую непоправимый вред интересам Советского Союза.

Впервые рассказывается и о том, как советский разведчик «приклеил» ярлык «агента КГБ» главному контрразведчику Канады и убрал его руками самих канадцев; как в 1967 году с территории Западной Германии была похищена сверхсекретная американская ракета «Сайдуиндер» и многое другое.

Но у разведки есть и иное лицо. Дэвид Корнуэлл, кадровый сотрудник английской разведки, прославившийся на весь мир под псевдонимом Джона Ле Каррэ, мэтра детективного жанра, размышляя как-то о разведке как таковой, заметил:

«Я рискну высказать мнение, которое многим не понравится. По моим наблюдениям, разведывательная деятельность часто привлекает незрелых, несостоявшихся, «сорвавшихся с якоря» людей, ищущих «абсолютные» ответы на свои личные проблемы. Бывает так, что человеческая слабость ищет выхода в комплексе превосходства, состоящем в некоей приобщённости к тайне. Парадокс состоит в том, что в эту как бы героическую деятельность втягиваются ограниченные и довольно беспомощные люди, кичащиеся тем, будто они знают больше, чем обыкновенные смертные, тем, что они якобы лучше их, так как они принадлежат к избранным. Психология исключительности, «любимца семьи» оправдывает любое не очень чистоплотное дело, любую дешёвую ложь, любую гнусность, предпринятую якобы во имя неких высших интересов».

К словам именитого писателя-разведчика можно добавить лишь то, что любая разведка, в том числе и наша, - это срез того общества, интересы которого она защищает. И на этом срезе явственно проступают как достоинства этого общества, так и его пороки. Подтверждением тому служат судьбы, в том числе и именитых разведчиков, о которых рассказывается в сборнике. Даже особняком стоящий Калугин, вставший на путь предательства, не является в этом смысле исключением.

И последнее. Сборник вряд ли увидел бы свет, не будь моральной

поддержки и неоценимой практической помощи со стороны коллег, со стороны друзей. Я искренне благодарен всем им, хотя, по понятным причинам, могу назвать лишь некоторых: Бориса Александровича Соломатина, Михаила Викторовича Шепенина, Альберта Ивановича Власова, Юрия Ивановича Царёва.

А. Жемчугов

Интервью. Беседы. 1998-2000 г.г.

Коллегам, друзьям, ушедшим в мир иной и ныне здравствующим посвящается

Конец «Неистового Джима»

В Канаде такого ещё не случалось. Джим Беннет, третье лицо в Королевской канадской конной полиции (КККП), был публично обвинён в сотрудничестве с КГБ и с формулировкой «за связи, порочащие честь офицера КККП» уволен без права на пенсию. Тогда, в 1972 году, его травили все: коллеги по работе, политики и ведущие СМИ страны. А 21 год спустя, в июле 1993-го, правительство Канады официально признало беспочвенность предъявленного Беннету обвинения, извинилось перед ним и согласилось в качестве компенсации за причинённый моральный ущерб выплатить 150 тысяч канадских долларов.

«Вся эта чёртова история была трагична с начала до конца», - комментировал правительственное заявление Джон Старнс, занимавший в те давние годы пост директора КККП и по существу отдавший одного из своих ближайших помощников на съедение недоброжелателям. Более откровенно высказался один из бывших сотрудников ЦРУ, некто Р.С., близко знавший Беннета: «С этим человеком поступили ужасно. Его уволили, от него ушла жена. Его жизнь практически закончилась на этой точке, а он - абсолютно невиновен».

Кто же затеял всю эту «чёртову историю»? Кому Джим Беннет обязан ярлыком «агента КГБ»? На эти вполне закономерные вопросы ни в правительственном заявлении, ни в последовавших за ним комментариях невозможно было найти вразумительного ответа, который способен дать Владимир Августович Меднис, полковник в отставке, а в те годы - резидент КГБ в Монреале.

Птица высокого полёта

- Джим Беннет, или, как его называли за глаза его же сослуживцы, «неистовый Джим», был одним из тех, про кого говорят: «Этому палец в рот не клади», - вспоминает Меднис. - Достаточно сказать, что он сумел поставить под контроль деятельность нашей резидентуры в Оттаве. Правда, не без нашей помощи.

Ещё во время подготовки к отъезду в Канаду я, естественно, знакомился с оперативными делами. И в одном из них совершенно

неожиданно для себя обнаружил копию документа ЦРУ, в котором наш резидент в Оттаве характеризовался как жадный до денег, беспринципный человек, бабник и пьяница. Вывод «цэрэушников» был однозначен: объект перспективен для вербовки. Я немедленно доложил об этом моему начальнику Олегу Калугину. Он оставил копив документа у себя, а через несколько дней возвратил со словами: «Начальству доложено». На мой вопрос, будут ли приняты какие-то меры, Калугин ответил, что, мол, «начальству виднее».

- Значит, вы работали с Калугиным?

- Да. Мы почти одновременно получили назначения. Я - начальником североамериканского направления, а он - заместителем начальника внешней контрразведки, моим прямым и непосредственным руководителем. И мы как-то сразу с ним сработались.

Практически он поддерживал все мои предложения по активизации работы против главного противника - США и их союзников по НАТО. За достаточно короткий срок нам удалось успешно провести несколько острых оперативных комбинаций против ЦРУ, приобрести ряд новых источников информации. Агентура стала действовать лучше, эффективнее. Нас ставили в пример другим. О Калугине заговорили как о молодом, перспективном руководителе, принципиальном, не стесняющимся высказывать своё мнение начальству. Вот почему меня удивила его туманная отговорка: «Начальству виднее».

- Но может быть, документ ЦРУ был умело составленной фальшивкой, запущенной для того, чтобы скомпрометировать нашего резидента?

- К сожалению, документ отражал как раз истинное положение дел. Вскоре после приезда в Монреаль я получил добытые оперативным путём документальные данные о том, что канадская контрразведка, КККП, а значит и ЦРУ, досконально знали, чем занимается каждый из наших оперативных работников в Оттаве. Агентурный аппарат резидентуры был напичкан подставами, которые в любое время могли быть, как мы выражаемся, реализованы, то есть использованы в провокациях для захвата с поличным.

Более того, с подачи ЦРУ канадским контрразведчикам даже удалось организовать специальное заседание правительства по вопросу «О деятельности в стране советской разведки». На нём был показан фильм - проведённые людьми Беннета негласные съёмки разведывательных операций, осуществлявшихся сотрудниками оттавской резидентуры, а также «картинки» поведения опersостава в быту и на досуге. Дружный хохот канадских министров вызвал, например, эпизод загородной пьянки: несколько оперативных работников, сами едва держась на ногах, бережно несли упившегося резидента и заботливо укладывали на заднее сиденье автомашины. Когда смех в зале утих, тогдашний премьер-министр Пьер Трюдо, обращаясь к членам своего кабинета, заявил, что вряд ли можно считать серьёзной угрозой для безопасности Канады такого рода деятельность советской разведки, тем более что она надёжно

контролируется.

Но мы отвлеклись. Давайте вернёмся к теме нашего разговора - к Джиму Беннету. У нас тогда не было сомнений в серьёзности намерений «неистового Джима» и в отношении нашей монреальской резидентуры. Тамошняя служба наружного наблюдения вела тотальную слежку за всеми сотрудниками Генерального консульства СССР, включая членов их семей, стремясь выявить наши источники информации и агентуру. Но это было ещё не всё.

Рядом со зданием нашего Генконсульства возвышалась гора, довольно высокая. И Беннет самим серьёзным образом взялся за проработку операции в духе фильмов про Джеймса Бонда. Идея была такая. С вершины горы в ночное время запускается дельтаплан, который, пролетая над Генконсульством, сбрасывает на крышу здания специальное зажигательное устройство. Вспыхивает пожар. В объятое пламенем здание вместе с пожарниками проникают люди Беннета и устремляются с вполне понятной целью туда, где работают шифровальщики, где расположены резидентура и сейфы с секретной документацией.

Аналогичную операцию с пожаром он провёл (и, нужно сказать, небезуспешно) против консульства Кубы, а теперь вот хотел её повторить против нас. Но почему-то у него это не получилось.

В Монреале у нас не было прямой оперативной связи с Москвой. Поэтому все информационные материалы, которые мы получали от агентуры, а также всю оперативную отчётность мне приходилось доставлять на автомобиле в Оттаву, причём в специальном самоуничтожающемся контейнере - на случай аварии или провокации. А о том, что провокации следует ожидать, сообщил один из находившихся у меня на связи агентов. Мои регулярные поездки в Оттаву давно уже вызывали подозрение у «неистового Джима». И он всерьёз подумывал о том, чтобы организовать мне «случайную» аварию на трассе и посмотреть, что же я вожу из Монреаля в столицу. Ещё более насторожило меня сообщение агента о том, что Беннет почти открыто заявлял: в канадской контрразведке действует «крот» - агент КГБ. И требовал от руководства КККП, чтобы на поимку этого «крота» были мобилизованы все силы и средства. Наш ценный источник оказался в числе подозреваемых, над ним нависла угроза провала. Одним словом, «неистовый Джим» стал для меня той самой костью в горле, от которой необходимо было избавиться. И как можно скорее. Но как?

Операция «Гридирон»

Лесли Джеймс Беннет родился в 1920 году в семье шахтёра из Южного Уэльса. В мае 1940 года был призван на военную службу, которую проходил в подразделении радиоразведки на Мальте, в Италии и Египте. После окончания военной службы приехал в Лондон, где поступил в Британскую службу правительственной связи и вскоре был командирован в Стамбул. Там ему довелось какое-то время работать под началом резидента МИ-6 Кима Филби. В 1950 году Беннета перевели в Австралию,

где он женился на местной гражданке по фамилии Хизер. В июле 1954 года Беннет вместе с женой перебрался в Оттаву и устроился на работу в штаб-квартиру Королевской канадской конной полиции (КККП), самой престижной в Канаде службы контрразведки.

Высококлассный профессионал, Беннет стал уверенно, ступенька за ступенькой, подниматься по служебной лестнице. К 60-м годам он уже дослужился до ранга супер-интенданта и должности заместителя начальника КККП. На него возлагалась вся работа, связанная с выявлением и пресечением «подрывной деятельности» советской разведки в Канаде.

Но если профессионализм Джима Беннета, его деловая репутация и многоплановый опыт ни у кого не вызывали сомнений, то присущая британцу самоуверенность и заносчивость, манера общения с окружающими и даже внешний вид порождали совсем иные эмоции. Длинные, как у хиппи, волосы и всегда один и тот же твидовый пиджак с нашитыми на локтях замшевыми заплатками вызывали у с иголочки одетых аккуратистов элитной королевской полиции едва скрываемое раздражение. В КККП свято чтили старые традиции и на «варягов», таких как Беннет, смотрели зачастую как на «обслуживающий персонал», которому неведома суровая школа строевой муштры.

Выбившемуся из низов сыну шахтёра явно не хватало ни такта, ни выдержки в отношениях не только с подчинёнными, но и с начальством. Его строгость граничила с грубостью, а настойчивость и пунктуальность - с мелочной придирчивостью. Одним словом, «неистовый Джим», что называется, достал многих. И хотя он входил в число ведущих офицеров контрразведывательных служб западного мира, появись на него компромат, в желавших реализовать его недостатка не было бы...

Один из советских дипломатов в Монреале, которого Беннет считал сотрудником КГБ, регулярно выезжал из Канады в страны Южной Америки. Решив выяснить, с кем он там встречается, «неистовый Джим» обратился в контрразведку ЦРУ с просьбой во время очередной поездки дипломата установить за ним наружное наблюдение по всему маршруту.

Случилось так, что через пару-тройку недель Беннету нанёс визит Хайнц Херре, представитель западногерманской разведки (БНД) при ЦРУ. К великому удивлению Беннета, немец рассказал ему о своей поездке в Южную Америку, причём по тому же маршруту, что и советский дипломат. Со свойственной ему прямотой Беннет поинтересовался у собеседника, не пересекались ли их дороги. И хотя ответ был отрицательным, Беннет всё-таки связался с ЦРУ, изложил суть разговора с Херре и подчеркнул, что у немца «лицо побелело», когда ему пришлось отвечать на «каверзный вопрос».

Не отреагировать на такой сигнал американцы не могли. И за представителем БНД было установлено негласное наблюдение, которое, однако, не выявило ничего предосудительного. Херре был чист.

Надо сказать, что службу контрразведки ЦРУ в те годы возглавлял

Джеймс Энглтон, которому везде и всюду мерещились «кроты». Сначала он навёл порядок в советском отделе ЦРУ - добился перевода на несекретную работу или даже увольнения 60 из 300 сотрудников отдела, имевших российские корни или родственников в Советском Союзе. Затем взялся за Англию, Францию и прочих союзников США. Действовал с размахом: под подозрением у него оказались руководители английской разведки - МИ-5, западногерманской БНД и ряда других стран. На британского премьера Гарольда Вильсона как на «установленного агента КГБ» было заведено специальное досье под кодовым названием «Оутшиф». В причастности к советской разведке был заподозрен Вилли Брандт, занимавший в 1969-1974 годах пост канцлера ФРГ. Не обделил своим вниманием Энглтон и высокопоставленных соотечественников. К числу «возможных агентов КГБ» были отнесены Генри Киссинджер, советник по национальной безопасности при президенте Ричарде Никсоне, и Арманд Хаммер, создатель и многолетний президент нефтяной компании «Оксидентал петролеум». Бывший посол США в Москве Аверелл Гарриман считался «советским агентом ещё с 30-х годов».

Зацикленность Энглтона на борьбе с «кротами» переросла в паранойю после того, как он узнал, что Ким Филби, с которым он поддерживал не только служебные, но и достаточно близкие личные отношения, оказался советским разведчиком. Так что главный охотник на «кротов» не мог оставить без внимания тот факт, что Беннет, бросивший тень подозрения на благоверного Хайнца Херре, когда-то работал под непосредственным руководством Кима Филби в английской резидентуре в Стамбуле. И в 1967 году по личному указанию Энглтона служба внешней контрразведки ЦРУ завела дело на «неистового Джима» как на возможного агента КГБ, хотя никаких прямых или хотя бы косвенных улик против него не было.

Следующий шаг Энглтона - подключение к этому делу руководства ККК П. В 1969 году там была создана группа из нескольких специально отобранных ветеранов, которым предписывалось в условиях строжайшей секретности тщательно проверить все оперативные дела, к которым был причастен «неистовый Джим», и дать однозначный ответ на вопрос, является ли заместитель начальника ККК П советским агентом. Чтобы не вызвать подозрений у самого Беннета, его повышают в должности и назначают руководителем специально созданной службы «И» (наружное наблюдение и технические операции). Одновременно на него заводится сверхсекретное дело оперативной разработки, которая вскоре получила кодовое название «Гридирон» - «Решётка для пыток».

Из России с подарком

А ничего не подозревавший «неистовый Джим» продолжал вести борьбу с резидентурой КГБ в Монреале. Стремясь во что бы то ни стало внедрить своего человека в её агентурную сеть, он направил в Москву одного из своих проверенных агентов - В. Ш., уроженку СССР. Легенда её поездки выглядела безупречно: желание повидаться с матерью, проживавшей в одном из южных городов России. По прибытии в Москву, В.

Ш. поспешила на Лубянку, где добровольно заявила, что, мол, служит интересам канадской контрразведки, а хотела бы служить интересам своей исторической родины в лице Комитета госбезопасности. Она рассказала всё, что знала о Беннете и других монреальских сотрудниках КККП и о своём задании. Чекисты благожелательно восприняли рассказ В. Ш., помогли навестить мать. Перед возвращением в Канаду порекомендовали ей приобрести (естественно, за счёт Лубянки) традиционные русские сувениры и вручить их в качестве подарков тем, кто её готовил и отправлял на задание. Это, мол, будет способствовать укреплению личных отношений, в какой-то мере повысит её авторитет и «вообще может пригодиться в будущем». Особое внимание предлагалось уделить «неистовому Джиму» и подарить ему не расхожую побрякушку, вроде матрёшки, а солидный малахитовый письменный прибор.

Вернувшись в Монреаль, В. Ш. доложила Беннету об успешном выполнении задания - она почти внедрилась в агентурную сеть КГБ в Канаде. Ей дан пароль, обусловлены места встреч, оговорены в деталях условия связи с резидентурой в Монреале.

Мечта «неистового Джима», казалось, становится явью: в агентурной сети русских у него есть свой человек! Однако ни через месяц, ни через два, ни через полгода на связь с В.Ш. никто не вышел.

«Гридирон» реализуется...

Тем временем ЦРУ продолжало разработку по делу «Гридирон». По сведениям от нашего источника в ЦРУ, - продолжает свой рассказ Владимир Меднис, - Джим Беннет стал для Энглтона «объектом №1», которого следовало во что бы то ни стало разоблачить. С этой целью в служебном кабинете Беннета была установлена видеоаппаратура, а в его квартире, включая спальню, - микрофоны. Однако ни то, ни другое ничего не дали, равно как и тщательный анализ всей служебной деятельности Беннета в КККП. Тем не менее Энглтон на этом не успокоился. По его указанию была разработана и проведена операция под названием «Встреча в пургу». Суть её заключалась в том, что из Лэнгли в адрес Беннета с грифом «сов. секретно, только для личного сведения» была направлена шифровка о том, что в Монреаль прибывает важная персона - перебежчик из Советского Союза, который на несколько дней поселится в одной из самых дорогих гостиниц города. Беннету рекомендовалось встретиться с ним в баре отеля. Сообщались приметы перебежчика и пароль. Расчёт цэрэушников был прост: если в указанное время в баре появятся русские и попытаются предпринять какие-то шаги, то станет ясно, что единственным источником, откуда русские могли получить информацию о перебежчике, является Беннет. А это уже улика.

«В наших интересах было подыграть Энглтону. Поэтому мы с одним из сотрудников консульства появились в баре гостиницы примерно за час до назначенного в шифровке времени. Оставив машину возле гостиницы, я заметил, что неподалёку припарковались «наружники». Меня это вполне устраивало. В баре мы заказали по порции виски и затеяли ничего не

значащий разговор, изредка демонстративно поглядывая на часы. Далее произошло то, на что я, конечно, не мог рассчитывать: внезапно, в один миг разразилась снежная буря. Таков уж климат в Монреале! Повалил такой густой снег, что буквально в двух шагах ничего не было видно. Грех было не воспользоваться подарком природы, чтобы покинуть гостиницу незамеченными «наружниками», которые терпеливо сидели в своей машине. Именно это мы и сделали.

Несколько дней спустя один из моих источников передал, что в отчёте бригады наружного наблюдения говорилось, что в гостинице они нас потеряли, и поэтому не могут сообщить, что же мы там делали. Тем не менее наше посещение гостиницы увязывалось ими с приездом перебежчика. Значит, наша задумка сработала. «Кстати, позднее это подтвердил и сам Энглтон. На проводившемся в здании посольства Канады в Вашингтоне секретном совещании представителей ЦРУ, ФБР, КККП и МИ-5 главный охотник на «кротов» в своём выступлении специально отметил, что «в ходе операции «Встреча в пургу» было зафиксировано появление на месте встречи установленного сотрудника КГБ и это является неоспоримым доказательством того, что Беннет - советский агент».

Тайники для ЦРУ

- На лучший подарок, чем операция «Гридирон», мы не могли и рассчитывать, - продолжает Владимир Августович. - Вместе с тем, было ясно, что все усилия Энглтона и его команды в конечном счёте закончатся безрезультатно, если мы не подключимся к разоблачению «неистового Джима». И мы это сделали.

В один прекрасный день до сведения тех, кто непосредственно занимался «Гридироном», была доведена информация о том, что целесообразно самым тщательным образом отнестись к малахитовому письменному прибору на рабочем столе Беннета в его служебном кабинете. А мы уже давно знали, что подарок В.Ш. действительно попал на этот стол. Более того, мы даже знали, что, принимая его, «неистовый Джим» не удержался от иронического замечания: «Это мне с любовью из России».

А далее всё пошло так, как мы и предполагали. Внимательно осмотрев письменный прибор, разумеется, в отсутствие хозяина кабинета, контрразведчики обнаружили в нём закладку. А в ней - заложенные ещё в Москве микроплёнки с шифрами и инструкциями, а также описание тайников на местности и схемы их расположения. Нетрудно было представить, что после такой находки у Энглтона исчезнут последние сомнения в том, что Беннет - стопроцентный «крот».

...Один из тайников наружники нашли в таком состоянии, которое не оставляло сомнений в том, что здесь уже «поработали»: кто-то что-то вложил, а кто-то это изъял. В другом тайнике они обнаружили сообщение Беннету, в котором помимо прочего упоминалось о том, что впредь денежное вознаграждение ему будет передаваться не через тайник, а

при очной встрече. Говорилось и о том, что подробные указания по дальнейшей работе мы передадим ему через третий тайник в условленное время.

Теперь дело было за мной: надо было показать, что и третий тайник, который «наружка» стала пасти денно и нощно, тоже сработал. Почти два месяца я мыкался, не зная, как перехитрить «наружников». Помог «господин случай». В Канаду с официальным визитом прибыл высокопоставленный гость из-за рубежа, на которого, как считали в КККП, могло быть совершено покушение. В этой связи все силы наружного наблюдения были брошены на обеспечение безопасности визитёра, и на какое-то время тайник остался без присмотра. Этот шанс я не упустил. Тайник «сработал». Когда чуть позже «наружники» осмотрели его, то обнаружили обрывки бумаги. Эта непростительная «небрежность» со стороны КГБ позволила им узнать о том, что «крот», то бишь Джим Беннет, залёг на дно в связи с угрозой провала. Связь с ним прекращалась до особого указания. Свою деятельность он также сворачивал до тех пор, пока обстановка вокруг него не нормализуется. Этой «небрежностью» мы ставили последнюю точку в деле «Гридирон».

«Не обижайтесь, мистер Беннет»

Одним из консультантов Энглтона был предатель Анатолий Голицын, бывший майор КГБ, переметнувшийся к американцам в Хельсинки в 1961 году. По свидетельству отставного «цэрэушника», некоего Д., «Голицыну показали личное дело Беннета и ознакомили с результатами оперативной разработки «Гридирон», после чего он заявил, что считает Беннета советским шпионом».

13 марта 1972 года «неистовый Джим» был срочно вызван к генеральному директору КККП, который объявил ему о лишении допуска к секретным делам, отобрал служебное удостоверение и ключ от рабочего кабинета, а также пропуск в здание штаб-квартиры КККП, После этого ошарашенный Беннет скорее для проформы, чем для дела, был подвергнут унизительному допросу, который, разумеется, не дал никаких результатов. Тем же закончилась и проверка на детекторе лжи. Более того, «неистовый Джим» под присягой заявил, что никогда не был агентом КГБ. Но кого это интересовало?! Его имя как предателя уже во всю полоскалось на телеэкранах, страницах газет и журналов. Только самый ленивый политик отказывал себе в удовольствии вытереть ноги об «агента КГБ» и потребовать для него самого сурового наказания. Не последнюю скрипку в этом оголтелом оркестре играли его вчерашние коллеги.

«Расследование восстановило против меня даже тех, кого я на протяжении последних шестнадцати лет считал своими друзьями, - сокрушался Беннет. - Никто из них не предложил мне совета или утешения. Моя жизнь разрушена. Что им ещё от меня нужно? Да простит их Бог!»

Прекрасно понимая, что ни в Канаде, ни в Англии ему не найти

никакой, даже самой низкооплачиваемой работы, Джим Беннет уехал в ЮАР и устроился там администратором брокерской фирмы. А в октябре того же, 1972 года перебрался в Австралию. (Там находилась ушедшая от него жена с двумя дочерьми.)

...«Насколько мне известно, реабилитация застала уже 78-летнего Джима Беннета в Австралии, куда он поспешно перебрался после суда, - завершает свой рассказ отставной полковник В. Меднис. - Если бы мне довелось с ним свидеться, то, думаю, он не был бы на меня в обиде. Ведь на войне, как на войне».

«Крот» в окружении Андропова

- В ближайшем окружении Андропова действует агент одной из разведывательных служб Запада...

Я не верил своим ушам. Как такое возможно? Несколько мгновений мы молча смотрели друг другу в глаза.

-...Это - документальные данные, - чуть приглушённым голосом продолжил мой собеседник. - Никаких сомнений в их достоверности быть не может. Или ты не веришь мне?

- О чём ты?! - единственное, что я смог произнести в ответ.

- Владимир Августович, давайте уточним: когда, где и при каких обстоятельствах состоялся этот разговор? И кто был вашим собеседником?

- Это случилось в последних числах августа 1972 года. Встреча с источником, моим давним другом, проходила в небольшом, но очень уютном ресторанчике, каких сотни в Монреале. Я тогда действительно оцепенел на какие-то мгновения, представив себе, какой урон нашей государственной безопасности наносит этот «крот».

- Разумеется, вы сразу же подумали о том, как побыстрее отправить эту информацию в Москву с пометкой «особой важности»?

- Вы правы, тем более, что для меня это был не такой уж простой вопрос. Как я уже упоминал, прямой связи с Центром у меня в Монреале не было, а отправлять эти действительно «особо важные» сведения через оттавскую резидентуру было слишком рискованно. Оставался один вариант - самому доставить их в Москву. Что я и сделал, получив предварительно разрешение Центра. Взял билет на самолёт и рейсом «Аэрофлота» прилетел в Москву. Первым, кому я, соблюдая субординацию, доложил существо дела, был Калугин. Источник информации был известен ему достаточно хорошо. Поэтому я слово в слово пересказал ему агентурные данные: «В ближайшем окружении председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова действует агент одной из западных разведок, который располагает возможностями проводить кадровые перестановки в КГБ на довольно высоком уровне. ЦРУ крайне заинтересовано в том, чтобы использовать «крота» для продвижения своей агентуры в подразделениях КГБ на руководящие

должности. Этот агент был завербован не ЦРУ, а разведкой одной из стран НАТО, которая не соглашается передать его американцам, предлагая работать с «кротом» через них. Американцы же, в свою очередь, не намерены раскрывать даже перед союзником по НАТО свою агентуру в КГБ и решительно настаивают на передаче им этого агента. Переговоры по этому вопросу ведутся на межгосударственном уровне». Далее я добавил, что источник готов предпринять усилия к тому, чтобы получить через имеющиеся у него каналы дополнительные данные, которые позволили бы установить и разоблачить этого агента.

Молча выслушав меня, Калугин тотчас же связался по телефону с заместителем начальника внешней разведки, курировавшим работу по Северной Америке, Сергеем Кондрашовым, и отправился к нему на доклад. Минут через 30-40 он вернулся, сказав, что руководство ПГУ проявило надлежащий интерес к информации о «кроте» и меня скоро вызовут для подробной беседы.

Она состоялась на следующий день и осталась в моей памяти на всю жизнь. Перво-наперво, я получил от Кондрашова настоящую выволочку за то, что «не сумел наладить деловых отношений с резидентом в Оттаве» и поднял панику по поводу «непроверенных и явно сомнительных сведений» о ситуации в коллективе оттавской резидентуры, полученных от источника, «честность и искренность которого всегда вызывали сомнение». Во-вторых, мне было предложено навсегда забыть о том, что «в ближайшем или отдалённом окружении Юрия Владимировича Андропова может действовать вражеский агент». Прямо так и было сказано: «Ты что-то тут не понял, или вообще это плод чьего-то воображения».

- А действительно, вы не исключаете того, что в вашем случае была умело подброшена дезинформация о «кроте», а в отношении оттавской резидентуры - целенаправленно сгущены краски, дабы дискредитировать её?

- Судите сами. После проведённой со мной «воспитательной беседы» я чувствовал себя оплёванным. Иначе не скажешь. Но вот весьма кстати меня попросили в финотделе ПГУ помочь им разобраться с документацией известной фирмы «Тексако», услугами которой пользовалась оттавская резидентура, да и мы в Монреале. Попросту говоря, меня попросили перевести с английского содержание копий квитанций, приложенных к финотчету как подтверждение расходов, произведённых на бензоколонках этой компании. Сотрудники финотдела схватились за головы, когда выяснилось, что перед ними копии квитанций на приобретение чего угодно, но только не бензина или машинного масла. На атташе-кейсы, запчасти к автомашинам советского производства, кино- и фотоаппаратуру, бытовую технику и на многое другое, что резидент переправлял из Оттавы диппочтой или нарочным в Центр, своим покровителям. И все эти отчёты без колебаний утверждались руководителями ПГУ, многие из которых, в отличие от финансистов, владели английским.

Далее. После уже упоминавшегося мной заявления канадского премьера Пьера Трюдо вопрос о разгроме оттавской резидентуры КГБ в 1972 году был снят с повестки дня к явному неудовольствию местной контрразведки и ЦРУ. Но только лишь на время: в начале 1978 года канадцы осуществили захват с поличным одного из сотрудников резидентуры во время его встречи с «подставой». Последовала шумная кампания в прессе с целью подготовки общественного мнения. И наконец - скандальное выдворение нескольких десятков сотрудников советских учреждений, среди которых оказались и те, кто не имел никакого отношения к нашей службе.

- А этих за что? Если, как вы говорите, канадская контрразведка знала поимённо весь состав нашей резидентуры, могли бы «чистых» отделить от разведчиков.

- Расчёт был простой: вбить клин между КГБ и другими советскими ведомствами, имевшими загранпредставительства. И это в значительной степени удалось. После выдворения сотрудников, в том числе «чистых» мидовцев, внешторговцев и прочих, канадцы ввели строгую квоту, ликвидировав возникшие вакансии. В чью сторону после этого кивали не только высланные, но и их московское начальство? Конечно, в сторону КГБ, отношения с которым и без того были небезоблачными.

И наконец, о «кроте». Перед возвращением в Монреаль у меня был ещё один обстоятельный разговор с Калугиным. Я однозначно заявил ему, что не согласен с мнением руководства и считаю необходимым продолжить работу по «кроту». Одновременно высказал ему свою оценку его поведения на беседе у руководства, а также добился согласия на то, что в Оттаву будет дано указание, строжайше запрещающее вскрывать отправляемые мною пакеты, опечатанные моей печатью. Договорились, что я получу от источника письменное подтверждение ранее переданных им сведений о «кроте» и переправлю их в Центр диппочтой.

В Монреале я вызвал агента на внеочередную встречу, во время которой он без колебаний изложил на бумаге всё, что прежде говорил мне о «кроте». Более того, он сумел узнать некоторые новые, достаточно интересные детали этого дела. Теперь нужно было переслать написанное им в Центр. Однако прошли все обусловленные с Калугиным сроки, а обещанное указание в оттавскую резидентуру так и не поступило. Без него же отсылать в Центр эту информацию я просто не имел права. Выручило то, что я вновь собирался домой - в очередной отпуск. 17 декабря я вылетел в Москву.

Там через Калугина передал руководству ПГУ письменную информацию источника о «кроте». Мне было сказано, что каких-либо бесед у руководства не предвидится и я со спокойным сердцем могу отдыхать. А за пару дней до окончания отпуска вдруг вызвали на службу. И начальник внешней контрразведки Виталий Бояров в присутствии Калугина официально объявил мне, что принято решение о моём освобождении от дальнейшей работы в Монреале.

- А причину он назвал?

- Нет. На мой вопрос ответил только: «Сами понимаете». Мне недвусмысленно дали понять, что отныне выезд за границу для меня закрыт навсегда, что я отстраняюсь от оперативной работы, что ранее направленное руководству комитета представление к награждению боевым орденом отозвано, что вопрос о присвоении очередного воинского звания «полковник» отложен на неопределённое время, что, наконец, я буду переведён на новую работу с понижением в должности. От Калугина же я получил указание никогда и никому не заикаться о «кроте», которого, мол, нет и быть не может.

- А не возникло у вас подозрение, что Калугин и есть тот самый «крот»?

- Нет, конечно. Речь шла о человеке, который должен был занимать гораздо более высокий пост, чем Калугин, и обладать куда большими возможностями.

- И вы отступили после такого удара?

- Нет. Я просто избрал другой путь. Арвид Янович Пельше, возглавлявший тогда Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС, лично знал моих родителей, да и меня тоже, ещё по моим партизанским делам. Я никогда к нему не обращался ни с какими вопросами, ни о чём не просил. А тут решился.

Он принял меня в своём кабинете на Старой площади. Когда услышал о моём досрочном откомандировании из Канады, позвонил в Отдел загранкадров ЦК КПСС и спросил о причинах такого решения. Ему ответили: «Во избежание провокаций со стороны спецслужб». Чистейшей воды липа! И он, конечно, это понял.

Наша беседа длилась почти два часа. Я подробно рассказал Пельше обо всём, что, как говорится, накипело. И мне показалось, что он разделял мою тревогу. Напоследок же сказал: «В функции Комиссии партийного контроля не входит расследование дел внешней разведки, но я обещаю тебе переговорить по этим вопросам с Юрием Владимировичем. Думаю, он захочет с тобой встретиться».

Действительно, через некоторое время Андропов сам позвонил мне по служебному телефону, и мы договорились о встрече. 22 ноября 1973 года в 19.00 я вошёл в кабинет председателя КГБ. Юрий Владимирович встал из-за рабочего стола, пожал мне руку. Он был готов меня выслушать. Однако живого, заинтересованного разговора, на который я рассчитывал, не получалось. Говорил один я.

Андропов молчал, глядя перед собой в одну точку. Иногда мне казалось, что он полностью поглощён какими-то другими мыслями и заботами, не имевшими отношения к нашей беседе. Я даже засомневался, слушает ли и слышит ли он меня? Но потом понял, что Андропов не пропустил ни единого моего слова, ни одной детали. Он попросил кое-что уточнить, проявив особый интерес к обстановке в главке. Информацию же

о «кроте» выслушал, не задав ни единого вопроса. Более того, когда я передал ему заранее подготовленной листок с двумя фамилиями тех, кто, на мой взгляд, мог оказаться «кротом», он даже не взглянул на него, молча положив бумагу в боковой карман пиджака. А пожимая на прощанье руку, пристально посмотрел мне в глаза и как-то загадочно произнёс: «Да, нелегко вам придётся».

- Но какой-то результат эта встреча дала?

- По моим наблюдениям, никакого. Всё оставалось на своих местах. И «крот» тоже. Кстати, люди, которых я подозревал, здравствуют до сих пор. Меня же вскоре назначили заместителем начальника научно-исследовательского отдела Краснознамённого института КГБ СССР (теперь это Академия внешней разведки).

- Как вы думаете, почему Андропов фактически ничего не предпринял?

- Трудно сказать. Возможно, он поручил разобраться с этим тогдашнему начальнику внешней разведки Фёдору Мортину, а тот по каким-то своим соображениям спустил дело на тормозах.

- Тогда позвольте ещё раз спросить: а был ли мальчик? Не ошиблись ли вы и ваш источник?

- Нет, не ошиблись. После того как расправились со мной (а иначе как расправой это назвать не могу), должен был по логике вещей наступить черёд источника. Этот человек в течение многих лет верой и правдой служил советской разведке. Передававшиеся им сведения не имели цены и всегда подтверждались. Так вот, после расправы со мной он исчез при таинственных обстоятельствах.

А вот ещё одни факт. Возможно, вы слышали о предателе Пигузове. В своё время он был досрочно отозван из командировки за аморальное поведение: за то, что шастал по публичным домам. Не прошло и года после этого, как Пигузов стал секретарём парткома Краснознамённого института - кузницы кадров для внешней разведки. Мог ли рядовой работник, погоревший на аморалке, прыгнуть на должность, входившую в номенклатуру КГБ СССР, без посторонней помощи? В советские времена такое исключалось. Продвинуть его могло только очень влиятельное лицо. Как здесь не вспомнить информацию о том, что «крот» располагает возможностями производить кадровые перестановки на довольно высоком уровне? А уровень секретаря парткома КИ позволял Пигузову знакомиться с личными делами всех слушателей и сообщать об этом в ЦРУ.

В 1987 году он был разоблачён и приговорён к высшей мере наказания.

Такие же необъяснимые прыжки вверх происходили не только с Пигузовым, но и с Южиным, Гордиевским, Морозовым и другими предателями. Много лет я анализировал для себя подобные истории, находя в них подтверждение той давней информации.

- Значит, все эти годы надеялись как-то добраться до «крота»?

- Представьте себе. И казалось, мне это в конце концов удастся.

Весной 1995 года меня, по моей просьбе, принял Владимир Рожков, первый заместитель директора Службы внешней разведки РФ, так стало называться ПГУ. Он попросил самым подробным образом изложить сведения о «кроте» и недвусмысленно дал понять, что намерен раскрутить это дело. Удалось ли ему что-то сделать, сказать не могу. Не знаю. Но находясь в Бонне по служебным делам, Рожков скоропостижно скончался сразу же после обеда в ресторане. Диагноз - традиционный для шпионских триллеров... инфаркт. А на самом деле?

- Но если «крот» действительно был, то всё равно прошло так много времени! В любом случае этот человек, даже если он жив, давно не у дел, на пенсии, вдали от властных рычагов.

- Пусть так. Ну и что? В ЦРУ ведь не круглые дураки сидят. И наверняка по их заданию «крот» работал на перспективу - подготавливал себе замену, растил «потомство». Эти нити у него в руках. Так как же можно ставить на этом деле крест? Я вот до «крота» не добрался. А жаль.

У «наружки» женское лицо

«Дело Рокотова» в начале 60-х годов было одним из самых громких в стране. Газеты писали о потрясающих воображение незаконных валютных операциях рокотовской группы, о тайниках с драгоценностями, репортажи из зала суда, где слушалось дело, не уступали самому крутому детективу. Но Елене Шаровой (тогда, впрочем, она ещё носила девичью фамилию Литвиненко) эта шумная история запомнилась не только публичным резонансом: в «деле Рокотова» она прошла боевое крещение как сотрудник Седьмого управления КГБ. А Седьмое управление - это наружное наблюдение, «наружка» или НН на языке профессионалов.

* * *

- Елена Михайловна, вы действительно помните во всех деталях свой первый выход на оперативное задание?

- Ну конечно! Мороз в этот день был лютый. На таком холоде никто просто так языком чесать не станет, а эти двое уже четверть часа о чём-то увлечённо разговаривают. Только замёрзшими ногами притопывают и изредка по сторонам озираются.

Одного мы знали. Это - Рокотов. Второго видели впервые. Его ещё предстояло установить. И сделать это поручалось мне.

Вот они пожали друг другу руки и разошлись. Я посмотрела на часы - 22.05 - и проследовала за объектом или, на нашем жаргоне, «взяла связь от Рокотова». Он прямиком привёл меня на Ленинградский вокзал, а оттуда на электричке - на станцию Подсолнечная. Далее повёл по узкой лесной тропинке. Кругом никого. Кромешная тьма. Холод. И страх. Я за ним не иду, а крадусь. Да так, что, как говорится, сама себя не слышу.

Ступаю осторожно. Не дай бог, под ногами треснет сучок и объект услышит. Тогда всякое может случиться. Он здоровенный мужик. А я - восемнадцатилетняя девчонка.

Наконец он привёл меня в небольшой дачный посёлок и чуть ли не бегом в один из домов. Похоже, мороз его до косточек пробрал. А меня покинул страх. Теперь все мысли о том, как быть дальше. Ведь вполне возможно, что это не его дача и приехал он сюда только переночевать. Значит, наблюдение нужно продолжить. Иначе его не установить. Убеждаю себя в том, что завтра утром он тем же путём отправится обратно в Москву: он же наверняка где-то работает. С этими мыслями возвращаюсь на станцию. Предъявляю ошарашенной кассирше служебное удостоверение и прошу позволить переночевать. Утром без труда опознала объект среди пары десятков пассажиров и спокойно, без малейших приключений «привезла» его в Москву, в «почтовый ящик» возле метро «Новослободская». На моих глазах объект предъявил вахтёру удостоверение, и тот, дружелюбно улыбаясь, пропустил его. Для меня это уже что-то, причём достаточно конкретное.

По своему удостоверению я, разумеется, могла бы пройти вслед за объектом. Но не решилась. Мало ли какое служебное положение занимал он в этом «ящике». Я пройду, а вахтёр вслед просигналит своему начальнику по режиму. А тот поспешит выслужиться перед руководством «ящика». Глядишь, и объекту станет известно обо мне. Тогда вся разработка пойдёт насмарку.

Связалась по телефону со своим центром, доложила всё в деталях. В ответ услышала: «Всё сделала правильно. Дальше не лезь». На следующий день помогла операм из Второго главка (контрразведка) опознать объект. Теперь они займутся им. Я свою задачу выполнила.

Возвратилась в бригаду. Хотя какая это бригада? Три оперативных сотрудника и водитель с изрядно потрёпанной «Волгой». По штатному расписанию бригада - 12 сотрудников. Но заданий слишком много. И не только от Второго главка, а и от Первого (внешняя разведка), Третьего (военная контрразведка), Пятого (диссиденты). И даже от «нелегалов». Отсюда и усечённые бригады.

Для нас главный объект - Рокотов. Согласно переданной нам ориентировке, он возглавлял группу особо опасных валютных дельцов. Нам нужно было выявить связи Рокотова, а главное - установить, где они прячут валюту.

И Рокотов, и большинство его подельников проживали в центре Москвы, в отдельных, хорошо обставленных квартирах, что в то время было редкостью. Жили, как говорится,

на широкую ногу, не отказывая себе ни в чём. А вот свои делишки они обтяпывали на самых дальних окраинах столицы. Попросту говоря, в деревнях, где, как известно, все друг другу родственники или соседи. И о появлении незнакомца судачила вся деревня. Рокотов же с дружками неслучайно обосновались здесь. Даже внешне не выделялись среди

местных жителей: носили потрёпанную одежду, старенькую обувку, не первой свежести шапки или кепки.

Для нас же деревенская специфика создавала немалые трудности. Тем не менее, мы умудрялись осуществлять негласное фотографирование якобы случайных встреч, а также деловых бесед и моментальных передач каких-то свёртков, портфелей и так далее. А вот с выявлением тайников дело затянулось на несколько месяцев. Но наше терпение было вознаграждено, когда сам Рокотов, а за ним и его подельники стали выводить нас в лес, где они в бидонах, железных бочках и ящиках хранили свои сбережения. Мы и это сумели задокументировать. Схваченные с поличным валютчики были преданы суду. Рокотов был расстрелян.

Вы вот меня спросили, какие требования предъявляются к сотрудникам НН и какими качествами, личными и деловыми, они должны обладать. А я решила ответить вам рассказом о «деле Рокотова». Мне думается, в нём вы и найдёте ответы на интересующие вас вопросы. Ответы, конечно, не исчерпывающие, но всё же...

- Из вашего рассказа легко сделать вывод, что всё-таки не женское это дело - служба наружного наблюдения. Более того, возьму на себя смелость утверждать, что не каждому мужику под силу эта работа. Как же вас угораздило оказаться в НН?

- В принципе вы правы. В службе наружного наблюдения долгое время работали одни мужчины. Очевидные физические и психологические перегрузки на этой, зачастую круглосуточной, работе признавались непосильными для слабого пола. Но в 1961 году руководство Седьмого управления решило провести эксперимент, с тем чтобы окончательно решить вопрос о том, способны или нет представительницы прекрасного пола нести службу в наружном наблюдении наравне с мужчинами. Тогда впервые был проведён широкий набор женщин в штаты «семёрки».

Я узнала об этом от своей школьной подруги. Мы только что получили аттестаты зрелости и раздумывали, «кем быть». А вышло так, что решила нашу судьбу Раиса Гавриловна Дударова, мама моей подруги.

Дело в том, что во время Великой Отечественной войны каким-то чудом в службу НН были зачислены три девушки (ни до этого, ни после такого не случалось). И Раиса Гавриловна была одной из них. Теперь она носила полковничьи погоны и возглавляла отделение. Она нас и сагитировала.

После зачисления в штаты Седьмого управления пришлось пройти шестимесячные курсы подготовки, правда, по ускоренной программе. Ну и за работу. Начинала с должности младшего разведчика в звании младшего сержанта.

- Так удался этот эксперимент или нет?

- Однозначно ответить не могу. Вроде бы по многим параметрам - работоспособность, утомляемость, дисциплинированность,

наблюдательность, выдержка - слабый пол явно не уступает сильному, иногда даже превосходит. В частности, у женщин, как мне кажется, лучше развиты интуиция, умение раствориться в толпе, стать незаметной. Наконец, женщина чаще решается на продуманный, заранее просчитанный риск, порой граничащий с авантюризмом или даже озорством,

Помню, нам спустили срочное задание по одному иностранцу - установленному разведчику. Из его домашних разговоров - а квартира, естественно, прослушивалась - выходило, что он периодически встречается с агентом, от которого получает какую-то очень важную информацию, но невозможно было понять даже приблизительно, из каких кругов этот агент и где, хотя бы ориентировочно, они встречаются.

Как только мы принялись за дело, сразу поняли, что перед нами опытнейший разведчик: он один раз хитроумно ушёл от нас, второй, третий, четвёртый. Начальство задёргалось, стало торопить нас - давайте конкретный результат. И тогда мы решились сработать на контрасте.

«Мышка-наружка» - так говорили про нас коллеги из других подразделений. Одежда, обувь, головные уборы, одним словом, вся экипировка у сотрудника НН чёрного или серенького оттенков. Мышиных тонов. Чтоб не бросаться в глаза, не привлекать к себе внимания. А тут я достала из шкафа - дело было зимой - свою любимую шубу из мутона. Тогда это был писк моды. На голову - не менее модную шапку из рыси, а на ноги замшевые сапоги.

И вот в таком нестандартном виде беру под наблюдение нашего иностранца. Сопровождаю его, не прячась. Иду рядом с ним, сзади, сбоку, выхожу вперёд. Забегаю в магазины, те, что по пути. Если успеваю, делаю кое-какие покупки. Сажусь вместе с ним в автобус, затем в троллейбус, снова в автобус и снова в троллейбус. Одним словом, куда он, туда и я. Но всем своим поведением даю понять, что происходит это непроизвольно. Просто, мол, нам по пути. Он изредка бросает на меня взгляд. Я отвечаю тем же. Оба улыбками демонстрируем удивление - опять мы в одном автобусе. Наконец он, выйдя из очередного троллейбуса, едва заметным кивком прощается со мной и исчезает в арке многоэтажного дома. А я спешу к следующей арке и наблюдаю, как он входит в подъезд. Лифт поднял его на шестой этаж. Раздался несколько необычный звук дверного замка. Этого было вполне достаточно...

Позже, на допросе у следователя, арестованный агент признался: когда он по привычке справился у иностранца, всё ли чисто, не было ли наружки, тот уверенно ответил, что пришёл как всегда без хвоста. А потом упомянул обо мне. Описал профессионально точно, но заметил, что такие, мол, в «наружке» не работают, что это девушки иного пошиба.

Так что женщины вполне могут работать в НН не хуже мужчин.

- Но всё же я не очень представляю, как «совмещается» такая работа и семья, дети.

- Вот тут вы правы: совместить это очень трудно. Насколько мне

помнится, в тот памятный набор в «семёрку» были зачислены почти двести девушек. Целая армия. А через несколько лет многие вышли замуж, обзавелись детьми. И армия стала таять на глазах. Ребёнок простудился или муж приболел, или что-то ещё стряслось в семье, сотрудница берёт бюллетень по уходу, неделю отпуска за свой счёт или просто отпрашивается с работы на денёк-другой. Ну какой она работник? О каком ненормированном рабочем дне может идти речь?!

Одни сами подавали рапорт на увольнение, хотя понимали, что теряют право на пенсию. Другие старались как-то приспособиться, продержаться. Крутили-вертели, ловчили до тех пор, пока их попросту не увольняли с мотивацией «служебное несоответствие». Служба лишилась многих. Половины набора, как минимум. А что поделаешь? Это же НН.

- Сколько времени вам приходилось вести объект? Недели? Месяцы?

- По-разному бывало. Вот, например, такая была история. Нам как-то дали задание - взять в активную разработку «нелегала», нашего советского разведчика. История приключилась с ним такая.

Среди сотрудников нелегальной резидентуры КГБ, успешно действовавшей многие годы в ФРГ или во Франции (точно не помню), кто-то встал на путь предательства. Не только над самой резидентурой, но и над её годами создававшейся агентурной сетью нависла угроза грандиозного провала. Чтобы предотвратить её, Центр в пожарном порядке вывез всех сотрудников резидентуры в Москву. И уже здесь принимал меры к тому, чтобы вычислить предателя.

Доставшегося нам «нелегала» мы наградили кличкой «Щедрый». Кроме нас его под плотную опеку взяли другие подразделения. Домашний телефон «Щедрого» был поставлен на контроль, в квартире установлена техника подслушивания и визиры.

От оперативной работы в управлении его отстранили, коллеги по службе, в том числе и старые знакомые, явно сторонились его, от разговоров, а тем более от встреч в нерабочее время уклонялись. Другими словами, он практически ничего не делал, но денежное довольствие получал регулярно. Как вы думаете, он догадывался, что с ним и вокруг него происходит? Ответ, по-моему, очевиден, Как-никак «нелегалы» - это разведчики высшей квалификации.

Мы вели за ним наблюдение предельно осторожно. Работали целым отделением. Как обычно, мы должны были выявить его связи, хотя никаких иллюзий на этот счёт не питали. Предатель в такой ситуации просто обязан затаиться, причём настолько долго, насколько посчитает нужным. В то же время наш собственный опыт подсказывал, что человека, у которого есть, что скрывать, могут выдать и выдают, помимо его воли, отдельные, едва уловимые детали поведения. Ну, скажем, во время прогулки, во время похода по магазинам или при поездке на общественном транспорте. Нет-нет, да и оглянется назад, осмотрится по сторонам. Причём совершенно беспричинно. То вдруг начнёт дёргаться у него плечо. Или во взгляде просквозит такая настороженность. Да мало

ли как приоткроется состояние чрезмерного эмоционального напряжения! Нужно лишь не прозевать это.

«Щедрый» вёл себя на удивление ровно, без дёрганий. Его общение ограничивалось семьёй и ближайшими родственниками. И так продолжалось, вы знаете, сколько? Четыре года! После этого мы выдали «наверх» своё однозначное мнение: никаких подозрительных признаков в поведении «Щедрого» не отмечено. Никаких компрометирующих связей не выявлено. Другие подразделения тоже сняли с него все подозрения. Его вернули на активную оперативную работу, всё встало на свои места.

- И он, зная, что все эти годы находится «под колпаком», не обиделся, не счёл себя оскорблённым такими подозрениями? Почему?

- Думаю, потому, что любил свою работу и понимал, что правила в ней очень жёсткие... Но иногда бывали совсем другие развязки. В 1964 году нам поручили взять под наблюдение одного из заместителей министра авиационной промышленности, которого подозревали в хищении государственной собственности в особо крупных размерах. А это расстрельная статья. То есть речь шла о жизни и смерти, поэтому не то что ошибка - любая неточность с нашей стороны исключалась, и мы работали с особой осмотрительностью и тщательностью, каждую деталь, каждый нюанс оценивали и так, и эдак.

Мы размотали все его связи, выявили схему их взаимодействия. Увы, всё говорило о том, что перед нами крупный государственный чиновник, сознательно пошедший на преступление. На что он рассчитывал, трудно сказать - может, на свой высокий пост, на влиятельных друзей, которые выручат его. Понимая, с кем имеем дело, мы вели НН сверхконспиративно. И всё-таки ему (правда, уже на заключительном этапе) стало известно, что он не просто «под колпаком», а что против него собрано достаточно неоспоримых улик. Видимо, он понимал, чем ему это грозит, и решился на крайний шаг - на самоубийство. А в предсмертной записке написал, что в его смерти виноват КГБ. Может быть, так он пытался обелить себя в глазах своей семьи, близких, друзей.

- Вы сказали, что «женский набор» в НН с годами таял, что называется, по семейным обстоятельствам. А у вас самой не было тогда мысли уйти, вести нормальную и спокойную жизнь, знать, что после работы пойдёшь домой или в театр, в кино, в гости - куда захочешь, и не придётся вечер и ночь торчать под дождём, под снегом, наблюдая за очередным объектом?

- Конечно, служба в НН - не рай, эта работа - не мёд. Но она была для меня интересной, я знала, за что её люблю. И коллектив у нас был замечательный. Мы называли себя «чекистским братством» - не только работали вместе, но и отдыхали, веселились, устраивали вечеринки, ходили в театры, на выставки. Словом, при всех перегрузках у нас была очень полноценная жизнь, во всех смыслах. И мы не чувствовали себя в чём-то обделёнными или, например, обойдёнными мужским вниманием. Красивых мужчин у нас было предостаточно, к тому же умеющих

ухаживать и любить. Да и по службе всё у меня шло хорошо. К тридцати годам я стала капитаном, закончила юридический факультет «вышки» - Высшей школы КГБ.

- Но всё-таки в 1980 году вы ушли из НН, хотя могли ещё работать и работать.

- Это произошло, когда я отработала в «наружке» уже почти 20 лет. А почему ушла... История непростая. В нашем «братстве» я встретила Виктора, мы полюбили друг друга с первого взгляда, такое бывает. Он был старше меня на шесть лет, женат, сыну три года. О наших отношениях, о том, что Виктор ушёл из-за меня из семьи, начальству стало известно практически сразу. Да мы не очень-то и таились, хотя знали, что в нашей среде это - ЧП. К тому же Виктор по возрасту выбыл из комсомола, и ему надо было вступать в партию, беспартийные «в органах» тогда не работали. И он решился: заявил, что порывает со мной и возвращается в семью.

Я ожидала такого исхода. И всё же взбрыкнула: назло ему, себе, всем скоропалительно вышла замуж за преуспевающего зубного врача. На 16 лет старше, при деньгах, с прекрасной отдельной квартирой и собственной автомашиной. Чего ещё желать? Но меня хватило лишь на три года. Его богемный образ жизни, с каждодневном застольем и весельем с вечера до утра - всё это было не для меня. Мы развелись.

Говорят, от судьбы не уйдёшь. Я в это верю. Некоторое время спустя я совершенно неожиданно встретилась с Виктором. Восстановить семью ему так и не удалось, был развод, а затем - увольнение из «семёрки».

И вот мы встретились - так, будто не расставались. Поженились. Появился сын Михаил. Счастью не было предела. И вдруг... стряслась беда: Виктор попал под электричку и лишился обеих ног. Тогда-то я и подала рапорт на увольнение. Коллеги и руководство отнеслись к этому с пониманием.

Мы прожили с Виктором вместе шестнадцать лет. В 1993 году я похоронила его. Живу с сыном. Он окончил вуз. Надеюсь, что и семьёй обзаведётся. Глядишь, я «поработаю» бабкой, постараюсь обеспечить НН за внуком или внучкой. Как бы то ни было, я не ропщу. И ни о чём не сожалею.

Полковник Коротких в «поле» и дома

Слово «вербовщик» разведчики-профессионалы произносят с ударением на последнем слоге. И с неизменным уважением. Потому что «специальность» эта требует особого таланта, терпения и опыта. Какие бы достижения технической мысли ни брала на вооружение разведка, научившаяся видеть сквозь стены, подслушивать на расстоянии в несколько километров и разглядывать из космоса номера табельного оружия противника, главным остаётся не это. Главное - свой человек по ту сторону, носитель секретной информации, «источник», агент. Дело вербовщика - заполучить такого человека. Каждая вербовка считается

удачей. А классных профессиональных вербовщиков во всех разведках мира можно пересчитать по пальцам.

Скромный ас

Начальник кафедры Академии внешней разведки полковник С. вызвал к себе в кабинет старшего преподавателя Н.Г. Коротких и казённым, не терпящим возражения тоном объявил: «Мы больше не нуждаемся в ваших оперативных знаниях и опыте вербовочной работы. Ищите себе работу в другом месте». Случилось это в сентябре 1997 года.

Через пару недель у Николая Георгиевича произошёл инсульт. Затем второй...

А шестью годами раньше, в 91-м, в Швеции вышла книга «Война в мирное время (Советская угроза Северу)», которая тотчас же вызвала ажиотажный спрос во многих странах Западной Европы, в первую очередь - скандинавских. Её активно комментировали на ТВ, радио и в прочих средствах массовой информации. Добрый десяток страниц в этом бестселлере посвящены Николаю Георгиевичу Коротких.

Автор книги, некто Чарли Нордблум (Charlie Nordblom), основательно изучил его личность, биографию, а главное - его мастерство разведчика-вербовщика. В отличие от начальника кафедры Академии внешней разведки полковника С., шведский исследователь проявил к Коротких безусловное уважение.

«Николай Георгиевич Коротких, - пишет Нордблум, - родился 5 января 1931 года.

Он - офицер Комитета государственной безопасности. Комитета, в котором царит строжайшая секретность. Говорит на великолепном английском с британским акцентом, приобретённым за время двухлетнего обучения в Лондонском университете в 1964-1965 годах. Из широчайшего круга своих университетских знакомых он завербовал по крайней мере одного агента, который был передан им на связь другому офицеру советской разведки, работавшему в Лондоне.

Осенью 1965 года Николай Георгиевич Коротких приехал в Копенгаген под прикрытием должности третьего секретаря советского посольства. За пять лет своего пребывания в Копенгагене Коротких создал внушительную сеть: политики, дипломаты, правительственные служащие, журналисты. И среди них был датский офицер, который передавал ему секретную информацию о НАТО и силах обороны Дании.

Незадолго перед Рождеством 1974 года Николай Георгиевич Коротких приехал в Стокгольм. Он говорил на хорошем шведском языке с лёгким датским акцентом, но предпочитал изъясняться на английском. Прикрытие - второй секретарь политического отдела советского посольства. Главное лицо, отвечавшее в посольстве за контакты с МИД Швеции.

Николай Коротких не без успеха пытается вербовать агентов среди

дипломатов и служащих как в министерстве иностранных дел Швеции, так и в посольствах других государств в Стокгольме. В частности, говорят, ему посчастливилось склонить одного служащего консульского отдела к передаче шифров и ключей к ним. Он близко общался также с рядом чиновников в правительстве и при дворе наследного принца, в министерствах торговли и сельского хозяйства, в Институте внешней политики, приобрёл друзей среди стокгольмских политиков и журналистов.

Такой вот скромный, ловкий, энергичный ас в своей профессии, офицер советской разведки. Вскоре он стал майором КГБ, а в посольстве - первым секретарём».

Хрестоматия вербовки

Дотошному Нордблуму удалось разыскать «одного шведского дипломата», который достаточно подробно рассказал, как его пытался завербовать советский разведчик. Заметим, что вольно или невольно дипломат нарисовал классическую схему вербовки, за которой виден профессионал высокого класса.

«Коротких вступил со мной в контакт в МИДе. Вначале он проявил не вызывающий подозрения интерес к шведской политике в отношении той группы стран, на которых я специализировался. Это были страны, где СССР также наращивал своё влияние в 70-х годах. Он попросил ориентировку о концепции, и я передал ему несколько документов, которые мы подготовили для ООН. Позднее он получил от меня ещё несколько газетных статей и ориентировку для прессы.

Когда я начал встречаться с Коротких в 1977 году, буржуазное правительство было у власти всего несколько месяцев. Русские проявляли беспокойство по поводу возможного изменения политического курса. Я пытался доказать Коротких, что внешнеполитический курс страны останется неизменным независимо от «цвета» правительства. Коротких был настроен очень скептически, прежде всего по отношению к Умеренной партии. Правда, и Народная партия вызвала у него подозрения.

Однажды он пригласил меня обедать. Это был ресторан не из разряда «люксовых», а вполне обыкновенный кабачок поблизости от МИДа. Мы откровенничали, обсуждая политику Швеции. Между нами возникла доверительная атмосфера, которая подкреплялась самой формой беседы. Коротких извинился за свой плохой шведский, который вовсе не был таким уж плохим. Поэтому мы беседовали на английском, как подобает профессиональным дипломатам. Он слушал очень внимательно и проявлял неподдельное желание понять и меня, и то, что я говорил о принципах шведской политики. Он, разумеется, всегда делал пометки в своём блокноте. Помню, как однажды он предложил мне поставить подпись на обратной стороне листка из блокнота, чтобы, как он объяснил, использовать это для финансового отчёта.

Многие из моих коллег обедали или регулярно играли в сквош с дипломатами различных государств и членами шведского риксдага. Сначала я не видел никакой разницы между их контактами с западными дипломатами и моими обедами с Коротких. И я был не единственным сотрудником МИДа, с кем Коротких поддерживал контакты.

Мы обсуждали различные спорные вопросы международной политики, и мне казалось, что Коротких даёт очень глубокий анализ внешнеполитических шагов СССР. А я считал, что маленькая нейтральная Швеция должна поддерживать открытые контакты как с Западом, так и с Востоком.

Коротких говорил, что русскому не так легко и просто в Стокгольме. Ему нужны помощь и совет. И он с огромной благодарностью откликался на каждую, даже маленькую услугу с моей стороны. Помнится, как он хвалил меня за моё умение разъяснять позицию Швеции, как высоко оценивал мою компетентность в глобальных вопросах международной политики! Кажется, уже на вторую встречу он пришёл с бутылкой виски и блоком сигарет и сказал, что будет очень невежливо, если я откажусь принять - это в знак его благодарности, что тогда случится маленький дипломатический скандал. Мне не оставалось ничего иного, как принять подарок. В конце концов шкаф у меня дома стал полон сигарет.

Мы встречались регулярно, два раза в месяц, уже в течение примерно полугода, когда Коротких пришёл на очередную встречу «расстроенный до слёз». Ему было поручено выступить в советском посольстве с докладом о политике Швеции в отношении одной из стран третьего мира, а он не имел ни малейшего понятия, о чём должен рассказывать. Я помог ему собрать необходимый материал. Взял для него в библиотеке министерства несколько книг и ещё некоторый разъяснительный материал. Сами по себе эти материалы не представляли никакого секрета, но, дополняя друг друга, давали очень квалифицированное разъяснение вопроса. На следующий день после доклада Коротких пригласил меня пообедать. Он сиял от счастья. Посол дал высокую оценку его докладу. Меня же Коротких отблагодарил двумя бутылками американского бренди.

Позднее, в одну из суббот, я пригласил его к себе домой на кофе и пирожные. Он принёс превосходную, чисто русскую куклу для моей маленькой дочери и книгу по русскому искусству для моей жены. Однако к себе домой он нас ни разу не позвал. Вместо этого несколько раз приглашал нас на коктейли в советское посольство. Он просил не звонить ему в посольство, ссылаясь на то, что его трудно застать на месте, и поэтому лучше договариваться о следующей встрече заранее. Он также сказал, что домашнего телефона у него нет.

Я бы охарактеризовал его как сообразительного и гибкого человека. И приятного. Не напряжённого и не напыщенного, а спокойного и уравновешенного. Воспитанного и интеллигентного. Никогда не смеющегося, широко открыв рот, а мило улыбавшегося. Он был очень компетентный и энергичный, чувствительный и остроумный. Я думаю, что

он пытался установить такие дружеские отношения, которые бы сохранились на долгие годы. Он мастерски создавал атмосферу взаимности и дружбы, в которой невозможно было не ответить услугой на услугу. Я воспринимал это как вполне нормальные отношения с иностранным дипломатом, который становится всё дружелюбнее. Так было до тех пор, пока эти отношения не начали превращаться во что-то иное.

Постепенно я стал понимать, что Коротких - офицер КГБ. Вначале это было какое-то предчувствие, которое в течение довольно длительного времени медленно переросло в уверенность. И мне это показалось захватывающим. Разумный вызов. Интригующая игра, в которой, как мне казалось, я должен победить.

Прошёл год, прежде чем я понял, к чему он клонит. И тогда я осознал, что мне будет очень сложно объяснить своему начальству, почему я в течение года скрывал свои контакты с Коротких и, более того, продолжал встречаться, не афишируя это перед своими сослуживцами.

Те ресторанчики, которые Коротких подбирал для наших встреч, постепенно становились всё более неизвестными и потаёнными. А его интерес к странам, которыми я занимался, таял на глазах. Наше обсуждение международных проблем становилось поверхностнее. Зато внутригосударственные процессы интересовали его всё больше и глубже. Он очень осторожно, но настойчиво ставил передо мной всё более конкретные вопросы, касавшиеся отдельных шведских политиков.

Растущий интерес Коротких стал проявлять и ко всему, что касалось лично меня. Моего прошлого, моих друзей и связей. Моих личных взглядов на ту или иную проблему. Всё это становилось для меня неприятным и неудобным. Я понял, что так больше продолжаться не может. У меня возникло ощущение, что я слишком далеко ушёл от берега по тонкому льду.

Если бы СЕПО, наша полиция безопасности, вмешалась, то, возможно, я бы осмелился продолжать игру в роли своего рода двойного агента и действовал бы под контролем СЕПО. Но в то время СЕПО была в «загоне». Её деятельность была скована. Поэтому я решился на вынужденную ложь. Я сказал Коротких, что начальник службы безопасности МИДа провёл со мной профилактическую беседу о наших контактах и сделал мне предупреждение. Это был чистейший блеф. Но Коротких воспринял это самым серьёзным образом. Его словно подменили. Больше мы с ним не встречались.

Я никогда не получал от него денег. Л он никогда откровенно не просил меня достать какие-либо закрытые материалы. Коротких никогда не преступал закон. В отличие от меня самого. Я нарушил по многим пунктам служебный «обет молчания». Я передал ему документы, которые в совокупности давали детальное представление о сути и нюансах политики Швеции в отношении стран третьего мира. Я не сообщил своему руководству в МИДе и представителям СЕПО о своих встречах с Коротких.

Насколько мне известно, об этом никто до сих пор не знал, так же как и о том, что наши контакты прекратились весной 1979 года. А в феврале 1980 года Коротких после шести лет работы в Швеции выехал на родину».

«Золотые самородки» старателя Коротких

- Николай Георгиевич, у тебя есть что-либо добавить к рассказу шведского дипломата о том, как ты его разрабатывал? Всё ли было так, как он поведал Нордблуму?

- За исключением отдельных деталей, не имеющих принципиального значения, он рассказал то, что действительно было между нами.

- А как ты тогда воспринял то, что разработка лопнула, а вместе с ней и надежда на вербовку? Ведь столько усилий, столько времени ты потратил на этого шведа! Не обидно было?

- В разведке работа «в поле» сродни труду старателя, который просеивает породу в надежде обнаружить самородок или хотя бы золотые песчинки. Говорят, что одни старатели удачливые, а другие

- невезучие. По мне же, везёт тому, кто пашет «в поле» изо дня в день, с утра до вечера. С этим шведом мне не повезло. Ну и что?! Всяко бывает.

- А сколько «самородков» или «золотых песчинок» ты намыл за годы своей старательской работы «в поле» в Англии, Германии, Дании и Швеции?

- В общей сложности около десятка.

- Насколько мне известно, если не всё, то почти всё они по своей значимости тянули скорее на «самородки», нежели на «песчинки»?

- В этом плане мне действительно повезло: среди них были и шифровальщики, и сотрудники НАТО, и высокопоставленные дипломаты. Поступавшая от них информация оценивалась достаточно высоко.

- И часто тебе приходилось вертеть дырки на лацкане пиджака?

- Всего три раза. Первую награду - медаль «За боевые заслуги» - я получил за офицера НАТО. Затем орден Красной Звезды - за шифровальщика. И второй орден Красной Звезды - за высокопоставленного дипломата.

- А тебя самого не пытались вербовать?

- Было и такое. Помню, в Копенгагене мне удалось выйти на начальника отдела научно-технических разработок НАТО. Всё шло как по маслу. Я уже, грешным делом, подумывал о том, что пора завершать дело вербовочной беседой. И вот однажды мой объект назначает мне встречу на 17.00, когда его рабочий день ещё не закончился. Меня это несколько удивило, но никаких подозрений не вызвало.

Мало ли как у него сложился рабочий день! По предварительной договорённости, а точнее - по его просьбе, я должен был передать ему

десяток блоков его любимых сигарет и радиоприёмник понравившейся ему модели фирмы «Филипс».

В тот день с утра лил дождь. И мне это было на руку. На проверочном маршруте я, к своему удивлению, не обнаружил «наружки», которая регулярно «пасла» меня и от которой с таким трудом приходилось каждый раз отрываться. А тут всё чисто! Подумалось, что это как-то связано с дождём. Кому охота мокнуть? О том, что происходит нечто неладное, я понял только тогда, когда, выйдя на точку встречи, увидел не своего объекта, а незнакомого мужчину. Он подошёл ко мне и, представившись Ларсеном, сказал: «Нам известно, что вы ждёте Лунгстрема, но он больше не придёт, он арестован. И я бы хотел переговорить с вами о возможности нашего сотрудничества. Советую не отказываться, чтобы вам не было хуже».

Я стою и соображаю, что мне предпринять в этой ситуации. Ведь у меня на груди закреплена записывающая аппаратура, а лучшей улики в шпионской деятельности не придумаешь! И первое, что я делаю, посылаю его на три буквы. Причём по-русски. Он спрашивает «What does it mean?» - «Что это означает?» Я повторяю хлёсткое выражение и говорю: «Запомни эту фразу. Когда вернёшься к себе в контору, там тебе переведут её смысл». Вижу, мужик чуть-чуть растерялся, поворачиваюсь к нему спиной и шагаю прочь, рыская глазами по сторонам в поисках такси. Он за мной. Дождь усиливается. Он раскрывает надо мной свой зонтик и сам пристраивается рядом. Я ещё раз повторяю, куда ему нужно идти, и решительно перехожу на противоположную сторону улицы.

Некоторое время мы движемся параллельно, он по одной стороне улицы, я - по другой. И тут мне несказанно везёт: из подъезда дома, метрах в пяти передо мной, выскакивает без зонтика мужчина и торопливо открывает дверь стоявшего на обочине такси. Я - к нему: «Умоляю, подвезите до центра города». Он кивает и открывает заднюю дверцу. Уже втиснувшись на заднее сиденье, я чувствую, как кто-то пытается вытянуть меня наружу. Резко поворачиваюсь и наношу удар в грудь. Мой «приятель» Ларсен, раскинув руки, падает в лужу. Удивлённый шофёр спрашивает: «В чём дело?» «Это - хулиган, грабитель, скорее трогайте машину», - отвечаю я, и он следует моему совету.

- Ты думал о том, как всё это могло случиться? Твой объект арестован, к тебе обращаются с вербовочным предложением...

- Думал не только я, но однозначного ответа мы тогда не нашли. Хотя сейчас мне ясно, что здесь приложил руку предатель Гордиевский, который тогда тоже работал в Копенгагене. Он и заложил меня.

- Ты вернулся в Москву в феврале 1980 года с блестящими результатами и практически сразу же перешёл из главка с оперативной работы на преподавательскую в Краснознамённый институт. Ты сам этого захотел?

- Небольшое уточнение. Когда я вернулся в главк, то меня назначили начальником направления. Однако через пару-тройку месяцев без

объяснения причин перевели на работу в институт. Потом я узнал, что должность начальника направления срочно потребовалась для кого-то ещё. Но я особенно не печалился. Мне посчастливилось немало попахать «в поле», и везде я старался работать добросовестно, честно. Я пришёл в Краснознамённый институт, что называется, с чистой совестью, с сознанием выполненного служебного долга. И мне нравилось заниматься подготовкой молодых разведчиков, было что им рассказать, чем поделиться...

...Перенести несколько инсультов - дело нешуточное. И он противостоит болезням как может, лишь изредка сетуя на то, что не успел в полной мере передать молодой смене свой уникальный опыт вербовщика.

Из досье шведской полиции безопасности - СЕПО - на Николая Георгиевича Коротких: «Ловкий, энергичный и скромный. Тактичный, компетентный и мягкий. Современный русский офицер разведки. Прекрасно образованный, воспитанный, дипломатичный. От него не услышишь тяжеловесных пропагандистских штампов. Напротив, критически высказывается о застое, старомодности и бюрократических предрассудках. Воплощение «нового мышления» ещё до того, как это понятие было введено Михаилом Горбачёвым. Завораживающий, как кобра».

Дядя Вася

Тем осенним вечером 1974 года генерал Старцев вернулся со службы домой намного позже обычного - работы было невпроворот. Ужинать не стал. Приняв душ, облачился в пижаму. И отошёл было ко сну, как вдруг зазвонил телефон. Что-то стряслось, решил он. Как заместителю начальника разведки по кадрам Старцеву одному из первых докладывали обо всех ЧП, которые время от времени случаются с нашими разведчиками.

Подняв трубку, генерал услышал знакомый голос, но на этот раз почему-то подчёркнуто официальный, сухой: «Вам нет нужды приезжать завтра на службу. Вы уволены. Приказ подписан». В трубке послышались частые гудки.

Почти сорок лет Василий Иосифович Старцев отдал разведке. Можно сказать, всю свою сознательную жизнь. Другой работы у него никогда не было. И вот в один миг путь в ставшее родным Ясенево оказался для него перекрытым. Решительно и жёстко. И никаких тебе двух недель на передачу дел. Никаких торжественных проводов с традиционным бокалом шампанского, хвалебными тостами, памятными адресами и сувенирами от руководства, от коллег и друзей. НИЧЕГО!

...В своих записках «Из архива разведчика» генерал-лейтенант В.А. Кирпиченко (он многие годы тоже был заместителем, а затем первым заместителем начальника внешней разведки) отзывается о Старцеве как о «человеке выдающемся», «самом сильном начальнике отдела, цепком и

решительном», который «сотрудников своих в обиду никому не давал». Так что же стряслось? Почему с выдающимся человеком так обошлись?

С кем идти в разведку?

- Василий Иосифович Старцев или, как все звали его за глаза, дядя Вася, возглавлял 7-й отдел ПГУ пятнадцать лет, с 1957 по 1972 год. Рекордный срок! - рассказывает ветеран внешней разведки, полковник в отставке С. - И всё это время отдел считался ведущим в главке. Достаточно сказать, что он «выдавал на-гора» не менее 65 процентов всей разведывательной информации ПГУ. Объяснялось это просто: у дяди Васи, выражаясь современным языком, всегда была сильная команда, он сам её набирал.

В отличие от других начальников отделов, его запросто можно было видеть вместе с молодыми сотрудниками на волейбольных площадках динамовского спорткомплекса на Петровке. Сам, правда, не играл, но исподволь наблюдал, кто и как ведёт себя в острых игровых ситуациях.

Дядя Вася не отказывался и от застолий, будь то в ресторане или в домашней обстановке. Не из-за желания пропустить рюмочку-другую (хотя и это вполне мог) - его опять же интересовало, кто и как держится за столом, в компании. Кто чуть ли не после первой рюмки становится болтуном, что для разведчика абсолютно непозволительно. Или кого водочка делает агрессивным и непредсказуемым. Опять же не лучшее качество для разведчика. А кто «берёт на грудь», зная меру, не теряет рассудка, остаётся самим собой.

Регулярно заглядывал он и в семьи сотрудников, особенно молодых. Предупредительностью, тактом, каким-то особым обаянием запросто располагал к себе домочадцев оперработника.

Одним словом, делая ставку на молодёжь, дядя Вася стремился к тому, чтобы не по анкетным данным, а в реальных обстоятельствах знать, кто с ним хочет пойти в разведку.

- То есть изображал из себя этакого простачка, свойского мужика, с которым можно держаться на равных, похлопать по плечу?

- Э, нет! В разных ситуациях он был разным, но при этом всегда умел держать дистанцию. Подчинённые это чувствовали. Знали, что в одно мгновение дядя Вася мог измениться, и тогда держись. За непростительные промахи он умел снимать стружку.

История с курицей

- В отделе строго соблюдалась традиция, по которой все сотрудники резидентур, отгуляв очередной отпуск, обязаны были перед возвращением в точку побывать на беседе у Старцева, получить, так сказать, последние напутствия. В первую очередь это касалось молодых разведчиков, к числу которых тогда относился и я. Помню, с каким волнением я шёл на такую беседу, - делится воспоминаниями полковник в отставке Б. - Вхожу в кабинет начальника отдела. Представляюсь. Дядя

Вася встаёт из-за стола, крепко жмёт мне руку и предлагает сесть напротив. Справа от меня - начальник направления. Слева - сотрудник, который «ведёт» меня.

Василий Иосифович интересуется, как прошёл отпуск, где отдыхали. Затем расспрашивает о нашем житье в Бомбее, как обустроились, сколько комнат в арендованном доме, есть ли прислуга, довольна ли жена, как она и сын переносят жару и т.п.

Очень скоро от моего волнения не остаётся и следа. Когда же речь заходит о местной, индийской, кухне, я словно обретаю крылья - в картинках рассказываю о всех её тонкостях и особенно о полюбившейся нам с женой «тандури чикен» - жареной курице, нарядно приправленной кари и множеством других восточных пряностей. Не без гордости замечаю, что жена уже освоила технологию приготовления этого вкуснейшего блюда и потчует меня им два, а то и три раза в неделю. Увлёкшись, не замечаю, как с лица начальника отдела исчезает отеческая улыбка, а взгляд становится гневным, недоброжелательным. Неожиданно его крепко сжатый кулак обрушивается на рабочий стол с такой силой, что подпрыгивает не только пепельница и стаканчик с отточенными карандашами, но даже массивный чернильный прибор и настольная лампа. Дядя Вася вне себя.

«Значит, два или даже три раза в неделю наслаждаешься курочкой?! - издевательски произносит он. - А меня жена кормит курицей по воскресеньям. Да и то не всегда, потому что я с утра до вечера, зачастую и по воскресеньям, торчу вот в этом кабинете».

Я знал, что это правда, что Старцев раньше всех приходит в отдел и позже всех уходит. Я замолкаю.

«У меня на первом плане работа, а у тебя? - гремел он. - Что ты сделал за год с лишним в резидентуре? Каких конкретных результатов добился? Изучил тонкости местной кухни! И всё? Кроме «тандури чикен», рассказать не о чем?!»

Монолог дяди Васи продолжался десять, а может быть, пятнадцать минут. Точно не помню. Не до этого было.

- Но ведь это же издевательство, Сергей Иванович?! Не воспитательная работа, а элементарное унижение человеческого достоинства. Вы не согласны?

- Грубые, а порой нецензурные выражения и всё такое прочее, конечно же, не красили дядю Васю как начальника отдела, да и просто как старшего. Это факт. Я много раз задумывался над тем, почему он позволял себе такое, в особенности с молодыми сотрудниками.

- Ну и как? Нашли объяснение?

- Похоже, что да. Представьте себе: молодого, подготовленного, но ещё не обстрелянного боксёра выпускают на ринг. И он вместо того, чтобы активно вести себя, размахивает перчатками перед соперником, не нанося удара. Боится нарваться на встречный. Что делает тренер? Он

бьёт по самолюбию, по тщеславию своего подопечного, не стесняясь при этом в выражениях. Для него важно -«достать» своего воспитанника, заставить его бороться за победу. Иначе ему нет места в боксе.

Мне думается, такая же логика была у Старцева. Не случайно, закончив «экзекуцию», он сразу перешёл к анализу и оценке первичных оперативных контактов и нейтральных связей, которыми мне удалось обзавестись. Я был поражён, насколько детально он их знает.

По каждому контакту или связи - конкретные замечания и рекомендации. На кого и почему нужно обратить внимание с прицелом на вербовочную разработку. И главное - как это сделать. После беседы я имел чёткий план оперативных действий на ближайший год.

Я, конечно, понимал и то, что к следующему отпуску у меня в оперативном багаже должны быть весомые доказательства моей профпригодности. В противном случае, первая загранкомандировка будет прервана и станет для меня последней со всеми вытекающими из этого последствиями.

- Даже так?

- Если дядя Вася видел, что оперативный сотрудник резидентуры не горит желанием работать в «поле», уклоняется от выполнения рекомендаций Центра или, наконец, по объективным данным не способен стать «полевым игроком», он без колебаний отзывал такого в центр и решительно избавлялся от него. Но это не значит, что он был безразличен к людским судьбам. Помнится, один из молодых разведчиков был отозван с мотивировкой «из-за непригодности к оперативной работе за границей». Отдел кадров собрался уволить его из разведки. Однако Старцев, что называется, встал на дыбы, заявив, что у парня есть явные задатки «информационщика». И не ошибся. Неудачник в «иоле» со временем стал одним из ведущих аналитиков службы.

Другое дело - ловкачи, подхалимы или интриганы, вот их он на дух не переносил. Становился жёстким, а подчас и жестоким. Не случайно кое-кто обзывал его «осколком культа личности».

Дядя Вася был категоричен в отношениях не только с подчинёнными. Помнится, один из заместителей начальника разведки любил по каждому поводу проводить в своём кабинете совещания. Но поскольку он пришёл со Старой площади и о разведке имел лишь самое общее представление, то в его пространных речах было много общих фраз и ничего конкретного. Старцев, который, как и другие начальники отделов, обязан был присутствовать на этих совещаниях, однажды своим зычным голосом прервал оратора и заявил, что, мол, полтора часа сидит, слушает и никак не может понять, какую же пользу всё это принесёт работе его отдела. Если же заместителю начальника разведки нечего сказать, то и людей собирать не следует.

«У меня в отделе работы по горло», - с этими словами Старцев вышел из кабинета и больше на совещания к этому заму не являлся. Л вскоре тот сам куда-то исчез.

Под началом Старцева я проработал почти пятнадцать лет. Всяко бывало. Даже похлеще жареной курицы. Однако главным в наших взаимоотношениях неизменно оставались интересы разведки. Других у дяди Васи не было.

«Побег» из школы КГБ

- Проучившись в ныне широко известной, а тогда сверхсекретной 101-й школе КГБ всего лишь месяц, я написал рапорт на имя начальника разведшколы, сдал учебники и прочие пособия, собрал личные вещи, предупредил дежурного (чтобы не посчитал меня пропавшим и не поднимал тревогу) и отбыл домой, - рассказывает генерал-майор запаса П. - Жене объяснил, что с разведкой покончено, возвращаюсь в МИД, где работал прежде. Она схватилась за голову: «Ты понимаешь, что ты наделал?!»

- А ведь она была права, ваше решение самовольно уйти из разведки было чревато теми же последствиями, что выход из рядов КПСС: крест на карьере, сложности с трудоустройством. О поездках за границу и «думать не моги»: вас к МИДу ближе, чем на километр, не подпустили бы.

- Конечно, это так. Но тогда я был во власти обиды. Я ведь дал согласие перейти из МИДа в кадры разведки после того, как беседовавший со мной представитель КГБ гарантировал, что будут учтены мой практический опыт востоковеда и стаж работы в МИДе, где я дослужился до ранга второго секретаря. Было обещано, что и в зарплате я не проиграю. На деле же всё получилось иначе. Меня приравняли к недавним выпускникам МГИМО с соответствующим званием и денежным довольствием, которое оказалось значительно ниже зарплаты второго секретаря. А у меня на полном иждивении - престарелая мать, жена с маленькой дочерью. О том, чтобы содержать их на то, что мне определили в 101-й, не могло быть и речи. Вот я и вспылил.

Л на второй день после моего «бегства» раздался телефонный звонок из кадров ПГУ. Пригласили на беседу. К кому - не сказали. На Лубянке встретили и по длинному коридору молча проводили в кабинет, хозяином которого оказался Старцев. В пятиминутном монологе он дал мне понять, что знает не только о моём «побеге» из 101-й, но и достаточно подробно о моей прошлой жизни и работе. Л закончил так: «Ну что, скандалист? Давай-ка принимайся за работу в отделе, участок тебе уже выделен. Придётся обойтись без 101-й».

На следующий день я вышел на работу в 7-й отдел ПГУ. Л вскоре убедился, что все обещания выполнены - конечно, не без вмешательства дяди Васи. А азы и премудрости профессии приходилось осваивать на ходу, на практике. И бывало всякое. Приходилось и выслушивать неприятные вещи, в том числе от самого Старцева. Два года я трубил в отделе с раннего утра до позднего вечера.

- А что произошло через два года?

- Старцев вдруг объявил, что направляет меня заместителем

резидента. И не куда-нибудь, а в одну из крупнейших точек, в Токио. Я засомневался: в токийской резидентуре были сотрудники, которые и по возрасту, и по опыту работы в «поле» годились мне если не в отцы, то уж, по крайней мере, в старшие братья. Но дядя Вася остался при своём мнении. И во время моей подготовки, в течение нескольких месяцев, играл роль опекуна, постоянно учил уму-разуму. Подробно анализировал вместе со мной состояние работы в точке, давал объективную оценку каждому сотруднику, отмечал сильные и слабые стороны, наиболее рациональные направления его использования. Мы перемыли косточки всему агентурному аппарату и «продвинутым», то есть близким к завершению, вербовочным разработкам. Наконец, он упорно вдалбливал мне, насколько важно с первого дня правильно поставить себя в коллективе, во взаимоотношениях с каждым сотрудником. Так он «лепил» из меня заместителя резидента.

Когда через пару лет мне вручили орден боевого Красного знамени, я без колебаний заявил, что награду нужно вручать не мне, а Старцеву, потому как своими вербовочными результатами я всецело обязан ему. Я и сейчас так думаю.

Сингапурский прокол

- А случалось ли, что Старцев был несправедлив с подчинёнными?

- Такое бывало, но крайне редко, - рассказывает ветеран 7-го отдела, полковник в отставке К. - В 1967 или в начале 1968 года, точно не припомню, из сингапурской резидентуры поступила информация: появилась реальная возможность задействовать, причём на конспиративной основе, одну из местных газет на китайском языке для разоблачения «антимарксистской, раскольнической деятельности маоистов в международном коммунистическом движении и, в частности, их антисоветских происков в Юго-Восточной Азии». В те годы, напомню, враждебность в советско-китайских отношениях достигла пика. Поэтому информация о газете вызвала живейший интерес в ЦК КПСС.

Через некоторое время моему коллеге-китаисту передали для анализа несколько номеров этой газеты и указание Старцева подготовить проект записки на Старую площадь, в котором отразить «антимаоистское политическое лицо газеты» и предлагаемые нами пути её использования в интересах КПСС.

Оперработник тщательно проштудировал все номера газеты и ужаснулся: иначе, как, пользуясь принятой тогда терминологией, махрово антисоветской, газету нельзя было назвать. Об использовании её в наших интересах не могло быть и речи. Старцев, таким образом, оказывался в весьма пикантном положении: его попросту подставили. Понимая это, оперработник решил подстраховаться - обратился к двум ведущим китаеведам нашей службы. Не вводя их в подробности дела, попросил дать письменные отзывы на газету. Они, к сожалению, подтвердили его предположения.

В назначенный день он положил на стол Старцеву свою справку и отзывы экспертов. Дядя Вася всё внимательно прочитал и, взглянув на оперработника исподлобья, процедил: «Вы свободны». Конечно, у него тогда были неприятности, в том числе со Старой площадью. Но мы не предполагали, что он, в свою очередь, отыграется на оперработнике: очередное воинское звание тому было присвоено значительно позже положенного срока, потому что на представлении не хватало визы начальника отдела. Конечно же, в данном, конкретном случае дядя Вася был не прав. Его грубая ошибка была очевидна. Это был срыв. Но что поделаешь?! Говорят, что не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

За что Крючков невзлюбил дядю Васю

- Может быть, такие «ошибки и срывы» как раз и послужили причиной его увольнения из разведки?

- Нет. Однозначно нет, - утверждает генерал-майор запаса А. - Его «ушли» потому, что взгляды на принципы подбора и выдвижения кадров у Старцева, ставшего заместителем начальника разведки по кадрам, и у Крючкова, тогдашнего шефа разведки, оказались взаимоисключающими.

Старцев старался как мог оградить разведку от случайных людей. Брал лишь тех, кто по своим личным, моральным и деловым качествам, по интеллекту отвечал жёстким требованиям нашей работы. За пятнадцать лет, в течение которых он возглавлял 7-й отдел, не было ни одного случая предательства. А ведь этот отдел охватывал полмира, от Японии до Пакистана, включая Индию, Индонезию и ещё добрый десяток государств Южной и Юго-Восточной Азии.

Крючков же придерживался иных принципов. Личные и деловые качества, профпригодность - всё это постепенно отодвигалось на второй план, а на первый выходил принцип личной преданности. В сугубо специальную организацию, каковой является разведка, потянулись «позвоночники», представители партноменклатуры, их дети, племянники, да и просто друзья. Результаты такой кадровой политики не заставили себя долго ждать. Сошлюсь на общеизвестный факт.

Сергей Моторин, сынок высокопоставленного партийного босса, ещё не получив диплома об окончании МГИМО, уже хвастался однокурсникам, что будет зачислен в разведку и после спецподготовки в разведшколе поедет не куда-нибудь, а в США. Так и получилось: неоперившийся птенец от разведки вместе с семьёй проследовал в Вашингтон, где активно включился в... приобретение японской бытовой техники. Причём не за наличные, а по бартеру. Аудиосистему «Сони» - за пару ящиков «Столичной», которая в посольском магазине стоила на порядок дешевле, чем в американских супермаркетах. На этой элементарной сделке ФБР его и «спеленало». Причём сам Моторин воспринял содеянное с лёгким сердцем. Его больше волновало другое - как договориться с ФБР об оплате номера в дешёвенькой гостинице, чтобы регулярно развлекаться там с секретаршей одного из советских учреждений в Вашингтоне. Договорился - по сто «зелёных» за каждое посещение гостиницы. Всего-

то!

В двухтомнике своих воспоминаний В. Крючков признаёт, что в период 1973-1981 годов американцы добились «существенных успехов в приобретении агентуры» среди советских разведчиков. Такое признание дорогого стоит, ибо шефом разведки именно в этот период был он, Крючков Владимир Александрович.

Дядю Васю не впервые сняли с руководящей должности

Впервые же это случилось в марте-апреле 1953 года, когда Лаврентий Берия отозвал из загранкомандировок практически всех резидентов. Он лично решал их дальнейшую судьбу.

В числе отозванных был и наш резидент в Израиле В. И. Вертипорох. Его отчёт понравился Лаврентию Берии. Но ещё больше наркому понравился сам Вертипорох: высокий, статный, импозантный. Отпустив резидента и сопровождавшего его Старцева, Берия поинтересовался у начальника управления: «Кто Вертипорох по должности и как вы намерены его использовать?» На это последовал ответ: «Мы планируем его на должность заместителя к товарищу Старцеву». Берия поморщился и сказал: «Как же так? Этот - такой красивый, такой представительный, со свежим опытом оперативной работы, а тот - совсем невыразительный, невидный такой... Давайте сделаем наоборот!» Так, по капризу Берии, дядя Вася был снят с должности начальника отдела, на которую он вернулся только в 1957 году.

По прихоти же Крючкова дядю Васю не просто сняли с должности, а отлучили от разведки. Его соратники утверждают, что после того позднего звонка Старцев, смирив гордыню, сам позвонил в Ясенево и сказал, что хотел бы ещё поработать. Л ему ответили: «Вы хотели бы, но с вами не хотят».

И последнее. Все мои собеседники рассказывали о том, что Старцев имел немало высоких государственных и ведомственных наград, был кавалером орденов Ленина, Трудового Красного знамени, Красной Звезды, знака «Почётный сотрудник госбезопасности». Но никто и никогда не видел его при орденах и медалях. Не щеголял он и в генеральских лампасах. Считал, что разведчику ни к чему выставлять себя напоказ. Даже в узком кругу друзей предпочитал не распространяться о делах и зигзагах своей служебной карьеры. Известно лишь, что в 1938 году он был принят на работу в контрразведывательное подразделение НКВД. Оттуда перешёл в разведку. «Пахал в поле» в нескольких странах Азии, и Европы. И имел, выражаясь казённым языком разведки, конкретные вербовочные результаты.

Его не стало 11 апреля 1984 года.

Персидские мотивы Дмитрия Кузьмина

Семидесятые годы. Тегеран. Первый секретарь советского посольства в Иране Дмитрий Кузьмин припарковал свой «додж», вышел из машины и

отправился на встречу с одним из лидеров антишахской оппозиции Хасаном Фарзане. Они проговорили меньше часа, а когда Кузьмин вернулся к месту, где оставил автомобиль, то обнаружил, что «додж» исчез. Он непроизвольно посмотрел на часы - 15.23. Почему-то подумал: «Вот вам и первый угон автомашины нашего посольства». Но делать нечего. В ближайшем полицейском участке Кузьмин предъявил дежурному офицеру свою дипкарту и заявил о случившемся. Дежурный в чине майора тотчас связался по рации со всеми постами города. Потом ещё пару раз позвонил по телефону куда-то. И наконец заметил: «Вряд ли это уголовники. Они на такое бы не решились, знают, чем чреват для них угон автомобиля с дипломатическими номерами». Из дальнейших рассуждений майора недвусмысленно вытекало, что исчезновение «доджа» - дело рук САВАК, шахской службы безопасности. А на прощание сказал: «Как только найдём вашу машину, сообщим в консульский отдел советского посольства»...

Полковник Дмитрий Тимофеевич Кузьмин вышел в отставку в 1986 году. А до этого считался в нашей разведке одним из ведущих специалистов по Ирану, в котором проработал 14 лет. Срок для работы «в поле» в одной стране - мало сказать внушительный для разведчика.

- Дмитрий Тимофеевич, как получилось, что вы столько лет провели в Иране?

- Всё началось с учёбы в Московском институте востоковедения, куда я поступил в 1946 году. Там настолько увлёкся Ираном, его историей и культурой, вековыми традициями и обычаями, что решил во что бы то ни стало овладеть языком Фирдоуси и Омара Хайяма, как родным.

- И вам это удалось?

- Да. Я свободно общался с иранцами из разных слоёв общества на их языке или даже жаргоне. Прочёл в подлиннике всемирно известных персидских поэтов-классиков и, естественно, без труда читал газеты, журналы, слушал радио- и телепередачи.

- Но возможно ли так любить страну и одновременно вести против неё разведку?

- Все 14 лет, проведённые в Тегеране, я действительно занимался разведкой. Но не «против» этой страны и её народа, а всего лишь «в» этой стране. Л против кого? Против тогдашнего нашего ГП - «главного противника». Точнее, против США и их союзников по НАТО, которые создавали в этом регионе военный плацдарм против нашей страны. Национальным же интересам Ирана, его государственной безопасности моя работа не причинила ни малейшего вреда.

- А разве вы не вовлекали иранских граждан в свою разведывательную деятельность? Не делали их «агентами Кремля»?

- Лучше ответить конкретным примером. В 1978 году в Тегеране был арестован и предан суду генерал Могарреби. Его обвинили как раз в том, что он якобы за «тридцать сребреников» продал свою страну и стал

«агентом Кремля». Его расстреляли, несмотря на то, что адвокат представил судьям убедительные доказательства того, что генерал своими действиями не нанёс никакого вреда Ирану.

- Адвокат на то и адвокат, чтобы всеми возможными и невозможными способами доказать невиновность своего подзащитного, даже если он - отпетый убийца. Не так ли?

- В данном случае не так. Чтобы понять мотивы сотрудничества Могарреби, следует вспомнить, что во второй половине семидесятых годов иранское общество было расколото на две части. Шах Мохаммад Реза Пехлеви и его ближайшее окружение, опираясь на мощный репрессивный аппарат и, в частности, на разветвлённую службу безопасности - САВАК, выступали за американизацию страны, хотя так называемый американский образ жизни был чужд и неприемлем для подавляющего большинства иранцев, исповедующих шиитское направление ислама, веками воспитывавшихся на совершенно иных моральных и нравственных ценностях. Поэтому интеллигенция, студенчество, торговцы всё более активно и открыто выступали против шахского режима. Возглавило же эту борьбу радикально настроенное духовенство во главе с аятоллой Хомейни.

Антиамериканские и антишахские настроения набирали силу и в армейских кругах, среди офицерского корпуса и генералитета. Одним из таких и был генерал Могарреби, высокопоставленный сотрудник Генштаба иранской армии. Поступавшие от него сведения касались исключительно поставок американского вооружения в Иран. Ни о каких секретах, затрагивающих национальную безопасность страны, не было и речи. И ещё один немаловажный штрих. Генерал за всё время сотрудничества с нами не получил ни единой копейки. Он никогда не поднимал вопроса о каком-либо вознаграждении. Он руководствовался интересами своей родины.

Именно это и пытался доказать на суде адвокат, но безрезультатно. Судебный процесс проходил по заранее расписанному сценарию и закончился так, как должен был закончиться.

Кстати, того полицейского офицера, майора, который недвусмысленно дал мне понять, что «додж» угнали саваковцы, точно так же можно назвать «агентом Кремля». Он ведь «проговорился» не по наивности или неопытности. Я убеждён, что он действовал осознанно.

- А машину-то вам, кстати, вернули?

- На третий день. И когда мы с консулом прибыли по указанному полицией адресу, то увидели не мой «додж», а его останки - голый кузов, колёса и остов мотора.

- Вы наверняка старались разобраться, зачем САВАК понадобилась эта история с автомобилем?

- Конечно. И вот к какому выводу мы пришли. Мои встречи с Фарзане - а он относился к числу влиятельных, наиболее радикально и непримиримо

настроенных оппозиционеров, - разумеется, вызывали раздражение у САВАК. Равно как и сама по себе моя персона. Саваковцы вряд ли располагали достоверными сведениями обо мне как о разведчике, но оснований для подозрений у них было предостаточно. Если эти два момента увязать с тем, что акция с «доджем» была проведена накануне моего отъезда в Москву в очередной отпуск, а об этом заблаговременно, как положено, был проинформирован шахский МИД, то вывод напрашивался сам собой. Мне давали понять, что не следует возвращаться из отпуска обратно в Тегеран. В Центре, между прочим, согласились с нашим выводом.

- И вняли достаточно прозрачному намёку саваковцев?

- Отнюдь. В Москве была осуществлена аналогичная, один к одному, операция против установленного разведчика - первого секретаря иранского посольства, его «форд» разделил участь моего «доджа». А мне было велено возвращаться в Тегеран и делать своё дело.

- И как после этого складывались ваши отношения с САВАК?

- Принцип «око за око, зуб за зуб» сработал как нельзя лучше. Никаких провокационных выпадов против меня не было вплоть до моего окончательного отъезда из Тегерана в 1977 году.

- Вы, как я понял, были убеждены, что режим шаха в Иране обречён. В 1979 году он действительно пал и к власти пришёл аятолла Хомейни. Его действия многих в мире шокировали. А вас?

- Однозначного ответа я не дам. И вот почему. В феврале 1979 года впервые в истории Ирана светская и духовная власть в стране оказалась в одних руках - шиитского духовенства с его догмами и фанатизмом.

В средствах массовой информации действительно замелькали сообщения о том, что в Иране правят бал «бородатые стражи исламской революции», что страна «возвращается в средневековье». «Имам Хомейни запретил употреблять спиртное даже находящимся в Тегеране дипломатам». «Имам Хомейни осудил музыку, поскольку она вызывает похотливые желания у молодёжи». «Америка - великий сатана, всё, что исходит оттуда, - порождение сатаны». «Женщинам предписано носить паранджу, а мужчинам - специальную мусульманскую одежду». И т.д., и т.п.

Те, кто писал это, и те, кто читал газеты, в большинстве своём не знали или не хотели знать, что в этой стране история измеряется своим, персидским аршином. И у неё своя, особая хронология. В частности, с точки зрения шиитов, власть шаха была незаконной, ибо управлять мусульманами могут только прямые наследники имама Али или их родственники из числа благочестивейших, достойнейших духовных лиц. Род Реза Пехлеви к таковым не относился. И второй показатель незаконности, по мнению духовенства, режима Пехлеви - его потворствование иноземному влиянию в Иране. Поэтому борьба с шахским режимом и чужеземным засильем была близка и понятна каждому иранцу. Видимо, в этом и нужно усматривать смысл исламской революции

в Иране, которая, увы, как и всякая другая, не могла обойтись без эксцессов, перегибов, издержек.

Шахский режим довёл страну до полного разорения, народ - до нищеты. И если прожиточный минимум в Иране считался самым низким на Среднем Востоке, то это - «достижение» не исламской революции, а свергнутого шаха.

Новые руководители Ирана сделали ставку на самостоятельный путь развития, независимый от каких-либо великих держав. Они опирались исключительно на собственные силы. И пусть медленно, но всё же преуспели в достижении поставленных целей. Они разумно и очень эффективно используют для этого экспорт природных ресурсов, которыми богат Иран, - нефти, угля, цветных металлов. Вырученная валюта тратится на импорт новейшей технологии, расширение научно-технической базы, развитие промышленности и сельского хозяйства. Этого нельзя не видеть. Так что однозначную, окончательную оценку тому, что произошло в Иране в феврале 1978 года, давать пока ещё преждевременно.

- После возвращения из Ирана где вы ещё побывали?

- В 1978 году меня направили в краткосрочную командировку в Париж. Но опять же по делам, напрямую связанным с Ираном. В то время влияние обосновавшегося в пригороде Парижа аятоллы Хомейни, его окружения на ход событий в Тегеране уже было решающим. А как вы догадываетесь, в Иране у меня были неплохие связи в среде радикального духовенства. Вот они-то, эти связи, и должны были помочь мне получить в пригороде Парижа достоверную информацию о планах и намерениях антишахской оппозиции, о том, каким ей видится миропорядок, как она относится к Советскому Союзу, насколько устойчивы её антиамериканские настроения и так далее.

- Вам это удалось?

- Представленный в «инстанцию» прогноз ПГУ о том, что дни шахского режима сочтены, что в Иране грядёт исламская революция, полностью подтвердился. Так что профессионально я был вполне доволен результатами своей поездки в Париж. А вот в личном плане этот визит подпортил мне настроение, наверное, на всю оставшуюся жизнь.

- Что такое, Дмитрий Тимофеевич?

- Чтобы ответить, нужно начать издалека, с декабря 1942 года. Тогда в городе Иваново была сформирована эскадрилья «Нормандия» - четырнадцать французских лётчиков и пятьдесят инженеров, техников и механиков.

К «Нормандии» были прикомандированы пятнадцать советских специалистов по обслуживанию боевых самолётов. В их числе оказался и я, инструктор-механик по вооружению. Мне было поручено обслуживать истребитель Жана Луи Тюляна, первого командира эскадрильи. В июле 43-го он погиб в воздушном бою на Орловско-Курской дуге. Моим новым

подопечным стал Луи Дельфино, который занимал должность третьего командира уже полка «Нормандия-Неман», а после войны возглавлял французские ВВС.

Когда война закончилась, советское руководство передало в дар лётчикам полка сорок истребителей «Як-3», на которых они летали. На этих боевых машинах весь состав «Нормандии-Неман» перелетел в Париж. А вместе с ним и мы.

Франция встретила лётчиков как национальных героев, во Дворце инвалидов в присутствии генерала де Голля им были вручены высокие награды. Не забыли и нас. Меня наградили вторым орденом «Боевого креста».

- А первый вы когда получили?

- Его в 1944 году вручил мне на 3-м Белорусском фронте глава французской военной миссии в Москве генерал Пети. Тогда полк самым достойным образом показал себя в боях за форсирование реки Неман и приказом Верховного командования Советского Союза был удостоен названия «Неманский».

Во Франции по сей день действует Ассоциация ветеранов полка «Нормандия-Неман», а в составе Московской секции при Российском комитете ветеранов войны есть Совет ветеранов этого полка. Обе ветеранские организации постоянно поддерживают контакты, обмениваются информацией, выставками, делегациями. И всякий раз, когда я находился в Москве, непременно участвовал в этих мероприятиях.

Так вот, во время моей командировки в Париж в 1978 году я встречаю Игоря Эйхенбаумана, мы разговорились, и я чувствую, что меня подозревают чуть ли не в предательстве нашей боевой дружбы.

- А кто такой этот Игорь Эйхенбауман?

- Сын одного из соратников Ленина по газете «Искра». В 1912 году Эйхенбауман-старший из-за идеологических разногласий с Лениным эмигрировал из России и обосновался во Франции. Игорь же был переводчиком в полку «Нормандия-Неман». В его обязанности тогда входило также поддержание радиосвязи с экипажами, выполнявшими боевые задания. А в момент нашей встречи в Париже он был ответственным секретарём Ассоциации ветеранов полка «Нормандия-Неман».

- И что расстроило вас в разговоре с ним?

- Он, словно сотрудник спецслужбы, назойливо расспрашивал меня о целях моего визита, хотя французская сторона была официально извещена о том, что я как сотрудник МИД СССР, специалист по Среднему Востоку, командирован в Париж для участия в организованном ЮНЕСКО семинаре по проблемам этого региона. Чтобы развеять всякие сомнения, я тогда пригласил Игоря на своё выступление на семинаре, но он не пришёл.

- Может быть, в Ассоциацию просочились сведения о вашей принадлежности к советской разведке?

- Возможно. Но разве быть разведчиком - преступление? Какое отношение эта моя работа имеет к Ассоциации ветеранов полка «Нормандия-Неман» во Франции или Совету ветеранов полка в Москве?

«Нормандия-Неман» - это братство по оружию. Предполагающее взаимное доверие и уважение, дружбу, скреплённую борьбой против общего врага. За все послевоенные годы я не давал ни малейшего повода усомниться в моей приверженности этим идеалам. Каково мне было увидеть настороженность Игоря или в 1993 году на приёме в городе Реймсе, устроенном в честь делегации ветеранов «Нормандия-Неман» и группы советских лётчиков, услышать из уст генерала Жозефа Риссо: «Теперь я знаю, какой вы дипломат»? Причём сказано это было полушёпотом, как-то по-заговорщицки. А ведь мы были друзьями. Риссо был пилотом в первой группе французских лётчиков. Настоящий ас, сбил более десятка фашистских самолётов. И мне довелось обслуживать его истребитель. Тогда ничего, кроме слов благодарности, я от него не слышал.

- Но вы по-прежнему участвуете в работе Совета ветеранов?

- Откровенно говоря, нет. Мне неприятно даже изредка ловить на себе взгляды, в которых сквозит то ли укор, то ли подозрительность. По-другому, наверное, не будет. Как говорят французы, «се ля ви». И ничего тут не поделаешь.

- В Иран вы больше не возвращались?

- Нет. Но с 1983 по 1986 год я был по соседству с ним, в Афганистане. Причём попал туда почти случайно, по стечению обстоятельств. ПГУ, как известно, помогало правительству Бабрака Кармаля создавать национальную службу безопасности - ХЛД, которую, впрочем, у нас предпочитали называть Службой государственной информации, СГИ. И я преподавал на курсах, которые в рамках этой помощи были созданы для афганцев в Москве. Каждые полгода мы выпускали очередной курс и набирали новый. Ну и традиционно раз в полгода устраивался торжественный вечер, приезжали руководители ПГУ и ответственные лица из ХАД. На одном из таких вечеров афганцы в неофициальной, так сказать, беседе «намекнули», что, мол, хотели бы видеть меня в Кабуле в качестве советника Службы государственной безопасности. И вскоре я отправился в длительную командировку в Афганистан.

- То есть вы ехали к своим ученикам?

- Да, со многими сотрудниками ХАД я был знаком по курсам. Так что легко вошёл в коллектив, тем более, что там была очень доброжелательная обстановка, работали они хорошо, целеустремлённо. А поскольку афганский дари и персидский фарси - это один язык, то и в этом никаких проблем у меня не было. Через год с небольшим афганская внешняя разведка добилась вполне конкретных результатов, сотрудники получили правительственные награды. В их числе оказался и я - мне

вручили орден Красного знамени. На удостоверении к нему стояла подпись Наджибуллы, который тогда возглавлял ХАД.

- Как вам с ним работалось?

- Легко. У него был очень профессиональный подход к проблемам госбезопасности, в том числе к внешней разведке, так что с ним можно было разговаривать без каких-либо недомолвок. Как человека Наджибуллу прежде всего отличали порядочность, умение сохранять выдержку и спокойствие в любых ситуациях. Это был умный политик, прекрасный организатор.

- Обычно длительная загранкомандировка для разведчика -четыре, а то и пять лет. Вы же не проработали в Афганистане и трёх. Почему?

- В 1985 году я получил контузию при взрыве реактивного снаряда. Попал в госпиталь в Кабуле, оттуда - в московский госпиталь. После выписки вернулся в Афганистан, ещё год там проработал. Но потом понял, что делать своё дело в полном объёме уже не могу, а работать вполсилы не по мне. Вот и подал рапорт с просьбой отозвать меня. Летом 86-го я простился с Кабулом...

Каперанг

В предпоследний день уходящего 1976 года резидент советской разведки в Дели получил из Центра задание: «Провести установку Б.Ш. Собрать на него характеризующие данные. Определиться с целесообразностью и практической возможностью его вербовочной разработки. О результатах доложить». На всё - давалось три недели.

Ещё в шифровке говорилось о том, что наводка на Б.Ш. получена от «Мишеля». Давний, проверенный агент КГБ несколько раз встречался с индийцем во время его деловой поездки по ряду западноевропейских стран. Профессиональное чутьё подсказывало «Мишелю», что советская разведка непременно заинтересуется Б.Ш. И не только из-за его высокого положения в руководящих кругах Индии. Но прежде всего в силу его обширных контактов с американцами, которых к тому же он недолюбливал.

Резолюция резидента на шифровке была предельно краткой: «Тов. Максиму. На исполнение». «Максим» - один из оперативных псевдонимов ныне отставного капитана первого ранга Вадима Николаевича Сопрякова.

- Почему выбор пал на вас? Вы ведь прибыли в делийскую резидентуру в августе. Наверное, и освоиться как следует не успели. Или так было принято встречать в Дели новеньких?

- Задание по Б.Ш. свалилось на меня на пятом месяце моей работы в Дели. Я успел изучить город, подобрать проверочные маршруты, чтобы выявлять настырную индийскую «наружку» и отрываться от неё. Наметил места для конспиративных встреч. Более того, у меня на связи уже были два ценных агента. Один - из местных, высокопоставленный правительственный чиновник. Другой - из дипкорпуса, ведущий дипломат

одного из аккредитованных в Дели посольств. Работа с агентурой была для меня не в новинку, поэтому с ними дело заладилось. Информация поступала регулярно и получала в Центре достаточно высокую оценку. Резидент был доволен. Но у меня не было своей, собственной вербовочной разработки - не успел обзавестись. Вот он и «подбросил» мне наводку.

- Выходит, в Дели вы приехали уже обстрелянным работником «в поле». Где и когда вы приобрели этот опыт?

- До Индии я четыре года трубил в бирманской резидентуре, в Рангуне (ныне - Янгон). Это была моя первая загранкомандировка. Так сказать, боевое крещение. Тем, как оно прошло, я остался доволен. Правда, немалую роль сыграла в этом «госпожа удача».

В центре бирманской столицы раскинулись несколько озёр. На живописном берегу самого большого из них Инья Лэйк обосновался международный яхт-клуб «Рангун сэйлинг клаб». Поскольку я - морской офицер, довольно часто ходил на шлюпке под парусом, то, как говорится, сам бог велел мне быть в этом клубе.

Надо сказать, что Инья Лэйк - озеро капризное, с характером. Своими необузданными по силе и переменчивыми по направлению ветрами оно способно поставить в тупик даже опытного яхтсмена.

Однажды его жертвой стали два французских дипломата: порыв шквального ветра в мгновение перевернул их яхту. Я поспешил на выручку. Одного из пострадавших подобрал, а второго попросил остаться при перевёрнутой яхте и дожидаться спасателей. Этого требовали правила клуба.

Доставив потерпевшего на берег, предложил ему сухое полотенце и пригласил в бар. Две-три порции виски несколько успокоили его. Он расслабился. На лице появилась улыбка. Он представился. И мне на какие-то мгновения пришлось испытать лёгкую оторопь. Рене Миле был новым, ещё не успевшим вручить верительные грамоты послом Франции в Бирме (ныне - Мьянма). «Госпожа удача» предоставляла мне шанс. Да ещё какой!

После затянувшейся дружеской беседы Рене Миле попросил, «если это меня не затруднит», подвезти его во французское посольство. Надо ли говорить, что я сделал это с превеликим удовольствием?!

С этого момента и до конца моей командировки я неизменно получал приглашения (с супругой) на все официальные приёмы и прочие протокольные мероприятия, которые устраивались в посольстве Франции либо, в более узком составе, в личной резиденции Рене Миле. Даже в ознакомительные поездки по стране он обязательно приглашал меня. Благодаря всему этому круг моих связей в дипломатическом корпусе на уровне послов и советников, а также среди руководящих чиновников бирманского МИДа и других министерств невероятно расширился. А значит, облегчился и поиск источников информации, кандидатов на вербовку.

Кстати, в рангунской резидентуре, как и в делийской, времени на раскачку никому не давали. Через две недели после приезда в Бирму мне передали на связь первого в моей жизни агента. Это был местный гражданин. От него поступала оперативная информация об американцах, в частности, об их контактах с бирманскими чиновниками.

Как только я наладил с ним работу, мне подбросили второго, тоже из местных. Но этот занимал довольно солидное положение в одной из правительственных структур и передавал нам политическую информацию, кстати, также об американцах, которая достаточно высоко оценивалась в Центре.

Так я приобретал опыт работы с агентурой. Одновременно вырисовывалась и моя ориентация на работу против американцев, в то время - нашего «главного противника». Эта специализация на ГП закрепилась за мной после того, как мне удалось, опять же благодаря Рене Миле, выйти на крупного политического деятеля Бирмы - «Дана». Так окрестил я его. Это была моя первая вербовка. На неё ушёл чуть ли не целый год, поскольку я вёл её методом постепенного втягивания «Дана» в сотрудничество с нашей службой. В самом начале ограничивался получением от него устных сведений по бирмано-американским двусторонним отношениям. Затем стал обращаться с просьбами письменно изложить информацию и своё мнение по тому или иному аспекту политики Вашингтона в регионе Юго-Восточной Азии. И, в конце концов, подвёл его к тому, что целесообразнее всего передавать мне документы.

Плодотворное сотрудничество «Дана» с нашей службой продолжалось и после моего отъезда на родину. До его выхода на пенсию.

Так вот, я думаю, что мой бирманский опыт плюс моя ориентация на работу по ГП и повлияли на решение резидента в Дели поручить мне разобраться с наводкой на Б. Ш.

- И с чего вы начали? Ведь Индия - это не Бирма. Не так ли?

- Да, это, как говорится, две большие разницы. Индия сразу же поразила меня своими масштабами и бурной политической и социально-экономической жизнью. Первая любовь, Бирма, смотрелась на её фоне всего лишь провинцией, где политическая и дипломатическая жизнь едва пульсировала.

На первых порах удивила меня и оперативная обстановка в Дели. С одной стороны, везде и всюду слышалось «Хинди-руси, бхай, бхай!» - «Да здравствует индийско-советская дружба!». А с другой стороны, я с первого же дня оказался под плотным наблюдением местной «наружки». Куда бы я ни выезжал, с женой или один, автомашины наружного наблюдения непременно сопровождали меня. В магазинах, на базаре и просто на улице - везде находились люди, которые навязчиво знакомились со мной, стараясь выведать как можно больше сведений обо мне и моих знакомых, даже случайных. Я понимал, что мои бирманские

«друзья» из ЦРУ и СИС позаботились заблаговременно ориентировать индийскую контрразведку обо мне, о моём житьё-бытьё в Рангуне и, видимо, о том, что они подозревают меня в принадлежности к КГБ. Мне же оставалось лишь учитывать всё это и вести себя подобающим образом.

Теперь о задании по Б.Ш. «Провести установку» на нашем оперативном языке - значит выяснить, где и с кем проживает объект, а также где и в каком качестве он работает. На момент получения задания из Центра Б.Ш. не был известен резидентуре, никто из оперсостава даже не слышал его имени. Пришлось обращаться за помощью к агентуре. Узнали, что Б.Ш. относится к кругу весьма влиятельных политиков, что ведёт затворнический образ жизни. На официальных мероприятиях и даже на государственных приёмах появляется крайне редко.

Наконец, нам стало известно, что Б.Ш. крайне подозрительно относится к американцам, но тщательно скрывает это, поскольку по роду службы поддерживает с ними рабочие контакты.

Даже этих далеко неполных сведений было вполне достаточно для того, чтобы признать, что «Герман» (так мы назвали Б.Ш.) представляет для нашей службы, как мы выражаемся, «несомненный оперативный интерес».

Очевидно было и то, что мне необходимо установить с ним личный контакт, то бишь познакомиться. Но сделать это так, чтобы никоим образом не засветить наш интерес к нему ни перед местной контрразведкой, ни, боже упаси, перед ЦРУ или СИС. Но где и как выйти на этого затворника?

Подходящий случай представился примерно через месяц. Знакомство состоялось на нейтральной почве, как бы невзначай. И главное - «Герман» не только не уклонился от контакта, но и, как мне показалось, проявил заинтересованность в продолжении знакомства с советским представителем.

И снова всё та же головоломка, как развить контакт? Мы долго думали и сошлись с резидентом во мнении, что даже в кругу преданных «Герману» людей моё общение с ним неизбежно породит закономерный вопрос: откуда и зачем появился этот русский? А это чревато непредсказуемыми последствиями. Оставался лишь один вариант: прямая вербовка «в лоб», то есть откровенное предложение «Герману» о сотрудничестве с нашей службой. Мы учитывали, что он может отказаться: ведь мы толком не разобрались в его истинных политических убеждениях. В то же время мы не опасались, что он в случае отказа решится устроить скандал, поскольку предложение о сотрудничестве будет сделано один на один, без свидетелей.

Из оперативного отчёта тов. Максима: «Согласно утверждённому плану провёл один на один встречу с «Германом». Беседа продолжалась девять минут. «Герман» выслушал моё предложение молча, показав завидную выдержку. Ни один мускул на его лице не дрогнул, хотя моё предложение было для него явно неожиданным. Лишь на мгновение он

вскинул на меня глаза, в которых едва улавливалось удивление. После некоторого раздумья он, покачав головой, произнёс: «Ну и рисковые вы ребята!» Затем пристально посмотрел на меня и добавил: «Хорошо. Здесь на визитке мой домашний адрес, где я проживаю только с супругой. Если вы такой смелый, приходите завтра в 24.00, ночью. Слуг в доме не будет. Но вы должны появиться у меня вместе с супругой. Жду вас у себя. А сейчас извините, я должен прийти в себя от вашего удивительного предложения». Он передал мне визитную карточку, и мы распрощались».

- «Герман», как вы отметили в отчёте, выслушал вербовочное предложение «с завидной выдержкой». Правда, затем признался, что ему нужно «прийти в себя». А как вы чувствовали себя в этот момент?

- Я был весь мокрый. Покрылся потом с головы до пят. Я чувствовал, как струйки пота стекали между лопаток вниз, к пояснице, как прилипали к мокрым коленкам брюки. И это несмотря на то, что в комнате было прохладно - работал кондиционер.

Из состояния оцепенения я стал выходить, когда «Герман» передал мне свою визитку и предложил встретиться у него, дома. Я смутно помню, как оказался на улице, взял такси и доехал до гостиницы, где меня ждали коллеги.

В посольстве же меня с нетерпением ожидал резидент. Я не успел раскрыть рот, как он пожал мне руку со словами: «Глядя на твоё непобитое лицо, я вижу, что всё прошло успешно». А потом как-то заметил: «Твоя физиономия просто-таки светилась радостью победы».

Из оперативного отчёта тов. Максима: «В назначенное «Германом» время я и моя жена пешком подошли к его дому. Он радушно встретил нас. Представил своей супруге. Когда женщины увлеклись беседой, «Герман» инициативно пригласил меня «покурить» к себе в кабинет. Я не форсировал начавшуюся в кабинете беседу. «Герман» также не торопился ставить точку над «i». Обменялись мнениями о событиях международной жизни, о политике Индии на субконтиненте, о взаимоотношениях между нашими странами. Наконец «Герман» заговорил о главном, начав с того, что хотел бы провести ещё несколько встреч со мной в этом доме, с тем, чтобы лучше присмотреться ко мне и решить для себя вопрос о целесообразности работать именно со мной. «Хотя я, - подчеркнул он, - в принципе уже принял решение. Теперь мне нужно утвердиться в мысли, что я правильно поступаю». Я, не мешкая, согласился с его предложением о проведении ещё нескольких встреч в его доме».

Тов. Максиму с супругой пришлось ещё раз пять-шесть пешим ходом наносить ночные визиты «Герману», прежде чем тот пополнил список завербованных лично тогда ещё капитаном третьего ранга агентов.

- Во время одного из последних «ночных визитов», - вспоминает Вадим Николаевич, - произошёл опасный инцидент. Где-то около двух часов ночи в дом «Германа» неожиданно прибыл курьер из президентского дворца. Мы в это время всё ещё находились в гостиной, пили чай. «Герман», как всегда, был невозмутим, а я напрягся, так как

этот неожиданный визит мог повлечь за собой печальные последствия. Хозяин дома проводил курьера через гостиную в свой кабинет. На ходу он взял у него запечатанный конверт, а проходя мимо нас, бросил курьеру, что это, мол, его дорогие гости из Швеции. И всё. Через минуту они вышли и курьер уехал.

«Герман» был спокоен, в присутствии женщин он сказал, что это обычный посыльный, он вряд ли обратил внимание на иностранцев в доме, так как в этом нет ничего необычного. На моё замечание о том, походим ли мы на шведов, «Герман» с улыбкой ответил, что Лидия, моя супруга, яркая блондинка, поэтому он и назвал её, а заодно и меня, гражданами Швеции. А для посыльного, мол, Швеция - это где-то далеко в снегах. Важно, что не США или Англия. Вот если бы «Герман» назвал нас американцами или англичанами, то у посыльного могло это отложиться в памяти, а нейтральная Швеция вряд ли задержится в его голове.

Несколько позже я выяснил у «Германа», что этот неожиданный приход посыльного никаких последствий не имел. «Посыльный забыл обо всём, - сиронизировал «Герман», - сразу же, как только он вышел из моего дома».

- Нескромный вопрос: сотрудничество «Германа» оплачивалось?

- Однозначно - нет! В своём сотрудничестве с нами он видел прямую выгоду для Индии. В противном случае, он бы послал нас... очень далеко. Да и мы вряд ли осмелились бы сделать ему предложение.

- Ну вот, вы пахали «в поле». Были и рядовым оперработником, и заместителем резидента - в Японии, и резидентом - в Малайзии. Как говорят в разведке, имели конкретные результаты. И вдруг резкий финт в сторону Афганистана. Почему?

- Где-то в апреле-мае 1979 года в конторе началось едва заметное шевеление, скрытая подготовка к каким-то важным событиям. Из сотрудников, служивших в армии, стали формировать отряд. Вскоре новобранцы приступили к тренировкам. Всё стало ясно в конце того же года, когда советские войска вошли в Афганистан.

Тогда-то я подумал, кому, как не мне, быть в этом отряде? После окончания Ленинградского пограничного высшего военно-морского училища я служил сначала на Черноморском, а потом на Балтийском флоте.

Пошёл к руководству, изложил своё мнение, но ответа удостоился только в апреле 1981 года: меня назначили начальником штаба отряда «Каскад» с командированием в Кабул. Личный состав «Каскада», а это более семисот штыков, менялся каждые девять месяцев, и я попал в третий набор, в «Каскад-3». Но летом, когда я прибыл в Афганистан, выяснилось, что бессменный командир отряда генерал А.И. Лазарев уезжает в отпуск и я должен занять его место.

- Каким был Афганистан летом 1981 года?

- Дружелюбным и приветливым в отношении шурави - советских

людей. Простые афганцы тепло встречали нас. Не только никакой враждебности, даже малейших признаков отчуждённости не наблюдалось.

Как и многие мои коллеги, я тогда считал, что мы пришли в Афганистан не для того, чтобы воевать с его народом. Более того, мне было совершенно ясно, что нам ни в коем случае нельзя втягиваться во внутриафганскую междоусобицу. Это - их и только их проблемы, им всё и решать.

Другое дело - вмешательство со стороны Пакистана. Оттуда просачивались на территорию Афганистана банды непримиримых, которые формировались и обучались на деньги ЦРУ, постоянно подпитывались американским оружием, боеприпасами, снаряжением, продовольствием.

Задачи же «Каскада» как раз и сводились к тому, чтобы создать разветвлённую агентурную сеть с целью своевременного поступления из всех районов страны, упреждающей и, главное, достоверной информации о местах дислокации и маршрутах передвижения «непримиримых», о тайных складах оружия и боеприпасов, о готовящихся терактах и диверсиях. Всю добытую таким путём информацию я каждый день, в 7 часов утра, докладывал генералу армии С.Ф. Ахромееву. Ликвидация бандформирований, складов оружия и прочие боевые операции были прерогативой военных. Мы в это не влезали.

- Как складывались ваши отношения с Ахромеевым?

- Первое время, где-то около месяца, он, выслушав мои сообщения, непременно спрашивал, достоверны ли сведения, перепроверены ли они. При этом обязательно добавлял: «Мы не можем позволить себе наносить удары в тех местах, где могут пострадать мирные люди». Или ещё так: «А вы представляете себе, сколько стоит весь тот груз, который, согласно вашей информации, будет сброшен в указанную точку? Сколько труда в него вложено, сколько изъято денег из карманов наших граждан на оплату всего этого?»

Однажды я не сдержался и довольно резко возразил ему: «А вы, Сергей Фёдорович, представляете, с каким трудом, рискуя жизнью, наши разведчики собирают эту информацию, перепроверяют и, только убедившись в её подлинности, передают на доклад вам?» Я обратился к нему не по званию (как это положено по уставу), а по имени-отчеству (согласно традиции, которую чтут морские офицеры ещё со времён создания флота российского). Но кто из присутствовавших военачальников знал об этой традиции?! К тому же я на эти совещания являлся не в форме, а в цивильном костюме.

В комнате воцарилась тишина. Такая, что я слышал, как тикают часы на моей руке. В голове промелькнула мыслишка: сейчас достанется тебе за панибратство и нарушение устава. Тоже, мол, моряк нашёлся! И вдруг слышу: «Товарищ капитан первого ранга, я хорошо себе представляю труд разведчика и не нуждаюсь в ваших напоминаниях о трудностях, с

которыми приходится сталкиваться вашим людям. Однако считаю своим долгом напомнить присутствующим, что война - жестокое дело, но мирное население надо жалеть, оберегать его. И помнить, что война дорого стоит и материально».

Доверие и, я бы сказал, уважение к «Каскаду» у Ахромеева появились после того, как по нашим наводкам армейская авиация разбомбила несколько крупных бандформирований и складов боеприпасов. Вообще говоря, у меня остались самые тёплые воспоминания об Ахромееве. Уже тогда это был немолодой генерал, среднего роста, сухощавый, всегда энергичный и подтянутый. Меня поражало его умение быстро схватывать и оценивать информацию или сложившуюся ситуацию, а затем принимать предельно чёткое и, главное, правильное, решение.

- Вадим Николаевич, на своём разведывательном веку вы поддерживали контакты со многими иностранцами. Я имею в виду не агентов, а тех, кого в разведке называют «нейтральными связями», с кем вы общались только как дипломат, скрывая свою ведомственную принадлежность. Бывали какие-нибудь любопытные ситуации?

- Когда я работал в Бирме, туда в составе делегации космонавтов приехала Валентина Терешкова. На приёме в нашем посольстве в Рангуне она почувствовала лёгкое недомогание. Время от времени уходила с зелёной лужайки, где было очень тяжко от тропической жары, внутрь здания посольства. Там работали кондиционеры. Затем вновь выходила к гостям. Однако было заметно, что улыбка у неё какая-то вымученная. Да и беседовала она явно через силу. В какой-то момент ко мне подошёл корреспондент Франс Пресс Жак, мой постоянный соперник на парусных регатах в рангунском яхт-клубе. Соперник и друг, отличный парень.

«Я весь вечер наблюдаю за Терешковой, - вполголоса, заговорщически, сказал он мне, - и я пришёл к твёрдому убеждению, что ваша Валентина беременна. Месяцев через пять мир узнает о рождении первого космического ребёнка. Это же сенсация, да ещё какая! Помоги мне получить подтверждение моей догадке. От самой Терешковой, от её друзей-космонавтов, от кого угодно, лишь бы был источник, на который можно сослаться». Я прекрасно понимал, что такого источника мне не найти, но сказать об этом Жаку не решался. Он в этот момент напоминал охотничью собаку, взявшую след. Его глаза горели. Он гудел изнутри. Мне ничего не оставалось, как подойти с интересовавшим Жака вопросом сначала к политическому советнику посольства, затем к послу и, наконец, к посольскому врачу. Растерянный вид каждого из них, явно ничего не знавших, не успокоил француза. Он продолжал настаивать: «Она беременна!»

На следующий день делегация вылетела в Москву. А я, встретив в аэропорту Жака, ещё раз сказал ему, что никто, включая врача делегации, не подтвердил его догадки. В ответ - двусмысленная ухмылка.

Прошло несколько месяцев. Из Москвы на весь мир разнеслась, впечатляющая новость - первая женщина-космонавт ждёт ребёнка. С

этого дня я стал для Жака заклятым врагом на всю оставшуюся жизнь.

Если вдруг свершится чудо и Жаку доведётся прочесть эти строки, пусть знает, что я приношу самые искренние извинения за то, что тогда, в Бирме, не помог ему стать автором, возможно, самой громкой журналистской сенсации. Увы, это было за гранью моих возможностей.

Вас хотят завербовать? Обращайтесь к офицеру безопасности

В Великой Отечественной войне он участвовал с первых же дней. Начинал солдатом. Затем стал сержантом. И, наконец, - командиром сапёрного взвода. Удостоился боевого ордена Красной Звезды. В 1944-м после тяжёлого ранения в бою его демобилизовали. В 1950 году он успешно закончил географический факультет МГУ. Но географом не стал. Бывшего боевого офицера пригласили на работу в Комитет информации МИД СССР. Так именовалась тогда советская внешняя разведка.

В 1952-1956 г.г. Алексей Яковлевич Скотников - оперработник резидентуры КГБ в Индии.

В 1959-1961 г.г. - исполняющий обязанности резидента на Цейлоне.

А в 1963 г. становится резидентом.

Может ли Бирма стать «второй Кубой»? Разведка отвечает: «нет!»

«В конце ноября 1963 года, - вспоминает Алексей Яковлевич, - я выезжал в очередную длительную командировку. На этот раз резидентом КГБ в Рангун.

План оперативной подготовки был полностью выполнен. Всё, что нужно было согласовать, согласовано. Последние наставления от начальника отдела получены. Авиабилеты на себя и супругу - во внутреннем кармане пиджака. Завтра вылетаем. И вдруг вызов к начальнику разведки А. М. Сахаровскому.

Александр Михайлович пользовался в нашей среде непререкаемым авторитетом. Прежде всего, потому, что был профессионалом высшего класса. Даже став начальником разведки, он, не пренебрегая мнением своих помощников и заместителей, всегда старался сам вникать в суть дела, во все его детали, и только после этого принимал решение. Был строг и требователен к подчинённым, но без предвзятости и мелочных придирок. По пустякам не дёргал. И ещё одна черта, за которую нельзя было не уважать его - независимость и самостоятельность в словах и делах. Он ни перед кем не «прогибался», ни под кого не подстраивался.

Что же побудило его вызвать меня? Причём срочно, за день до вылета? Я терялся в догадках. Но через минуту после того, как Александр Михайлович начал беседу, всё встало на свои места.

«Полагаю, в отделе вы проговорили все оперативные вопросы. Мы их касаться не будем. Поговорим о другом, - он пристально посмотрел на

меня и продолжил. - Ты должен будешь собрать конкретную и достоверную информацию о генерале Не Вине, его планах и намерениях и, прежде всего, о том, как он мыслит развивать отношения с нашей страной. Такую информацию ждёт от нас Инстанция. Там интересуются, может ли Бирма стать «второй Кубой».

...В ноябре следующего, 1964, года я прилетел в отпуск. На второй день после прибытия в Москву уже отчитывался у начальника отдела В. И. Старцева о проделанной за год работе. Вдруг зазвонил телефон. Василий Иосифович поднял трубку и повернувшись ко мне произнёс: «Иди, тебя Сахаровский ждёт».

Беседу Александр Михайлович начал со слов о том, что регулярно читал мои шифровки о внутриполитической ситуации в Бирме, настроениях народа, действиях генерала Не Вина. Дав понять, что в целом моя информация его удовлетворяла, попросил кое-что уточнить, конкретизировать, дабы, как он выразился, ответы на поставленные Старой площадью вопросы были предельно чёткими, однозначными, а главное - правдивыми. «Вот так и докладывай на Старой площади, - произнёс он на прощанье. - А уж быть ли Бирме «второй Кубой», пусть сами решают».

Через пару-тройку дней меня принял заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС Ростислав Александрович Ульяновский. На беседе присутствовал также сотрудник отдела, специализировавшийся на проблемах Бирмы, Малов(имя и отчество не помню).

Ульяновский начал с того, что обозначил круг интересовавших его вопросов и сразу же передал слово мне. Сам же внимательно слушал, делал пометки в своём блокноте. Иногда переспрашивал, уточнял те или иные моменты.

Я же начал с того, что его больше всего интересовало: «Всё, что нам известно о генерале Не Вине, характеризует его, как убеждённого приверженца социализма, искренне симпатизирующего Советскому Союзу. В узком кругу своих приближённых он высказывается о том, что Бирма могла бы многое позаимствовать из советского опыта в области социального и хозяйственного развития, что у бирманского народа нет иной перспективы, кроме социализма.

Понимает он и то, что все его задумки по социалистическому преобразованию страны не могут быть реализованы в условиях перманентной политической нестабильности, отсутствия гражданского мира».

Далее я осмелился напомнить собеседникам, что ещё в 1958 году армия во главе с Не Вином отстранила от власти правительство У

Ну, которое полностью провалило принятую в 1952 году программу достижения в стране мира и согласия между всеми населяющими её народами: шанами, каренами, чинами, качинами и собственно бирманцами. А главное, У Ну, с его богатейшим политическим опытом и

международным авторитетом, не сумел договориться с Бирманской коммунистической партией, засевшей в джунглях и ведущей вялотекущую гражданскую войну с центральным правительством.

Правда, в 1960 году Не Вин вернул У Ну во власть, но тот опять оплошал.

В 1962 году Не Вин повторно совершает бескровный военный переворот, арестовывает У Ну и его ближайших сподвижников, приостанавливает действие конституции и заявляет, что на «этот раз армия взяла власть надолго и всерьёз».

Его первым шагом стали переговоры с руководством компартии. Делегация БКП во главе с её генсеком прибыла в Рангун. Начало переговоров предвещало их успех. Не Вин предложил коммунистам прекратить гражданскую войну, выйти из подполья, вернуться из джунглей к нормальной жизни. Более того, коммунистам было предложено принять участие в формировании правительства национального единства, в котором бы они могли занять ведущие министерские посты. Руководители БКП положительно отнеслись к сделанным им предложениям. Согласились продолжить переговоры. Однако, к немалому удивлению и разочарованию Не Вина, уже на следующий день делегация БКП, ничего не объясняя, заявила о прекращении переговоров и сразу же возвратилась в джунгли. Позднее бирманская разведка установила, что прокитайская БКП получила от своих патронов указания незамедлительно прекратить всякие контакты с режимом Не Вина, дабы не попасть в искусно расставленную им ловушку. А по сути дела, Пекин просигналил Рангуну о том, с кем тому следует вести переговоры.

Нам известно, заметил я, что в руководстве БКП не все были согласны с такой постановкой вопроса. Однако противников безоговорочной ориентации только на Пекин было раз-два и обчёлся.

Примеру БКП последовали и прочие оппозиционные Рангуну силы. И в результате, гражданская война, в которой никто не мог победить, возобновилась с новой силой.

Я особо подчеркнул, что у Не Вина отсутствует необходимая социальная база. Основная масса бирманцев занимает крайне пассивную позицию, не проявляет ни малейших революционных устремлений, избегает любой вовлеченности в политическую борьбу за социалистические идеалы.

В такой обстановке и сформированный Не Вином «Революционный совет», и разработанная советом программа «Бирманского социалистического пути», и созданная из военных новая политическая партия - всё это повисало в воздухе, не имея под собой никакой социальной опоры. Единственным инструментом управления государством оставалась армия.

По нашим сведениям, заметил я, Не Вин в своём ближайшем окружении сетует на то, что обстоятельства вынуждают его принимать во

внимание растущую напряжённость в отношениях между Москвой и Пекином и в этой связи придерживаться позиции равноудалённости от них, усматривая в этом хоть какую-то гарантию собственной независимости, суверенитета и территориальной целостности.

По окончании беседы Малов предложил мне «на пару минут» зайти к нему в кабинет. Он очень эмоционально сетовал на то, что «так получилось с Бирманской коммунистической партией». Говорил, что лично знает её генсека, с которым вёл откровенные разговоры в период советско-китайской дружбы. Как раз «китайские товарищи» и устраивали эти встречи. Ему никак не верилось в то, что БКП оказалась промаоцзэдуновской. Ведь это же ставило крест на идее превратить Бирму во «вторую Кубу». Не хотелось ему в это верить.

Реакция Александра Михайловича, которому я доложил о беседе у Ульяновского, была предельно краткой: «Вот пусть и думают!»

...Поздней осенью следующего, 1965, года меня вновь пригласили на Старую площадь. Опять во время очередного отпуска. Правда, на этот раз не к Ульяновскому, а к другому заместителю Пономарёва - к Загладину. Я прекрасно понимал, что хотелось бы услышать моему собеседнику, но не располагал необходимой для этого информацией. Пришлось кратко повторить то, что я уже говорил на предыдущей беседе Ульяновскому. Собеседника это явно не устраивало. И беседа получилась какой-то вялой, я бы сказал, лишённой интереса как для одной стороны, так и для другой.

Я так и доложил о ней А. М. Сахаровскому. «Мы добросовестно выполнили их поручение. Теперь дело за ними», - заметил он на прощанье.

Так Бирма не стала «второй Кубой».

...В 1970 году полковника А. Я. Скотникова, начальника направления седьмого отдела ПГУ в срочном порядке направляют в длительную загранкомандировку в США.

Дан приказ ему на запад...

«Аркадий Шевченко стал настоящей находкой для американских спецслужб, когда в апреле 1978 г. перешёл на сторону Соединённых Штатов. Шевченко - заместитель Генерального секретаря ООН, протеже Андрея Громыко, свой человек в Кремле, прекрасно осведомлён о советской политике по проблеме ограничения вооружений и действиях КГБ».

В этой «объективке» на невозвращенца, опубликованной американским еженедельником «Ньюсуик» 23 октября 1978 года, всё - сущая правда. Добавить можно разве лишь то, что он ушёл к американцам ночью, когда жена и дочь безмятежно спали, не подозревая, что глава семьи попросту бросает их. Тайком. Не обмолвившись ни словом.

Шевченко действительно был протеже Громыко. И не просто протеже. Они были на короткой ноге, дружили семьями, часто сиживали

за одним столом. Когда Лидия Дмитриевна Громыко оказывалась в Нью-Йорке, то доверялась, особенно по части покупок, только Лине Шевченко. Та прекрасно знала и вкусы супруги члена Политбюро, и магазины, отвечавшие этим вкусам. Правда, личными потребностями дело не ограничивалось. По признанию самого Шевченко, «обе женщины уже давно занимались спекуляцией. Лина покупала в Нью-Йорке шубы и антиквариат, а Лидия Дмитриевна продавала всё это в Москве по сильно завышенным ценам».

Доверительные отношения двух семейств были многократно увековечены на фотографиях, которые, правда, в один прекрасный день исчезли из семейных альбомов - по крайней мере, из альбомов министра иностранных дел Советского Союза.

* * *

Алексей Яковлевич Скотников, стал офицером безопасности в Постоянном представительстве СССР при ООН незадолго до того, как Шевченко вступил в одну из высших должностей Организации Объединённых Наций.

- Все советские граждане, прибывавшие в Нью-Йорк, по сложившейся практике представлялись офицеру безопасности в Постоянном представительстве СССР при ООН, - вспоминает Алексей Яковлевич. - Не стал исключением и Шевченко, который по собственной инициативе явился в мой кабинет. Наша беседа продолжалась более часа. Он подробно обрисовал характер своей новой работы, поставленные перед ним задачи. Как бы невзначай заметил, что в Нью-Йорке он - не новичок и о здешних порядках знает не понаслышке. Корректный, вежливый, улыбчивый, Шевченко производил впечатление человека, у которого всё о'кей. Но интуиция подсказывала мне, что пришёл он в мой кабинет не столько представиться, сколько поделиться чем-то, беспокоящим его. Об этом говорил его настороженный взгляд, какая-то внутренняя напряжённость.

Когда я поинтересовался, как его встретили коллеги по аппарату Генерального секретаря ООН, улыбка исчезла с его лица. «Все были очень любезны и внимательны ко мне, - произнёс он. - Но есть одно обстоятельство, которое не может не волновать меня. Один из сотрудников передал мне анонимное письмо, в котором кто-то пытается меня скомпрометировать. Возможно, этот «кто-то» работает в представительстве. Мне кажется, что письмо мог написать только тот, кто заранее знал о моём назначении». Назвать или заподозрить кого-то Шевченко, однако, отказался.

Я попросил его принести мне письмо, а заодно и образцы пишущих машинок, которыми пользуются в его офисе.

Через пару дней и то, и другое было у меня. В анонимке говорилось, что по своим личным и профессиональным качествам Шевченко не достоин должности заместителя Генсека ООН. В подтверждение перечислялись его недостатки и пороки. В частности, пристрастие к

спиртному и слабость к женскому полу.

Я сказал Шевченко, что будет сделана графическая экспертиза анонимки и образцов шрифтов, о результатах которой я ему сообщу. Как мне показалось, это как-то его успокоило.

- Теперь поясните, пожалуйста, что это за должность - «офицер безопасности»?

- Она появилась в нашей внешней разведке в 1965 году, когда КГБ и МИД СССР подписали «Положение об офицере безопасности» и тем самым поставили точку в многолетнем муссировании в различных инстанциях и ведомствах вопроса о целесообразности введения этого нового для советской внешней разведки института.

- И что, действительно офицеры безопасности были нужны?

- Несомненно. Это в полной мере отвечало и интересам безопасности государства, и интересам каждого выезжающего за рубеж гражданина. К такому выводу подвёл нас собственный практический опыт работы в резидентурах. Ещё в конце 50-х годов вопрос об офицере безопасности начал обсуждаться в нашем Седьмом отделе ПГУ. Серьёзным аргументом, в частности, был опыт ЦРУ. У них в каждом посольстве давно уже работали офицеры безопасности, открытые в этом качестве перед всеми сотрудниками и членами семей американских колоний. Каждый мог (а в отдельных случаях обязан был) прийти к офицеру безопасности со своими проблемами и получить практическую помощь или совет. А в советских колониях такая работа велась закрыто, наши граждане даже не знали, к кому в случае необходимости могут официально обратиться. Они могли лишь догадываться или обращаться наугад. Такая ситуация нас не удовлетворяла.

- Правильно ли я понял, что ваш Седьмой отдел выступил застрельщиком в этом новом для нашей разведки деле?

- Похоже, что так. Хотя на все сто процентов утверждать не берусь. Тогда нашу идею поддержал начальник отдела Старцев, доведя её до сведения руководства главка. Затем её подхватила Вторая служба ПГУ (внешняя контрразведка). За ней - другие подразделения. Наконец руководство разведки вышло с этой идеей в Комитет. И все соглашались. Но знаете, как это часто бывает: все «за», а дело стоит или продвигается черепашьим шагом, потому что «это» нужно «уточнить», а «это» - ещё раз «взвесить», а «то» - «просчитать и согласовать». И, наконец, собрать десяток-другой виз. Так и тянулось до 1965 года.

- Нетрудно догадаться, что первые офицеры безопасности были направлены в США.

- Вы правы. В те годы мы рассматривали США как «ГП» - главного противника. Поэтому туда в первую очередь были командированы офицеры безопасности. Один - в советское посольство в Вашингтоне, другой - в Постоянное представительство СССР при ООН.

- Тогда вы и отправились в Нью-Йорк?

- Нет, я приехал туда только осенью 1970 года. Моему предшественнику на этой должности не повезло. Не знаю почему, но он не нашёл общего языка ни с руководством представительства, ни с руководством резидентуры. К тому же, как мне говорили, вообще не пользовался авторитетом в советской колонии. Тогда-то выбор пал на меня, хотя, я совершенно не думал об этой работе. Поэтому, когда первый заместитель начальника разведки Борис Семёнович Иванов предложил мне эту должность, объяснив сложившуюся ситуацию, я попросил дать мне время подумать. А на следующий день, обсуждая текущие оперативные дела с Борисом Александровичем Соломатиным, который как заместитель начальника разведки курировал Седьмой отдел, я обмолвился о сделанном мне предложении и в ответ услышал: «Алексей, вопрос о тебе уже решён и думать здесь не о чем. Начальнику отдела пока не говори. Пусть сам узнает об этом от Иванова». Вот так я и оказался в Нью-Йорке осенью 1970 года.

Тогда Постоянным представителем СССР при ООН был Я. А. Малик, который представил меня и американским властям, и в совколонии как своего помощника по вопросам безопасности. Для меня началась новая, ещё не изведанная мною работа.

- Действительно, ведь вы почти полтора десятка лет занимались разведкой. Не жалели о перемене в карьере?

- Нет, не жалел, хотя, конечно, резидент и офицер безопасности - это, как говорят в Одессе, «две большие разницы». В отличие от резидента, офицер безопасности не занимается разведывательной деятельностью, у него совершенно другие обязанности и полномочия. И сфера его деятельности строго ограничена. Это, во-первых, обеспечение безопасности сотрудников наших посольств и других загранучреждений. Во-вторых - безопасность всех зданий, которые они занимают. В-третьих - поддержание официальных контактов со спецслужбами и правоохранительными органами страны пребывания (с той же целью - обеспечить безопасность жизни и деятельности наших граждан).

В отличие от резидента офицер безопасности не нуждается в конспирации и прочих атрибутах разведчика. Он - официальное лицо, открытое для всех и подчиняющееся непосредственно послу, а в моём случае - главе представительства. Кстати, за рубежом отношение к должности офицера безопасности весьма уважительное. Был, например, такой случай. Мексиканские власти долгое время не давали въездную визу новому первому секретарю нашего посольства. Однако, когда им сообщили, что на должность первого секретаря направляется офицер безопасности, виза тотчас же была получена. Вопрос решился на уровне президента Мексики, который откровенно заявил: «Теперь мы будем знать, с кем нам надо иметь дело».

- То есть вас привлекла престижность новой работы?

- Ну, это не было главным. Главное - возможность обогатить свой опыт, профессиональный и жизненный. Да и вообще работа оказалась

намного интересней, чем я предполагал. Различные инструктажи, профилактические беседы об особенностях страны пребывания и специфики ситуации на данный момент - это лишь небольшая, не самая важная и, признаюсь, не самая интересная её часть. Куда важнее было разобраться в сути оперативной информации, касавшейся поступков, линии поведения или пока ещё нереализованных замыслов кого-то из наших граждан. Всю информацию надо было осторожно взвесить, принять оптимальное решение, памятуя о том, что оно может серьёзно повлиять на судьбу человека.

- Иными словами, от вас зависело отозвать или нет человека из загранкомандировки, например?

- В немалой степени - да. Но наше мнение не всегда, к сожалению, было решающим. Помнится, из Центра поступило указание «обеспечить досрочное возвращение в Москву» главы одной из советских делегаций, поскольку, мол, он «вынашивает план остаться в США». Но, на наш взгляд, ничто не давало оснований для подозрений этого человека, ни анализ бесед с ним и другими членами делегации, ни, наконец, его возраст, семья, родственные связи. Своё мнение мы довели до сведения Центра. А оттуда снова: «Выполняйте данное вам указание».

Легенду, обосновывавшую его внезапное возвращение в Москву, он воспринял как должное.

Назначил вместо себя нового руководителя делегации и благополучно улетел домой. Мы же были убеждены, что он стал жертвой какой-то интриги, элементарной непорядочности. И потому в отчёте о выполнении поручения (а не выполнить его мы просто не имели права) ещё раз высказали своё мнение. И мне кажется, не зря. По крайней мере, ярлык «потенциального невозвращенца», по моим сведениям, с него сняли.

Конечно, бывало и так, что досрочное откомандирование позволяло избавить человека от реально нависшей над ним беды. Один из сотрудников резидентуры ГРУ Евгений Д. стал, что называется, злоупотреблять спиртным. Причём жена вполне разделяла эту его «слабость». Громкие скандалы между пьяными супругами стали сильно докучать соседям, в том числе и американцам, не замедлившим сообщить об этом в полицию. А от полиции до ФБР один шаг. Короче, над нашим военным разведчиком стали сгущаться тучи. И руководство резидентуры ГРУ, понимая, что американские спецслужбы непременно заинтересуются таким объектом для возможной вербовки, приняло решение отправить своего сотрудника домой. Дальнейшая судьба этой супружеской пары зависела, прежде всего, от них самих. А вот американские спецслужбы лишились одного потенциального кандидата на вербовку.

- А бывало, что к вам приходил человек и говорил: «Меня пытаются завербовать?»

- Конечно, случалось. Например, однажды ко мне пришёл молодой дипломат Виктор К., сотрудник Постоянного представительства СССР при

ООН. Рассказал, что довольно давно поддерживает контакт с американцем, работающим в миссии США при ООН. Поначалу их встречи были нечастыми и носили сугубо деловой характер. Однако потом американец стал явно проявлять инициативу, стараясь видеться чаще, в беседах начал расспрашивать о подробностях биографии нашего дипломата, его связях, профессиональных деталях и так далее. Мне было ясно, что американец изучает Виктора как возможного кандидата на вербовку. И я посоветовал Виктору на очередной встрече сказать «приятелю», что его вызывали к Постоянному представителю СССР при ООН Я.А. Малику и просили рассказать о содержании бесед с американцем. Результат был мгновенный: «приятель» исчез и больше в поле зрения Виктора не попадал.

- Вернёмся, однако, к истории Шевченко. Что показала графическая экспертиза? Как развивались ваши отношения?

- Экспертиза показала, что анонимка была напечатана на одной из трёх пишущих машинок в офисе Шевченко. Причём на той, которой чаще всего пользовался его предшественник на посту заместителя Генсека ООН. Об этом я, как и обещал, рассказал Шевченко, дав понять, что на нашем уровне инцидент исчерпан и у него более нет причин для волнений. Мне показалось, что он был вполне удовлетворён услышанным. По крайней мере, поблагодарил за помощь и поддержку.

- Как вы думаете, он понимал, что анонимка могла попасть в руки американских спецслужб и они не упустят шанса ею воспользоваться?

- ФБР и прочие американские спецслужбы не оставляли без своего специфического внимания ни одного советского гражданина, прибывавшего в США даже на короткое время. Об этом знали все. Это, во-первых. А во-вторых, он приехал на такую должность, которая, безусловно, вызывала особый интерес к его персоне. И, конечно, анонимка для них была просто находкой. Понимал ли всё это Шевченко? Думаю, да. Но я с ним это не обсуждал. Вообще он больше в моём кабинете не появлялся и не обращался за помощью или советом. Мы виделись и в здании ООН, и в нашем представительстве, здоровались, конечно, иногда говорили о вещах, связанных с работой ООН... Как правило, держался он спокойно, уверенно. Улыбка и шутка постоянно были при нём. До своего отъезда в Москву в 1974 году я не замечал в его поведении и, как мы говорим, «в обстановке вокруг него» чего-то настораживающего, что требовало бы моего вмешательства.

- И, тем не менее, в апреле 1978 года он ушёл к американцам. А работать на ЦРУ стал ещё раньше.

- Насколько мне известно, оперативные данные о том, что ЦРУ активно и небезуспешно ведёт вербовочную разработку Шевченко, стали регулярно поступать в Центр по каналам разведки где-то в конце 1976 года. При этом приводились факты, аргументы и личные наблюдения, не лишённые убедительности. Ставился вопрос о том, чтобы во избежание худшего срочно откомандировать его из Нью-Йорка в Москву. Сама

резидентура таким правом не располагала. Это было исключительной прерогативой посла или Старой площади (тем более, что речь шла о человеке, занимающем должность заместителя Генсека ООН).

Дело дошло до того, что нью-йоркская резидентура направила в Центр, я бы сказал, сигнал SOS: Шевченко запил, стал избегать встреч с советскими людьми - необходимо принять срочные меры. Лишь после этого делом Шевченко заинтересовались в МИДе и на Старой площади. Со стороны Громыко реакция была такой же, как и на предыдущие сигналы: «Не мешайте работать молодому способному дипломату».

От своих коллег я знаю, что у Андропова состоялся телефонный разговор с Громыко и тот однозначно заявил, что, мол, возможно, у него и был помощник по фамилии Шевченко, но всех он запомнить не в состоянии. Другими словами, он открестился от Шевченко.

Поверив на слово члену Политбюро, Андропов учинил разгон своим подчинённым за непроверенную информацию о якобы дружеских межсемейных отношениях Шевченко и Громыко. Когда же ему показали фотографии, на которых супруги Шевченко лакомятся шашлыками на загородной даче министра иностранных дел, Юрий Владимирович, как мне рассказывали, смутился и вполголоса произнёс: «Ах, Андрей Андреевич! Как же ты так!..»

Лишь в конце марта 1978 года по линии МИДа в Нью-Йорк была направлена шифртелеграмма, в которой Шевченко предлагалось срочно вылететь в Москву для участия в важном совещании. Вызов пришёл накануне очередной сессии Генеральной ассамблеи ООН, когда в Нью-Йорк уже стали прибывать представители МИДа, среди которых Шевченко без труда нашёл тех, кто непременно должен был бы знать о «важном совещании», если бы таковое действительно планировалось. Но никто об этом совещании не знал. Заподозрив неладное, предатель ушёл к американцам.

- На чём же американцы «повязали» Шевченко?

- Документальными данными на этот счёт я не располагаю. Могу высказать лишь своё предположение.

Мне думается, что при его вербовочной разработке ЦРУ активно использовало те самые пороки, о которых сообщал аноним, - пристрастие к спиртному, слабость по женской части. И Шевченко психологически не выдержал нажима, испугался за свою карьеру, решил, что предательство может обеспечить ему безбедную жизнь. Других, более возвышенных причин я не вижу.

В этой же связи хочу обратить ваше внимание на то, что писал уже упоминавшийся «Ньюсуик» со ссылкой на анонимного сотрудника ЦРУ: «Чего Шевченко со всей очевидностью желал, так это женского общения. И ЦРУ предоставило ему такую возможность в лице 22-летней «эскорт-девицы по вызову» Джуди Тейлор Чавез. В обмен на благосклонное отношение эта красавица всего за шесть месяцев получила от Шевченко 40 тысяч долларов, авто «Корветт» новой модели и отдых на

Вирджинских островах. Схема была предельно простой: Аркадий приходил к руководству ЦРУ, ему выдавали деньги, а затем он платил Джуди.

И ещё одна ссылка - на Пита Эрли. Вот что он пишет о Шевченко в своей книге «Признания шпиона»:

«Первоначально, в 1975 году, когда Шевченко вступил в контакт с ЦРУ, он хотел дезертировать, но ЦРУ направило для встречи с ним одного из своих лучших вербовщиков, и тот уговорил Шевченко отложить свой побег и поработать в качестве агента под кличкой «Динамит».

Шевченко имел свободный доступ ко множеству дипломатических телеграмм и другой информации. Он регулярно сообщал ЦРУ о проявляющихся в Кремле разногласиях между Леонидом Брежневым и Алексеем Косыгиным по поводу отношений СССР и США. Он сообщал также, что Кремль указывал своему послу Анатолию Добрынину делать в ООН, какова была советская позиция на переговорах об ограничении вооружений и даже о том, до каких пределов СССР может уступить на переговорах по ОСВ-1, предоставлял совершенно секретные сведения о советской экономике и даже доклады о быстро сокращающихся запасах нефти в Волжско-Уральском регионе.

Но у него было множество проблем, связанных с его браком и увлечением алкоголем. Ему было страшно. И 31 марта 1978 года, в пятницу, получив вызов из Москвы, он сбежал вниз по лестнице на три пролёта, отделявших его апартаменты от расположенной в том же доме конспиративной квартиры ЦРУ, и, ворвавшись в это убежище, заявил, что хочет немедленно стать перебежчиком после того, как двадцать семь месяцев шпионил на ЦРУ. Он боялся, что жена сдаст его КГБ. Вечером следующего дня его побег стал главной новостью на американском телевидении».

Я думаю, здесь комментарии излишни.

- Но, Алексей Яковлевич, получается, что анонимщик из секретариата был прав, сообщая о роковых пристрастиях Шевченко?

- А кому он адресовал свой сигнал? ЦРУ. Так что цель всё равно была подлая. И вообще, я не люблю анонимщиков.

Из Стокгольма с любовью

Разведка с незапамятных времён взяла на вооружение две человеческие страсти: любовь и деньги. Бог с ними, с деньгами, будем говорить о любви. О любви разведчика к гражданке «недружественного» государства. К тому же имеющей доступ к секретам этого государства. Да к таким, что за них ничего отдать не жалко.

* * *

Моему собеседнику 67 лет, он отставной полковник внешней разведки. Женат - давно и счастливо. Есть взрослые сын и дочь, внучка, в

которой он души не чает. Свободно владеет английским и испанским, чуть хуже французским. Кавалер государственных и чекистских наград. Отработал четыре долгосрочных командировки. Единственное, о чём он просил, прежде чем рассказать свою историю, - не называть его имя и фамилию.

Чудное виденье

Произошло это во время моей командировки в Швецию, в 1965 -1969 годах. А началось всё со служебного рвения, с желания найти подходы к региональному центру ЦРУ, который располагался тогда в Стокгольме. В сферу его оперативной деятельности входила вся Скандинавия, и перед стокгольмской резидентурой КГБ стояла задача обзавестись в этом центре агентурными позициями. Задача осложнялась тем, что не было никакой возможности попасть даже в здание посольства США, где располагались резидентуры ЦРУ и РУМО - военной разведки. Это были годы «холодной войны», американцы избегали всякого неофициального общения с нами. Да и официальные контакты ограничивались редкими официальными приёмами, на которые приглашались лишь послы и кто-то из советников. Но, как говорится, труба звала, служебный долг повелевал. И нам приходилось буквально по крохам собирать оперативные сведения об американском посольстве и его сотрудниках. Было установлено, что технический персонал проживает в шестиэтажном доме в десяти минутах ходьбы от посольства. Это уже было что-то. И я решился предложить авантюрную идею: проникнуть в дом во время приближающихся рождественских праздников, воспользовавшись атмосферой всеобщего веселья и расслабленности.

Инициатива, как известно, наказуема. И вот в первый же день Рождества я с большим букетом роз и бутылкой шампанского направился к подъезду нужного мне дома и, к своему удивлению и радости, беспрепятственно вошёл внутрь. Там стоял дым коромыслом. Через минуту я оказался в плотном кольце морских пехотинцев. То один, то другой из них пытался убедить остальных, что именно с ним я служил когда-то в Южной Корее или на Окинаве. Я же с удовлетворением отметил про себя, что мой английский, точнее «американский», не вызывает никаких подозрений.

Покинув изрядно захмелевших морских пехотинцев, направился вглубь празднично прибранного просторного зала. И вдруг чувствую на себе чей-то пристальный взгляд. Резко поворачиваю голову и у ближайшей колонны, в трёх шагах, вижу прекрасную Золушку. Огромные серые глаза, густые пшеничного цвета волосы, стянутые сзади в пучок бархатным бантом. Ухоженное лицо. Вокруг глаз едва заметны искусно наведённые тени. Сочные губы слегка тронуты помадой. Прекрасно пошитое голубое платье с глубоким вырезом на груди подчёркивает стройную фигуру. Как такое очаровательное создание могло оказаться в одиночестве на рождественском празднике?! Подхожу, протягиваю ей розы. Несколько смутившись, она, тем не менее, с благодарностью принимает их и поздравляет с праздником. Боже! Куда пропало умение

чекиста мгновенно ориентироваться в любой обстановке, где находчивость, изобретательность, решительность! Единственное, на что я оказался способен в тот момент, так это извиниться за то, что, мол, вынужден на несколько минут отлучиться, но обязательно вернусь.

Побродив по дому, по всем шести этажам, нанеся на схему всё, что могло представить оперативный интерес, возвращаюсь в зал, но Золушки и след простыл. Рыскаю глазами по сторонам. Безрезультатно. А ведь я даже имени её не знаю...

Танец с продолжением

Прошли месяцы. Я ещё несколько раз побывал в шестиэтажке, изловчившись сфотографировать многих её обитателей. Более того, мне удалось проникнуть в здание посольства и даже перекусить там в буфете. Одним словом, оперативные дела продвигались. А вот выйти на след Золушки никак не удавалось. Исчезла бесследно, как утренний туман.

В июне, когда наступает сезон белых ночей, шведы отмечают мидсоммардаг - праздник летнего равноденствия. Не знаю почему, но мне вдруг захотелось посмотреть, как его справляют в Скансене, старом районе Стокгольма. Около десяти вечера я приехал туда. На огромной площади возле этнографического музея бесчисленное множество народа, выступают танцевальные ансамбли из разных провинций Швеции, гремят духовые оркестры. Одно слово - эйфория. Я хожу-брожу в веселящейся толпе.

И тут, веришь или нет, возникает предчувствие - вот-вот что-то произойдёт. Зыркаю в одну сторону, в другую, в третью... и вдруг вижу Золушку. Рядом с ней парень и девушка. Они о чём-то весело беседуют, уплетая мороженое. Я внимательно слежу за ними. Замечаю, как Золушка начинает поглядывать по сторонам. Закончив с мороженым, все трое двинулись к танцевальной площадке, где только что сменился очередной ансамбль. И опять Золушка озирается по сторонам. Парень и девушка уговаривают её куда-то пойти с ними, но потом уходят одни.

Она остаётся! Сейчас или никогда, решаю я и пробираюсь к ней сквозь толпу. Приглашаю на танец.

Она принимает приглашение. Но молча, даже с каким-то безразличием, будто перед ней совершенно незнакомый человек. Начинаем танцевать. Сначала робко, а потом всё увереннее прижимаю её к себе и слышу шёпот: «Я чувствовала, что ты здесь».

И тут объявляют, что пара, которая лучше всех исполнит следующий танец, получит приз. Ну, зачем нам приз?! Однако именно мы почему-то оказываемся лучшими. Нас пригласили на середину площадки и вручили две деревянные лошадки: одну ей, другую мне. Я обнимаю и крепко целую её под ликующие возгласы толпы. В один миг мы стали парочкой влюблённых. И не пытались скрывать этого.

Она не приглашала меня к себе. Но как-то само собой мы оказались возле двери в её квартиру. Заходим внутрь. Навстречу огромный дог.

Золушка что-то говорит ему по-шведски, и он, обнюхав меня, неторопливо направляется куда-то вглубь квартиры.

Она пригласила меня в гостиную, а сама направилась в кухню приготовить кофе. Усевшись в кресло, пытаюсь осмыслить происходящее. Взглянул на часы - около пяти утра. Ничего себе загул!

В зацикленной на бдительности чекистской голове стали роиться мысли: не ловушка ли это? Не совершаю ли я роковую ошибку? Спешно анализирую, сопоставляю и прихожу к выводу: один шанс из тысячи, что всё подстроено, девятьсот девяносто девять - всё чисто, а её поведение искренне. Я бы, конечно, ещё и ещё раз прокрутил все возможные и невозможные версии, но в этот момент появилась она с подносом в руках. Л я начинаю вслух рассуждать о том, что, мол, не знаю, как быть, что мне лучше откланяться, поскольку боюсь скомпрометировать её и навлечь гнев со стороны руководства посольства, которое вряд ли будет довольно её случайным знакомством с иностранцем. Да и мне, мол, нужно быть на рабочем месте в девять утра.

Молча выслушав меня, она встала и предложила выйти с ней на балкон. Оттуда открывался вид на всю южную часть Стокгольма. В утренних сумерках виднелся силуэт здания американского посольства, построенного в форме буквы «О», рядом с ним - посольство ФРГ, далее - Великобритании. Золушка прижалась ко мне и полушёпотом сказала: «Поцелуй меня»... Ещё раз... Ещё и ещё... Потом указала рукой на американское посольство и произнесла: «Я бываю там. Но очень редко. Я работаю в другом месте, где порядки намного строже, чем в посольстве». После короткой паузы она прошептала: «Пойдём!» То ли трусость, то ли проклятая бдительность побудили меня предпринять последнюю, явно несолидную попытку уйти, точнее, сбежать: «Я спущусь в аптеку». В ответ: «Не надо. Я уже приняла пилюлю».

«Прошу санкции на интимный контакт»

В резидентуре я объявился где-то около одиннадцати. К себе на квартиру не заезжал. Дело в том, что резидент тогда был в очередном отпуске и я исполнял его обязанности. В течение ночи из Москвы могли поступить срочные шифровки, и с ними нужно было ознакомиться как можно раньше, чтобы успеть, в случае необходимости, сориентировать опсрсостав. К счастью, всё было спокойно. Встретивший меня шифровальщик Михалыч (как мы его называли) взглянул на меня и как-то ехидно улыбнулся. Затем принёс электробритву и молча положил передо мной на рабочий стол.

Приведя себя в порядок, я засел за составление «победной реляции» в Центр. «В поле зрения резидентуры, - писал я, - находится Линда Брэдмен, двадцати трёх лет, незамужняя, сотрудница посольства США, американка шведского происхождения. Первичный контакт с ней установлен лично мною. Ей я представился научным сотрудником известного Вам исследовательского центра. Учитывая, что Линда может иметь доступ к интересующей нас информации, прошу санкции на

установление и развитие личного контакта вплоть до вступления в интимные отношения с разрабатываемой».

Хотя как исполняющий обязанности резидента я формально имел право в особых случаях самостоятельно принимать решения с последующим уведомлением Центра. Однако мне хотелось прежде разобраться в самой Линде и наших столь стремительно развивающихся взаимоотношениях. Я смотрел на неё не только как на «объект вербовочной разработки».

Вспомнилось, как утром, за завтраком, она стала рассказывать о себе, о своей жизни. О том, что происходит из семьи состоятельных шведских предпринимателей, эмигрировавших в США в канун Второй мировой войны и принявших американское гражданство. «Я ничего не утаю. Ты всё узнаешь обо мне. Но только не за один присест», - просто и спокойно сказала она. Я почувствовал, что теперь мой черёд рассказать о себе. Сделать это было нетрудно. С учётом моей ориентации на работу по «главному противнику» - американцам - в Центре была разработана и утверждена легенда, согласно которой я выступал в роли сотрудника одного из научно-исследовательских центров Европы. В дополнение к легенде меня снабдили загранпаспортом подданного одного из королевств. Этот-то паспорт я и выложил на стол перед Линдой, якобы для того, чтобы показать, что она имеет дело с закоренелым холостяком, который к тому же на тринадцать с лишним лет старше её. «Это здорово!» - ничуть не смутившись, парировала она. Возможно, её обрадовало то, что я - холостяк. А я действительно «холостяковал». Дело в том, что при посольстве была только начальная школа, сын закончил её и учиться дальше мог только в Москве. Жена и дочь поехали домой вместе с ним, так что два с лишним года мне предстояло жить в Стокгольме одному...

Встречи с Линдой стали регулярными. Её откровенность порой ставила меня в тупик. Взяла, например, и сама рассказала мне, что работает на одном из секретных объектов регионального центра ЦРУ, имеет дело с секретной документацией, касающейся, в частности, негласных контактов ЦРУ с СЭПО (шведской полицией безопасности) и, что гораздо важнее, с Информационным бюро - глубоко законспирированной и известной лишь ограниченному числу членов правительства политической разведкой Швеции. На объекте режим строжайшей секретности, всем сотрудникам и в особенности представительницам прекрасного пола предписано быть очень разборчивыми при заведении знакомств в городе и о каждом сообщать в службу безопасности. «Но ты не волнуйся, - продолжала она. - О тебе, о нас с тобой я никому не докладывала».

В другой раз, оторопев, я увидел на столике в спальне секретный документ ЦРУ на пяти страницах. Линда была в ванной, и это позволило мне снять с документа фотокопию. Но почему она принесла его домой и практически подсунула мне? Я мучился всякого рода догадками, но ясного ответа не находил. Ответ дала сама Линда.

Любовь и центр

В один из вечеров мы сходили в ближайший кинотеатр, где шёл фильм о Джеймсе Бонде. Когда на экране очередная красотка страстно отдавалась неотразимому «агенту 007», я возьми да шепни на ухо Линде: «А ты б на это решилась?» И в ответ слышу:

«Я давно на это решилась». Я проглотил язык. Вечером, уже в постели, она заявила: «Я не знаю, кто ты. Но ты не тот, за кого себя выдаёшь. Ты до сих пор так и не дал мне свой домашний адрес и номер домашнего телефона. Ты - холостяк, но ни разу не пригласил меня в свою холостяцкую обитель. Ты не говоришь, где работаешь, в каком учреждении, по какому адресу. Не сообщил мне номер служебного телефона, чтобы я могла при необходимости связаться с тобой. А тот номер, что ты как-то назвал, так это публичная библиотека. Разве этого мало, чтобы понять: ты - «Джеймс Бонд», интересующийся делами нашего объекта?! Я буду помогать, но не надо смешивать это с моей любовью к тебе».

Я думаю, Линда со временем догадалась, кто я, на кого я работаю. Но вида не подавала. Я же не раскрывался. В этом не было необходимости. Для неё это не имело никакого значения. Сколько раз я вспоминал ответ из Центра на ту мою «победную реляцию» - мне было предложено воспитывать у «объекта вербовочной разработки» чувства симпатии к Советскому Союзу и его миролюбивой внешней политике и осуждения милитаристских происков США. Ставился вопрос о «введении в разработку материального фактора», то есть выплаты Линде денежных вознаграждений: ценность передаваемых ею документов не вызывала сомнений. Да разве я мог объяснить начальству, что так называемый «оперативный контакт» был, по сути, своеобразным прикрытием наших личных с ней отношений? Что любой намёк на «материальное вознаграждение», любое подозрение, что моя любовь - некая плата за её помощь, оскорбили бы её раз и навсегда?

Я до сих пор помню её взгляд, он проникал в самое сердце. И тогда казалось, что нет никакого регионального центра ЦРУ, никаких заданий из Москвы. Никого и ничего, кроме нас...

Через год и восемь месяцев Линду перевели на работу в другую страну. Расставаясь, мы, как все влюблённые, клялись помнить друг друга и счастье, выпавшее на нашу долю. Я храню её фотографию, забавный приз за лучший танец, снимок дома, в котором она жила. Я часто думаю: была это любовь или увлечение? Прошло столько лет, но мне, пожалуй, трудно ответить даже самому себе. Знаю только, что такое случилось лишь один раз за все мои загранкомандировки...

У меня замечательная жена, взрослые дети, чудная внучка. Я всех их люблю, они любят меня, мы счастливы. И если ты спросишь, считаю ли я справедливым порядок, при котором разведчик имеет право на «интимный контакт» с иностранкой только с санкции Центра, я отвечу: «Да, считаю». Не случайно же это - закон всех разведок мира.

Другое дело, что всякое правило имеет исключения, применять его механически нельзя. И в жизни разведчика, как и любого человека, бывают обстоятельства, которые невозможно уложить в установленные схемы.

Штрихи к портретам. 2001-2003 г.г.

Человек, переигравший Отто Скорцени

В давнем советском боевике «Тегеран-43» бесстрашный и сексапильный разведчик, присланный из Москвы в столицу Ирана со спецзаданием, лихо обезвреживал гитлеровских террористов, готовивших покушение на Сталина, Рузвельта и Черчилля. В этом фильме три правды. Первая: в конце 1943 года в Тегеране состоялась конференция «большой тройки». Вторая: фашисты готовили покушение на лидеров СССР, США и Великобритании. Третья: советская разведка ликвидировала террористов.

Но есть в фильме и одна неправда: эту, ставшую классической, антитеррористическую операцию осуществил не заезжий Джеймс Бонд отечественного розлива, а резидент нашей разведки в Иране Иван Иванович Агаянц. Человек, который своим внешним видом никак не тянул на супершпиона: худой, высокий, измученный туберкулёзом, с тихим голосом и торопливой походкой, он скорее смахивал на профессора, музыканта, адвоката. У него был именной «Вальтер», да и стрелял он в тире отменно, но ни разу в жизни не воспользовался пистолетом в «деле». Его оружием было доскональное знание искусства разведки, умение мгновенно ориентироваться в любых обстоятельствах, глубоко и всесторонне анализировать их, оценивать и принимать наиболее рациональное решение. Его заслуги не ограничиваются тегеранской эпопеей.

* * *

В один из августовских дней 1943 года резидент советской разведки в Тегеране Иван Агаянц получил из Москвы указание срочно вылететь в Алжир с паспортом представителя СССР в комиссии по репатриации на имя Ивана Авалова и принять участие в организации представительства СССР при Национальном комитете сражающейся Франции.

Это была официальная версия поездки или, как говорят в разведке, легенда. В действительности же советскому разведчику было дано задание разобраться в том, что представляет собой возглавляемый де Голлем Национальный комитет сражающейся Франции (НКСФ), какие реальные силы за ним стоят, каковы шансы де Голля стать национальным лидером Франции. Необходимо было также выяснить взгляды генерала на послевоенное устройство Европы и характер его взаимоотношений с американцами и англичанами. Ну и, конечно же, поинтересоваться, чем занимаются в Алжире американская и английская разведки, каковы их позиции в НКСФ.

Кто же вы, генерал де Голль?

Срочность задания, равно как и его важность, объяснялись достаточно просто. Через месяц-другой в Тегеране открывалась конференция «Большой тройки» - Сталина, Рузвельта и Черчилля. И одним из ключевых на ней считался вопрос о послевоенном устройстве Европы.

Сталин располагал достоверной разведывательной информацией о том, какой виделась послевоенная Франция в Вашингтоне и в Лондоне. Ему было также известно, что американцы делали ставку на генерала Жиро и с его помощью старались прибрать к рукам французское движение Сопротивления, установить военный и политический контроль над Северной Африкой - Алжиром, Тунисом и Марокко, колониями Франции. Главным препятствием на пути к достижению этих целей американцы считали «несговорчивого» генерала де Голля. А потому вместе с англичанами делали всё возможное и невозможное для того, чтобы, как выразился Антони Иден, тогдашний министр иностранных дел Великобритании, «не дать де Голлю ни малейшего шанса создать единую французскую власть до высадки союзников во Франции, а тем более - сформировать правительство, поскольку тогда уже его не удастся отстранить от власти».

Всё это Сталин знал. Но у него были смутные представления о самом генерале де Голле, его реальных возможностях, отношении к Советскому Союзу, США и Англии. Этот существенный пробел надлежало восполнить Агаянцу-Авалову.

...«Третьего сентября 1943 года посетил генерала де Голля по его приглашению. В начале беседы он поинтересовался положением на советско-германском фронте, внимательно выслушав меня, заметил, что немцы располагают ещё достаточно большими резервами. И тут же подчеркнул, что уверен в победе Красной Армии, так как у неё много преимуществ.

Относительно высадки союзных войск в Калабрии де Голль не без иронии отметил, что военные действия там ведутся ни шатко, ни валко, поскольку, мол, «очень высокие горы». И уже вполне серьёзно продолжил, что союзным войскам впервые довелось там столкнуться с немецкими дивизиями. И хотя эти дивизии недавно подверглись в Сицилии мощным ударам, они, по-видимому, ещё достаточно сильны, чтобы противостоять англо-американским войскам.

Что касается Национального комитета сражающейся Франции, то де Голль весьма оптимистически оценил его нынешнее положение и ближайшие перспективы. При этом добавил, что открытие советского представительства при комитете свидетельствует о действительно дружественных намерениях советского правительства в отношении Франции, способствует укреплению единства французов и предоставляет комитету возможность решительно противостоять вмешательству американцев в его дела. Откровенно признав наличие серьёзных расхождений с Жиро, генерал выразил твёрдую решимость добиваться

отстранения от дел всех своих политических противников, в том числе и Жиро. По его словам, как раз сегодня состоялось заседание комитета, на котором принято решение при первой возможности предать Петэна и его сторонников суду. «Посмотрим, как теперь они, американцы, и Жиро осмелятся привезти вишистов в Алжир», - резюмировал де Голль...

Затем он перешёл к вопросу о принципах политической организации Европы после войны. Он считал, что Европа должна базироваться на дружбе между СССР, Францией и Англией. Но первостепенную роль в организации должны играть только СССР и Франция. Англия же, как великая держава, имеет свои интересы главным образом вне Европы. Поэтому она должна заниматься прежде всего неевропейскими проблемами. Что же касается Соединённых Штатов, то, по словам генерала, они тоже не могут стоять в стороне от решения международных вопросов. «Тем не менее, Европа, - как бы подвёл итог он, - должна определиться сама. Мы и вы должны организовать послевоенную Европу. Совместно нам будет легче решить и судьбу Германии».

Уже прощаясь, де Голль познакомил меня с одним из своих родственников, молодым французским разведчиком, который недавно прибыл из Германии, где встречался с офицером, находившимся длительное время в германском концлагере в Любеке. С его слов, сын И. В. Сталина заключён в этот концлагерь. Держится хорошо, хотя подвергается издевательствам и пыткам. Со слов де Голля, имеется возможность наладить переписку с сыном И.В. Сталина через его людей. Я поблагодарил де Голля за это сообщение.

И. Авалов».

Через пару дней в Москву пришло второе информационное сообщение от Авалова. Затем третье, четвёртое, пятое... И каждое из них было учтено не только в позиции советской делегации на тегеранской конференции, но и, что гораздо важнее, при определении и развитии советско-французских отношений после войны.

Вернувшись из Алжира в Тегеран, И. Агаянц уже как руководитель резидентуры активно включился в подготовку встречи «большой тройки», и прежде всего в обеспечение её безопасности.

Пока идол готовился к «прыжку»

«Дальний прыжок». Таково было кодовое название диверсионно-террористической операции, которая в строжайшей тайне разрабатывалась на сверхсекретной базе СС в датской столице - Копенгагене. «Мы повторим прыжок в Абруццо. Только это будет дальний прыжок! Мы ликвидируем «большую тройку» и повернём ход войны. Мы похитим Рузвельта, чтобы фюреру легче было сговориться с Америкой», - хвастливо заявлял один из разработчиков операции, штурмбанфюрер СС фон Ортель. Упоминание Абруццо не было случайным. Название этого труднодоступного местечка в итальянских Альпах обошло всю прессу

мира после того, как в июле 1943 года оттуда был выкраден и на специальном самолёте «Физелер Шторьх» вывезен в Германию низвергнутый итальянцами Муссолини. Эту по-своему уникальную операцию блестяще провёл штурмбанфюрер СС Отто Скорцени, которого нацистская пропаганда называла идолом германской расы. Когда в Берлине родилась идея о «дальнем прыжке», то выбор, естественно, пал на Скорцени. Но тут идолу германской расы не повезло. Его переиграл Иван Агаянц.

...«20 ноября 1941 года, уложив в чемодан все наши вещи, мы сели в старый бомбардировщик, который должен был доставить нас в Тегеран, - вспоминала впоследствии Елена Ильинична, супруга и боевой соратник Ивана Ивановича Агаянца. - Впрочем, сели - понятие растяжимое. Я, поскольку ждала ребёнка, расположилась на стуле, который любезные лётчики поставили в бомбовый отсек. Иван сидел по-турецки над бомболюком, что вызывало немало шуток и оживляло полёт. Над Кавказом наш самолёт обстреляли, но всё обошлось благополучно.

Первый месяц мы жили в доме Андрея Андреевича Смирнова, советского посла в Иране. Размещались в темноватой прихожей, где стоял старенький диван. На нём и родилась наша дочка Ача. Иван Иванович и мой сын от первого брака Коля спали на полу. Посол приглашал Ивана Ивановича к себе, но тот не хотел оставлять меня одну. Наконец нам выделили две комнаты и всё утряслось».

Свою деятельность резидента советской разведки в Тегеране И. Агаянц начал с того, что, детально ознакомившись с положением дел на месте, вышел к руководству разведки с предложением в корне пересмотреть всю работу резидентуры. «Наш аппарат, - писал он в своём донесении в Центр, - загружен работой с материалами и агентурой, которые, однако, не освещают вопросы политической разведки и не отвечают повседневным нуждам нашей дипломатической и политической работы в стране. Не политическая информация о явлениях внутренней и внешней жизни страны и не работа над этими материалами - основное содержание деятельности «конторы»... Мы заняты здесь, главным образом, делами безопасности и контрразведки, приближающими нашу агентурно-оперативную работу к задачам наших внутренних органов».

Критический разбор деятельности резидентуры подкреплялся в донесении развёрнутым планом её реорганизации, перевода на рельсы наступательной разведывательной работы. Инициатива резидента вызвала в Центре неоднозначную реакцию. Ведь только в самой тегеранской резидентуре насчитывалось тогда несколько десятков оперативных работников, да ещё столько же в восьми подрезидентурах, действовавших в других иранских городах. И всю эту махину предлагалось заново перекроить. Под силу ли это Агаянцу, которому в то время едва стукнуло тридцать два года?! Тем не менее, хотя и с некоторыми оговорками, предложения резидента были одобрены.

Получив из Центра «добро», Агаянц провёл строжайшую «ревизию» доставшегося в наследство агентурного аппарата. Многие агенты за

ненадобностью были исключены из агентурной сети. Однако решение по каждому их них принималось после тщательного взвешивания всех «за» и «против». Например, в агентурном аппарате резидентуры значилась «Вера», завербованная когда-то в Стокгольме супруга высокопоставленного сотрудника иранского посольства. Тогда в Швеции она оказывала советской разведке ощутимую помощь. Когда же вернулась с мужем в Тегеран, то подтвердила свою готовность к продолжению сотрудничества. Однако резидентуре её разведывательные возможности представлялись крайне незначительными.

К моменту приезда Ивана Ивановича созрело решение отказаться от услуг «Веры». На этом, в частности, во время «ревизии» настаивал оперработник, на связи у которого она была. Не один вечер просидел с ним Агаянц, прежде чем убедил использовать в интересах советской разведки близость «Веры» к семье шаха, в особенности к старшей принцессе, а также служебное положение мужа, занимавшего довольно высокий пост в иранском МИДе и находившегося под каблуком у жены. Убеждал, как оказалось, не зря. От «Веры» вскоре стала поступать важная информация относительно внешнеполитических планов шаха, а также оперативные сведения, способствовавшие приобретению агентов влияния в руководстве ведущих политических партий, государственного аппарата и даже в ближайшем окружении шаха.

Особое внимание Агаянц уделял созданию надёжных агентурных позиций в высшем армейском эшелоне Ирана. «Мы не можем и не должны ограничиваться лишь источниками информации. Важно выйти на такие объекты разработки, которые бы помимо нужных нам сведений обладали ещё значительным влиянием в армии и офицерском корпусе и были смелыми и решительными в практических действиях», - инструктировал он личный состав резидентуры. И вскоре «свои люди» появились рядом с военным министром, в руководстве армейской разведки и других спецслужб, среди советников шаха. Отныне в Москву регулярно поступала достоверная информация не только о планах и намерениях правительства Ирана, но и о планируемых резидентурой мероприятиях по обеспечению безопасности и сохранности стратегических поставок (олова, каучука и др.), следовавших в Советский Союз из района Персидского залива через порты Дампертшах, Бушир и Кур. Надёжный агентурный контроль был установлен над всеми ключевыми пунктами на границах Ирана с Советским Союзом, Турцией и Афганистаном.

Под плотный контроль была взята и английская резидентура, которая, как выяснилось, занималась далеко не дружественной деятельностью в отношении Советского Союза. Возглавлял её тогда Оливер Болдуин, сын бывшего премьер-министра Великобритании. Англичане проявляли завидную активность в наведении мостов с антисоветскими националистическими организациями, действовавшими в глубоком подполье на территории Советской Армении. С этой целью ими через турецко-советскую границу был переправлен в Армению опытный разведчик Филипп Торнтон. Ему предписывалось вступить в контакт с руководством Дашнакцутюна и договориться о сотрудничестве.

Англичане не подозревали, что этот визит Торнтона позволил тегеранской резидентуре выявить главарей Дашнакцутюна, установить места их проживания, составить чёткое представление о структуре этой организации, принципах взаимодействия её отделений, о каналах связи. Остальное, как говорится, было делом техники для внутренних подразделений органов госбезопасности СССР.

«Прыжок» не состоялся

Особую головную боль доставляли Агаянцу, конечно же, разведывательные службы Германии, достаточно прочно обосновавшиеся в Иране, во многом благодаря тому, что престарелый шах Реза открыто симпатизировал Гитлеру.

В районе Тавриза, в частности, активно действовала группа Шульце-Хольтуса. Этот резидент абвера, военной разведки, вначале вполне официально выступал в качестве генерального консула Германии в Тавризе. Но затем перешёл на нелегальное положение, превратившись в муллу с красной от хны бородой. Летом 1943 года, незадолго до встречи «большой тройки», он получил приказ из Берлина обосноваться у кашкайских племён в районе Исфагани. Вскоре туда были сброшены парашютисты из команды Отто Скорцени, оснащённые радиопередатчиком, взрывчаткой и целым арсеналом всевозможного оружия.

Почти одновременно с Шульце-Хольтусом на нелегальное положение перешёл резидент гестапо Майер, группа которого действовала в непосредственной близости от иранской столицы. Сам Майер преобразился из германского коммерсанта в иранского батрака, работавшего могильщиком на армянском кладбище. Накануне тегеранской конференции к нему также были сброшены шесть парашютистов-эсэсовцев Скорцени.

Шульце-Хольтус и Майер поддерживали постоянную связь с Берлином и между собой, а повседневную работу координировали с главным резидентом абвера в Тегеране Миллером.

Таковы были основные звенья механизма, призванного обеспечить успешное выполнение операции «Дальний прыжок». Отто Скорцени, разумеется, не подозревал, что каждый его шаг надёжно контролируется Иваном Агаянцем и что с наступлением дня «Х» группы Шульце-Хольтуса и Майера будут молниеносно выведены из игры. И никакого «прыжка» не будет.

С Миллером же приключилась такая история. Располагая данными о том, что этим асом абвера долго и настойчиво занимается британская Сикрет интеллидженс сервис, Агаянц предложил англичанам объединить усилия. С обоюдного согласия было решено самого Миллера до поры до времени не трогать, дабы выявить всю его агентуру, все связи в иранском истеблишменте. Однако это джентльменское соглашение было нарушено англичанами, которые, даже не поставив в известность своих советских

коллег, захватили Миллера буквально за день до начала работы тегеранской конференции.

Информация о «Дальнем прыжке» была доведена В. М. Молотовым до Аверелла Гарримана, тогдашнего посла США в Москве, входившего в состав американской делегации в Тегеране. Одновременно было передано предложение Сталина о том, чтобы Рузвельт, по соображениям безопасности, поселился в советском посольстве. Американский президент принял это предложение к явному неудовольствию Уинстона Черчилля. Ведь Рузвельту предлагали поселиться в посольстве Великобритании, территория которого примыкала к советскому посольству. Но предложение англичан осталось без ответа.

В течение одной ночи для Рузвельта и его обслуживающего персонала были оборудованы несколько комнат в основном здании посольства СССР, куда он сразу же переехал. «Во время тегеранской конференции, - вспоминает Елена Ильинична, - в наших комнатах и квартире посла разместились Сталин, Молотов, Ворошилов и Микоян. Для Рузвельта подготовили специальное помещение. Наша же семья переселилась в апартаменты, где когда-то был шахский гарем. До дома, где проходили заседания, было метров пятьсот. Я работала на конференции стенографисткой...

В один из дней все мы были подняты на ноги. Во время переговоров в конференц-зале Рузвельт что-то написал на листке бумаги и через своего помощника передал Черчиллю. Тот прочёл, написал ответ и возвратил записку Рузвельту. Сталин не показал недовольства, но сразу же после переговоров вызвал Ивана Ивановича к себе и велел хоть из-под земли достать злополучный листок, чтобы раскрыть «тайную переписку». Бумажку достали и немедленно доложили. «Сэр! У Вас расстегнулась ширинка», - было написано рукой Рузвельта. Черчилль ответил: «Старый орёл не выпадет из гнезда». Сталин был очень доволен, что англо-американский сговор ограничился столь невинным предметом. К слову сказать, Рузвельт ни разу не ездил к Черчиллю в резиденцию. Пребывал всё время на территории советского посольства».

С 28 ноября по 2 декабря тегеранская резидентура работала в круглосуточном режиме. Был задействован весь агентурный аппарат. Вся заслуживающая внимания информация незамедлительно докладывалась Иваном Ивановичем самому «дяде Джо». Свои же профессиональные проблемы советские разведчики решали сами. «Даже мне приходилось участвовать в драматических мероприятиях но ликвидации вражеских агентов, - признавалась Елена Ильинична, которая была не просто супругой резидента, но и оперативным работником, завершившим свою двадцатилетнюю службу во внешней разведке в звании капитана. - Одно из таких мероприятий проводилось вместе с нашими военными. Помнится, один из наиболее зловредных для нас иностранных агентов, действовавших в Тегеране, вдруг начал усердно ухаживать за мной. Наша военная разведка получила задание вывести его из игры. Был совместно разработан план моего «свидания» с ним, во время которого

предусматривалось накинуть на ухажёра специально сшитый мешок и связать его.

Затем предстояло в таком виде доставить на автомашине но назначению, что и было сделано».

И. И. Агаянц проработал в Иране до весны 1946 года. Периодически выезжал в Алжир для встреч с генералом де Голлем и его ближайшими сподвижниками. Выполнял и другие задания Москвы, в том числе и достаточно деликатные. В частности, ему довелось несколько раз инкогнито посещать районы Ирана, населённые курдами, которые подняли восстание против шахского режима, а заодно и Москву объявили своим врагом, поскольку, мол, она дружит с шахом. В результате обстоятельных и умело проведённых Агаянцем бесед с влиятельными старейшинами и религиозными лидерами курдских племён ненужная Москве «головная боль» была полностью снята.

Под «крышами» Парижа

В сентябре 1946 года ещё не успевшего «остыть» от Тегерана Ивана Ивановича направили в Париж, где он в 1937 году начинал свою закордонную деятельность разведчика. На первых порах работал под «крышей» торгпредства. Потом был назначен заведующим консульским отделом посольства СССР во Франции.

«Крыша» консула как нельзя лучше подходила для выполнения возложенных на Агаянца задач по поддержанию оперативных контактов с коллегами в охваченной гражданской войной Испании. А после падения республиканской власти молодого консула привлекли к участию в сверхсекретной операции - нелегальной переправке в Советский Союз Долорес Ибаррури, Хосе Диаса и других руководителей испанской компартии, которых фашистский режим Франко приговорил к смертной казни.

Тогда же случился и первый, запомнившийся ему на всю жизнь прокол. Осенью 1938 года Агаянц направил из Парижа в Москву шифровку о том, что из-за халатности некоторых членов республиканского правительства, а также резидентуры НКВД в Испании разбазарена часть золотого запаса, драгоценных металлов и камней, которые по соглашению, подписанному премьер-министром Испанской республики Ларго Кабальеро, подлежали отправке на хранение в Советский Союз.

В Москве шифровка произвела эффект разорвавшейся бомбы. О ней доложили Сталину, который дал указание незамедлительно проверить поступивший сигнал. Информация не подтвердилась. Но и в действиях Агаянца злого умысла не нашли, поэтому никаких оргвыводов не последовало. Один из коллег Агаянца в Париже тогда подарил ему изданный на французском языке «Краткий курс истории ВКП(б)» с надписью: «Ученику первого класса - от товарища из подготовительной группы». И вместо подписи оставил одну лишь букву «О».

В 1940 году Иван Агаянц возвратился из Парижа в Москву. Служба в

центральном аппарате разведки сложилась у него на редкость удачно. За неполные два года он последовательно становится заместителем начальника отделения, начальником отделения и наконец заместителем начальника европейского отдела Первого управления НКВД. Затем - назначение резидентом в Тегеран. И вот снова Париж, куда его направили «в связи с необходимостью усиления деятельности нашей резидентуры по обеспечению Парижской мирной конференции».

С возложенной на него задачей Агаянц справился блестяще. Глава советской делегации Молотов, на которого напрямую замыкался советский резидент, не испытывал недостатка в разведывательной информации упреждающего характера, позволявшей корректировать линию поведения советской делегации за столом переговоров. Ему до деталей были известны закулисные интриги Вашингтона и Лондона, позиции всех без исключения делегаций 27 государств, приехавших на парижский форум. Американцы ещё только собирались представить участникам форума так называемый «план Маршалла», а его секретный вариант уже лежал на столе у Молотова.

Но Агаянца интересовали и другие проблемы, не связанные с мирной конференцией и в общем-то не относящиеся к сфере разведывательной деятельности.

Когда ему стало известно о том, что более ста полотен известного советского художника П. П. Кончаловского, выставлявшиеся в Париже накануне войны, так и остались там и хранятся у его родной сестры, Иван Иванович незамедлительно дал поручение оперработнику, прикрытому в посольстве должностью атташе по культуре, начать с сестрой переговоры о возвращении картин в Советский Союз. Положение осложнялось тем, что сестра художника придерживалась откровенно антисоветских взглядов и не скрывала этого. Она заявила, что вроде бы и не против передачи картин совпосольству, но сомневается в том, что посольство сможет обеспечить их сохранность при транспортировке в Москву. В её словах был определённый резон: в тот период транспортное сообщение между Парижем и Москвой было организовано из рук вон плохо. Тогда Агаянц договорился с Молотовым, в распоряжении которого был личный самолёт. Проблема была решена. Все картины в целости и сохранности были доставлены в Москву и переданы их законному владельцу. Выражая глубокую признательность представителям МИДа, художник П. П. Кончаловский конечно же не подозревал, кто - истинный виновник его безграничной радости.

Не остался равнодушным Агаянц и к судьбе неопубликованных «московских дневников» Ромена Роллана. Они хранились у проживавшей в Париже вдовы писателя М. П. Кудашевой. Разбирая архив покойного мужа, Мария Павловна наткнулась на эти дневники и завещание опубликовать их лишь по истечении 25 лет после его смерти. Дело в том, что в них содержались нелестные высказывания о Сталине.

...«Я не Сталина защищаю, а СССР - кто бы ни стоял в его главе. Вреднейшая вещь - идолопоклонство по отношению к отдельным лицам,

будь то Сталин, Гитлер или Муссолини». Эта мысль красной нитью проходила через дневники. Великий писатель понимал, что немедленное опубликование рукописи может нанести вред национальным интересам Советского Союза, стране, которую он боготворил. Поэтому Мария Павловна, уроженка России, приняла твёрдое решение положить «московские дневники» её мужа на хранение в один из французских банков, а фотокопии - в Стокгольмский банк. Наверное, так бы и получилось, если бы не Агаянц. Он сумел убедить вдову сделать ещё один экземпляр фотокопий и передать их Советскому Союзу. Так они оказались в Московском институте мировой литературы. Почти одновременно с ними, благодаря опять же Агаянцу, из Парижа в Москву перекочевали архивы великого композитора С. В. Рахманинова, а также подлинник письма К. Маркса французскому учёному и политическому деятелю Илизе Реклю.

...Командировка Агаянца во Францию закончилась довольно быстро. Работа на износ, с раннего утра до глубокой ночи, и старый туберкулёз всё явственнее давали о себе знать. «Кто мало спит, тот много видит», - любил говорить этот разведчик-трудоголик.

Осенью 1947 года он вернулся в Москву. Ему предстояла операция. Она практически не принесла облегчения. К его старой болячке - туберкулёзу - добавилась новая - рак лёгких. Помогала ему лишь железная выдержка, сила воли. Он вынужденно отошёл от активной оперативной работы и переключился на преподавательскую. Он был назначен на должность начальника кафедры спецдисциплин в разведшколе. Но по-прежнему остался неугомонным и усиленно пробивал идею о создании принципиально нового подразделения в структуре советской разведки.

И оно появилось в конце 50-х годов. На Западе его окрестили Управлением «Д». Оно призвано было «создавать необходимую нашему МИДу и другим внешнеполитическим и внешнеэкономическим органам обстановку и условия в той или иной стране или районе мира». Во главе новой специфической структуры был поставлен полковник И. Агаянц.

Своевременность создания новой структуры долго доказывать не пришлось. Во всяком случае, в «Нью-Йорк геральд трибюн» вскоре появилась весьма примечательная публикация. В ней сообщалось о том, что ЦРУ США представило на рассмотрение Конгресса доклад, в котором жаловалось, что осуществлению многих её оперативных мероприятий мешает деятельность советского Управления «Д», возглавляемого генералом И. Агаянцем.

* * *

9 мая 1968 года Иван Иванович Агаянц позвонил из больницы по телефону домой. Справился о здоровье и настроении близких. А главное - поздравил сына с днём рождения. После чего помолчал несколько мгновений и произнёс своим обычным, ровным, чуть глуховатым голосом: «Целую. До встречи!» Через три дня его не стало.

На панихиде, у гроба, выставленного в клубе МГБ на Лубянке, в торжественном карауле стояли не только его соратники и ученики. Отдать последний долг чекисту-дипломату пришли Ю. Андропов, А. Громыко, руководители Минвнешторга, Минобороны, Минкультуры и многих других министерств и ведомств. В очерке-некрологе, предназначенном для внутреннего пользования, были такие строки:

«Его деятельность на практической агентурно-оперативной работе за рубежом была чрезвычайно продуктивной. Достаточно сказать, что в период 1941-1947 годов он лично завербовал несколько ценных агентов, которые по настоящее время являются источниками получения важной документальной информации... Несомненен и очевиден также личный вклад И. Агаянца в разработку и осуществление крупных комплексных активных мероприятий, нанёсших видимый и зримый ущерб противнику...»

И ещё: «Его имя при жизни было окружено легендами. Агентура из иностранцев, с которыми он работал, неизменно сохраняла о нём самое высокое мнение. И что удивительно, многие из них соглашались на сотрудничество с советской разведкой только лишь благодаря личному обаянию этого Человека с большой буквы, силе его характера и умению убеждать, лишь потому, что видели в нём достойного представителя своей страны».

Агентурное дело №83791

В середине марта 1938 года в нелегальную резидентуру НКВД в Лондоне прибыла новая сотрудница «Норма». Эта миловидная женщина, лет тридцати, с прекрасной фигурой и огромными карими глазами, вокруг которых ещё не обозначились лучики мелких морщинок, уже имела богатый опыт работы с агентурой в ряде стран со сложным контрразведывательным режимом. В Лондоне ей предстояло восстановить прервавшийся шесть месяцев назад оперативный контакт с «Лириком», а главное - организовать для этого ценного агента автономный канал связи с Москвой. Встреча с ним была назначена на 3 апреля в кинотеатре «Эмпайр», на восточной стороне Лестер-сквера. Контакт восстанавливался по паролю. «Норма»: «Видели ли вы моего друга Карла?» Ответ «Лирика»: «Да. Я видел его 7 января».

...Тщательно проверившись и убедившись в отсутствии слежки, «Норма» направилась к месту встречи. Не доезжая до кинотеатра, припарковала автомашину. Пешком дошла до Лестер-сквера и, выбрав скамейку прямо напротив кинотеатра, стала ждать появления «Лирика». Опознать его она должна была по фотографиям, хранившимся в Центре в агентурном деле №83791. Само дело «Норма», естественно, проштудировала от корки до корки, с тем, чтобы составить максимально чёткое представление о человеке, с которым ей предстояло работать.

Она узнала, в частности, что отец «Лирика», сэр Дональд Маклейн, юрист по образованию, пожертвовал своей весьма успешной адвокатской практикой ради того, чтобы стать членом парламента от лейбористской

партии. Затем занял кресло кабинет-министра в коалиционном правительстве Рамсея Макдональда. Но летом 1932 года скоропостижно скончался после сердечного приступа.

«Лирик» в то время уже учился в престижном Кембридже. И его будущее ни у кого не вызывало сомнений. Сам премьер-министр Стэнли Болдуин, близкий друг семьи Маклейн, заверял овдовевшую мать «Лирика» в том, что всеми силами будет содействовать дипломатической карьере её сына. В одном из его личных писем, переданных леди Маклейн, прямо говорилось о том, что «соответствующее лицо в Форин оффисе поставлено в известность о том, что премьер-министр лично заинтересован в продвижении Дональда Дюарта Маклейна».

Непосредственное участие в содействии карьере «Лирика» на дипломатическом поприще принимали и другие влиятельные друзья его отца. Они наперебой твердили, что сын сэра Маклейна обладает всеми необходимыми качествами будущего посла Великобритании. Атлетического сложения при росте 6 футов 4 дюйма, «Лирик» был для них воплощением образа красивого молодого англичанина, воспитанного в традиционном духе, наделённого от природы тонким умом и чувством собственного достоинства, всесторонне образованного, увлекающегося живописью и музыкой и, конечно же, сдержанного и скромного в быту.

В агентурном деле, правда, были и другие сведения об этом отпрыске древнего шотландского рода пресвитерианцев, свято веривших в то, что Библия является буквальным словом Божьим. «Он был активным членом коммунистической ячейки в Кембридже и проделал всю партийную работу, начиная с распространения газеты и кончая пикетированием предприятий, на которых проходили забастовки, - отмечалось в деле. - Он пришёл в компартию из честных побуждений: интеллектуальная бессодержательность и бесцельность жизни буржуазного класса, к которому он принадлежал, его оттолкнула».

Как и многие его сокурсники, «Лирик» действительно считал, что у буржуазного строя нет перспективы, что будущее за коммунизмом. Он неоднократно заявлял своей матери о намерении уехать в Советский Союз и устроиться там учителем или трактористом.

«Долг коммуниста, - объяснял он ей, - обязывает меня внести личную посильную лепту в реализацию научного социального эксперимента, поставленного в Советском Союзе».

Однако в конце 1934 года, накануне окончания Кембриджа, его поведение резко изменилось. Он перестал участвовать в пикетах и забастовках, порвал все отношения с университетской партийной ячейкой. Недоумевающим товарищам по партии отвечал, что занят подготовкой к экзаменам для поступления на государственную службу. Матери же откровенно заявил: «Ты можешь считать меня флюгером, но я теперь отказался от всего этого». Леди Маклейн была бесконечно счастлива услышать, что наконец-то её любимый сын освободился от своих юношеских заблуждений и взялся за ум.

В октябре 1935 года «Лирик» был приглашён на собеседование в так называемую «отборочную комиссию» МИДа. Он прекрасно понимал, что его судьба, хотя вступительные экзамены уже блестяще сданы, решится именно на этой комиссии, состоявшей по традиции из ведущих сотрудников Форин оффис и их уважаемых супруг. Отдавал он себе отчёт и в том, что главной помехой для него будет увлечение коммунистическими идеями в студенческие годы. И он решился идти ва-банк. «У меня действительно были такие взгляды. И я ещё не вполне от них освободился», - заявил он в ходе собеседования. Честное признание произвело впечатление на комиссию. «Лирик» заметил, как многие из её членов одобрительно кивнули друг другу и с явным удовлетворением восприняли его ответы на последующие вопросы.

...«Вайзе» выполнил наше поручение с положительным для нас результатом», - кратко доложили из лондонской резидентуры в Центр. Это означало, что прикрытый псевдонимом «Вайзе» Маклейн, во-первых, демонстративно и достаточно убедительно порвал с коммунистическим движением, а, во-вторых, сумел с первого же захода поступить на работу в МИД, где уже получил назначение в Западный отдел на должность третьего секретаря. На Лубянке довольно ухмылялись, читая копию письма министра иностранных дел лорда Саймона, в котором тот лично поздравлял «Вайзе» с поступлением на дипломатическую службу Его Королевского Величества.

* * *

«Пришёл вечером «Вайзе», - сообщалось в шифровке резидентуры от 24 мая 1936 года. - Принёс огромную пачку докладов. Мы сняли только часть, так как у нас вышли плёнки, а сегодня воскресенье, да ещё ночь...»

Генерал П. Судоплатов, один из тогдашних руководителей советской внешней разведки, в своих мемуарах признал, что Маклейн открыл для Лубянки резервуар разведывательной информации министерства иностранных дел Англии. И хлынувший оттуда мощный поток сверхсекретных документов ошеломил не только своим объёмом, но прежде всего их актуальностью и важностью в условиях назревавшей в Европе войны.

В частности, в Москве получили возможность ознакомиться с утверждённой правительством Англии «Директивой о пересмотре и переработке планов ведения войны в Европе в пятилетний период, с 1934 по 1939 г.», с «Детальным планом обеспечения британской армии на случай войны с Советским Союзом». Узнали в Кремле и о том, что Лондон склоняет нацистское руководство Германии к заключению так называемого «Воздушного пакта об обмене техническими данными о состоянии военно-воздушных сил между Великобританией, Германией и Францией». Английский посол рапортовал из Берлина о результатах своей беседы с фюрером: «Гитлер заявил, что он согласен на взаимный обмен такими данными с Англией. Но он был непреклонен в нежелании обмениваться информацией с французами, поскольку, как выразился фюрер, «если материалы будут доверены Франции, они немедленно

попадут в руки архиврага - Советского Союза».

По английской традиции, имена и фамилии руководителей МИ-6 (разведки) и МИ-5 (контрразведки) всегда хранились в глубочайшей тайне. Даже от членов правительства. Маклейну потребовались каких-нибудь два-три месяца, чтобы на Лубянке смогли узнать не только имена и фамилии этих сверхсекретных особ, но и их домашние адреса.

В начале лета 1936 года резидент НКВД в Лондоне очередной раз вышел в Центр с предложением: «Опять подчёркиваю вам, что «Вайзе» нужно выделить в изолированную линию. Чтобы важный поток документации передавался в Москву как можно скорее, необходимо руководить работой «Вайзе» по особому, автономному каналу». Центр согласился. «В ближайшее время, - говорилось в ответной шифровке, - специально для работы с «Вайзе» к вам будет направлен опытный «нелегал». Берегите «Вайзе» как зеницу ока, уделяйте ему максимальное внимание и осторожность».

...Встреча с «Лириком» в кинотеатре «Эмпайр» прошла без сучка и задоринки, о чём «Норма» незамедлительно доложила в Центр. Своё личное впечатление об агенте выразила одной фразой: «Именно таким я его и представляла».

Из материалов агентурного дела №83791 ей запомнились и такие детали, характеризовавшие «Лирика» как личность и как мужчину: «Высокий красивый парень, он производит большое впечатление на окружающих, в особенности на женщин. Он это знает, но не позволяет себе злоупотреблять этим. Хотя ему и нетрудно было бы найти себе подругу, он этого не делает. В беседе с оперработником он как-то признался, что мог бы жить по-настоящему только с женщиной-товарищем и что девушки из его сословия вызывают в нём отвращение. В вопросах личной жизни он - человек безупречный. На одной из встреч оперработник рассказал ему неприличный анекдот. Позже он признался, что был поражён, как это коммунист может так низко, издевательски говорить о женщинах».

Разговор в кинотеатре продолжался максимум пять минут. Однако на «Норму» её новый подопечный успел произвести достаточно сильное впечатление.

...За четыре года работы на НКВД у «Лирика» сменились четыре куратора. Это были мужчины, много старше его, выступавшие под личиной бизнесменов. Мало ли какие общие интересы могли быть у студента с деловыми людьми?! Но что общего может быть у молодого дипломата с пожилым фирмачом, с которым он встречается достаточно регулярно? Рано или поздно контрразведка, МИ-5 наверняка бы этим заинтересовалась. Поэтому на Лубянке решили кардинально изменить легенду поддержания контактов между оперработником и агентом. Новая легенда выглядела достаточно простой и надёжной: оперработник и агент встречаются на квартире «Нормы». У МИ-5 это не должно было вызвать никаких подозрений. В самом деле, неженатый молодой человек

наведывается, довольно часто и допоздна, к незамужней красивой женщине. Разве не понятно, зачем?!

«Норма» поселилась на первом этаже в доме на Бейсуотер, к северу от Гайд-парка, неподалёку от советского посольства. Резидент в целом одобрил её выбор, но по соображениям безопасности предложил перебраться хотя бы этажом повыше. Квартира на первом этаже практически просматривалась с улицы, и установить за ней наблюдение не составляло никакого труда.

Через несколько дней после восстановления контакта Маклейн появился на квартире «Нормы» с пухлой пачкой мидовских документов. «Норма» добросовестно пересняла каждый из них и вернула агенту. На Лубянке вздохнули с облегчением и нескрываемой радостью: после длительного перерыва источник важнейшей сверхсекретной информации вновь зафонтанировал.

Не меньшую радость и удовлетворение испытывал и Маклейн. Об этом он даже решился написать своему первому куратору. Его настоящего имени он не знал. Про себя же называл Биллом. Письмо в запечатанном виде он передал «Норме» с просьбой переправить в Москву с очередной кипой документов. В письме, в частности, говорилось:

«Дорогой товарищ. Прежде всего хочу сказать, что я рад снова установить контакт и продолжать работу. Вам, по-видимому, передадут, что я не имею причин считать своё положение не вполне надёжным, и я полагаю, что мы организовали работу как следует и всё будет в порядке. Как и прежде, я буду передавать вам всё, что смогу…

Пожалуйста, дайте мне знать, если вам потребуются сведения о чём-нибудь конкретном, и я сделаю всё, что смогу».

Боевой настрой агента произвёл на Лубянке благоприятное впечатление. Но, прочитав письмо до конца, там схватились за головы. Произошло ЧП! В Лондон полетела молния резиденту с указанием незамедлительно разобраться с «этим вопиющим случаем нарушения правил конспирации и безопасности и о результатах срочно доложить». Переполох вызвало всего лишь одно слово - «Лирик». Так подписал своё письмо Маклейн.

По установленному в резидентурах НКВД порядку, агент подписывал свои донесения псевдонимом, который зачастую сам себе и выбирал. Но в переписке между резидентурой и Центром каждому агенту присваивался другой оперативный псевдоним. По соображениям конспирации и личной безопасности самого агента он не должен был знать этого, второго, своего псевдонима ни при каких условиях. Каким же образом узнал его «Лирик»?

Этот вопрос резидент поставил перед «Нормой» и на следующий же день рапортовал в Центр о том, что разработанная на Лубянке новая легенда поддержания контакта с агентом стала через две недели после восстановления связи с ним явью, реальной романтической любовью между «Нормой» и «Лириком». «Мы безумно влюбились друг в друга, -

честно призналась «Норма». И добавила: - Ведь «Лириком» назвала его я. Он и в самом деле лирик. Я не смогла не сказать ему об этом. А когда он поинтересовался моим псевдонимом, я назвала и его».

Любовные, финансовые и прочие внеслужебные отношения между оперработником и находящимся у него на связи агентом категорически запрещены во всех разведывательных службах мира. «Норму» следовало срочно отозвать в Центр и поставить крест на её работе за кордоном. Но ведь она только что восстановила связь и наладила работу с ценнейшим агентом, информация которого зачастую ложилась на стол самому Хозяину. Как быть?

Вскоре резидент НКВД в Лондоне получил указание «не вмешиваться, а только строго предупредить «Норму» о том, чтобы она не раскрывала агенту новых оперативных псевдонимов, присвоенных ей - «Ада» и ему - «Стюарт». Указание Центра было принято к неукоснительному исполнению и резидентом, и «Нормой».

* * *

После двух лет службы в центральном аппарате Форин оффис молодые дипломаты - третьи секретари в обязательном порядке направлялись за границу для дальнейшего прохождения службы в посольствах. Маклейн получил назначение в Париж, куда благополучно прибыл в сентябре 1938 года. Там же вскоре объявилась и «Норма». Несмотря на её серьёзный промах в Лондоне, Центр всё же решил в интересах дела направить её в столицу Франции, «сознавая при этом практическую необходимость сохранить взаимоотношения «Ады» и «Стюарта» такими, какими они уже сложились». Но на Лубянке не могли предвидеть всех сложностей, которые подстерегали «Аду» и «Стюарта» на новом месте работы.

Для Маклейна всё началось с приятного сообщения о том, что он повышен до второго секретаря. Но от этого ему, как говорится, не стало ни жарко, ни холодно. Он сразу же почувствовал, что в Париже его разведывательные возможности выглядят ничтожными. По существу они ограничивались, как он выразился в одной из шифровок, «величественными апартаментами парижского особняка на улице Фобур Сент-Оноре, в котором размещались и резиденция посла, и канцелярия посольства». Через свою любимую «Аду» он посылал в Центр письма, в которых извинялся за то, что «делает слишком мало в то время как мир находится на грани войны». От себя «Ада» добавляла, что работа в Париже удручает Маклейна, что он переживает глубокий личный кризис, не может смириться с тем, что ему негде взять «кипу документов», в которых так нуждается Москва. Но это было не всё.

Маклейн считал зазорным для себя прийти к «Норме» на квартиру с пустыми руками. Его любовь, лишённая «производственной подпитки», стала рушиться. Он всё чаше и чаще стал коротать свободное время в расположенных неподалёку от его холостяцкой квартиры богемных кафе «Флор» и «О-де-Маго». Охватившее его чувство неудовлетворённости

самим собой пытался утопить в рюмке джина или виски.

В январе 1940 года «Норма» условным сигналом вызвала на срочную встречу «легального» резидента, работавшего под крышей советского посольства в Париже, и сообщила ему о том, что её отношения с Маклейном достигли критической отметки.

«Заметив ряд перемен в его поведении и комнатной обстановке, я поняла, что у него появилась другая женщина. Когда я напрямую спросила его об этом, он признался, что интимно сблизился и любит одну молодую американку. Эта американка, Мелинда Марлинг, либеральных взглядов, дочь состоятельных родителей, живущих в США, без особого интереса к политике».

Любовная измена Маклейна стала, конечно, неприятным известием и для Лубянки. Но другая новость, также касавшаяся Маклейна, вызвала настоящий шок. К ней отнеслись в Москве, как к гранате с выдернутым предохранителем. Оказалось, «Лирик» рассказал американке о том, что он - коммунист и, более того, что он - разведчик и работает на Москву.

Впоследствии он объяснил этот крайне рискованный поступок следующим образом: «Когда мы впервые узнали друг друга, она не имела оснований думать, что я являюсь чем-то большим, чем обыкновенный чиновник британской дипломатической службы. Через некоторое время она пришла к заключению, что мой образ жизни как дипломата делает наши отношения невозможными, и она ушла. Тогда-то я и рассказал ей о причине, почему я веду такую жизнь. Она вернулась, и с тех пор мы находимся вместе».

10 июня 1940 года Дональд Дюарт Маклейн и Мелинда Марлинг официально стали мужем и женой. А неделю спустя отбыли из Парижа в Лондон.

Всё это время Лубянка молчала, надеясь на лучшее. И не просчиталась. Возвратившийся на службу в центральный аппарат Форин оффис, Маклейн вновь заработал в полную силу. 29 декабря 1940 года лондонская резидентура переслала в Центр его личное письмо следующего содержания: «Эта работа имеет для меня такое же значение, как и для вас, если не большее, потому что она - моя жизнь. И я изо всех сил буду стараться не сделать ничего такого, чтобы подвергнуть её опасности. Я не могу сказать, что мне нравится эта работа, но я признаю, что это один из постов в нашей великой борьбе, к которому я больше всего подхожу, и я намерен стоять на нём до тех пор, пока меня от него не освободят».

В Лондоне курировать «Стюарта» по указанию Центра стал резидент, «мужчина невысокого роста, в очках, с сердитыми бровями и сдержанной манерой поведения». Таким описал его сам Маклейн.

Что же касается «Нормы», то она покинула Париж примерно в то же время, что и «Лирик». Благополучно добралась до Москвы. А через полгода, как говорится в документах Лубянки, «была направлена на разведывательную работу за границу».

В 1944 году Маклейн получил назначение на должность первого секретаря посольства Великобритании в США. В Вашингтоне его разведывательные возможности заметно расширились, в том числе и по атомной проблематике, к которой он уже успел приобщиться ещё в Лондоне.

* * *

Маклейн был едва ли не первым, кто привлёк внимание Сталина к предпринимавшимся на Западе попыткам создания сверхсекретного оружия невиданной дотоле мощности.

В сентябре 1941 года он передал документ под названием «Трубный сплав». Это был шестидесятистраничный доклад кабинета министров Великобритании о создании в течение двух лет атомной бомбы. На эти цели крупному английскому концерну «Империал кэмикал индастриз» выделялись огромные ассигнования.

За месяц до поступления в Москву этого документа Сталин лично инструктировал нового резидента НКВД в Вашингтоне В. Зарубина о том, что его «главная задача в будущем году заключается в нашем политическом воздействии на США через агентуру влияния». Ознакомившись же с «Трубным сплавом», Сталин в качестве приоритетной поставил перед тем же В. Зарубиным задачу получения всей документации по атомной бомбе.

В марте следующего, 1942 года Маклейн вновь информирует Кремль о том, что англичане интенсифицируют работу по созданию «бомбы невероятной разрушительной силы, основанной на действии атомной энергии». Сталин приглашает к себе на дачу в Кунцево академиков Вернадского и Иоффе. Результат - окончательно убедившись в реальности создания собственной атомной бомбы, Сталин лично позвонил по телефону наркому химической промышленности Первухину и обязал его оказывать всемерную поддержку учёным-атомщикам. Одновременно к регулярному освещению атомной проблематики подключились помимо Маклейна и другие агенты советской внешней разведки.

В одной из бесед с руководством внешней разведки, состоявшейся в 1951 году, В. Молотов, разоткровенничавшись, признался, что регулярно поступавшие от Маклейна и других агентов сведения об атомном потенциале США, сыграли немаловажную роль в победе... народной революции в Китае. Советское руководство, как подчеркнул Молотов, достоверно знало о намерении президента США Гарри Трумэна использовать атомное оружие против народно-освободительной армии Китая и тем самым сохранить у власти режим Чан Кайши. Однако произведённые на основании информации Маклейна и других источников расчёты свидетельствовали о том, что американский атомный потенциал крайне ограничен. Тогда-то Сталин и пошёл на сознательное обострение ситуации вокруг Берлина. Другими словами, преднамеренно создал известный «берлинский кризис» 1948 года. Трумэн и его английский коллега премьер Эттли заглотнули наживку и выступили с угрозой

применить атомное оружие, но не допустить перехода Западного Берлина под советский контроль. Зная, что и на Китай, и на Советский Союз атомных бомб у Трумэна не хватит, Сталин продолжал свою игру до тех пор, пока в Китае чаша весов не склонилась окончательно в пользу коммунистов. «Американское руководство, - подчеркнул тогда Молотов, - переоценило нашу угрозу в Германии и упустило возможность использовать свой ядерный арсенал для поддержки китайских националистов».

В июне 1947 года информация Маклейна, поступившая в Москву буквально накануне открытия Парижской конференции, в корне изменила позицию Кремля в отношении «плана Маршалла». Советский Союз вначале склонялся к тому, чтобы поддержать этот американский проект, имея в виду, что он поможет восстановлению разрушенной войной советской экономики. Однако полученные от Маклейна сведения, источником которых был министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин, развеяли иллюзии Кремля. Завуалированная цель «плана Маршалла» состояла в том, чтобы лишить Советский Союз репараций, которые Германия обязана была выплачивать ему согласно ялтинскому и потсдамскому соглашениям. Более того, в Вашингтоне предполагали установить жёсткий международный, а фактически -американский контроль над всеми проектами экономической помощи в рамках «плана Маршалла». Это означало, что в восточноевропейских странах набиравшие политический вес промосковские компартии были бы лишены экономических рычагов власти. В Кремле прекрасно понимали, к чему бы это привело. Да и сам Советский Союз, лишившись репараций, не смог бы быть на равных с США.

Внимательно ознакомившись с информацией Маклейна, Сталин незамедлительно дал указание Молотову, возглавлявшему советскую делегацию на парижском форуме, разоблачить истинные цели «плана Маршалла» и выступить против его реализации в восточноевропейских странах.

«Значимость Маклейна в принятии советским руководством внешнеполитических решений была неизмеримо выше, нежели материалы, поступавшие от Кима Филби. Последний представлял особую ценность лишь для операций органов госбезопасности».

Это - вывод уже упоминавшегося генерала П. Судоплатова, который не понаслышке знал о работе и одного, и другого выдающихся советских разведчиков.

В 1944 году Дональд Маклейн - первый секретарь посольства Великобритании в Вашингтоне. Кроме того, он замещал начальника канцелярии, что давало ему возможность фотографировать все без исключения секретные документы, которые поступали в посольство, в том числе лично послу. А вскоре он стал ещё и представителем Великобритании в так называемом «Комитете единой политики по атомному развитию», созданном совместно с американцами. После каждого заседания комитета в Москву направлялась документальная

информация по таким стратегически важным вопросам, как американо-английские совместные действия в сфере развития атомной энергии, разработки и накапливания ядерных арсеналов. Бывший коллега Маклейна по Вашингтону некто Роберт Сесиль свидетельствует: «Для него не существовало слишком трудных задач и внеурочных часов. Он завоевал себе репутацию человека, который всегда был готов сделать работу за заболевшего, разленившегося или просто нерадивого коллегу. Это обеспечивало ему возможность незаметно добираться до материалов, которые представляли для НКВД наибольший интерес». Но и это ещё не всё.

Маклейн установил тесный контакт с американцем Алджером Хиссом, чиновником Госдепартамента США, через которого получил доступ к информации об американских войсках, дислоцированных в различных районах мира.

В августе 1948 года Маклейн возвратился в Лондон, но ненадолго. В ранге советника он был назначен начальником канцелярии английского посольства в Каире. Для молодого дипломата это был беспрецедентно высокий пост. А в мае 1950 он вновь возвратился в Лондон и в начале 1951 года стал руководителем американского отдела Форин оффиса. Правда, тут-то и произошло непредвиденное.

В январе 1951 Киму Филби удалось узнать, что американская дешифровальная служба получила данные, грозившие провалом Маклейна. Выход был один - во избежание неминуемого ареста тайно перебраться в Советский Союз.

* * *

Родину социализма «Лирик» нашёл совсем не такой, какой она рисовалась ему в студенческие годы в Кембридже, а затем в период работы в Форин офисе в качестве тайного агента НКВД. Маклейн всегда был убеждён, что в стране победившего социализма, несмотря ни на какие трудности, создаются предпосылки для строительства коммунистического общества. И занимаются этим высоконравственные коммунисты, ставящие интересы народа выше своих собственных. В действительности же всё оказалось иначе. И это потрясло «Лирика».

«За все четырнадцать лет нашего знакомства, - пишет в своих мемуарах Джордж Блейк, - он не выпил ни капли спиртного, хотя было время, в том числе после приезда в СССР, когда он сильно пил». Сразу же по прибытии в Советский Союз «Лирика» «укрыли» на какое-то время в Куйбышеве. Там советские порядки и выбили его из душевного равновесия. И он надолго запил. Но не сломался.

«Вместо того, чтобы стать алкоголиком, - говорил он о себе, - я стал работоголиком».

Перебравшись в Москву, Маклейн поставил крест на своей карьере разведчика, хотя от КГБ и последовали довольно привлекательные предложения. Разведка всегда претила ему. А голубой мечтой с юношеских лет была научная деятельность. Маклейн поступил, конечно,

при поддержке Лубянки, в Институт мировой экономики и международных отношений старшим научным сотрудником. Со свойственной ему энергией овладел в совершенстве русским языком. И вскоре заявил о себе, как о ведущем эксперте по проблемам внешней политики Великобритании. Блестяще защитил докторскую диссертацию «Британская внешняя политика после Суэцкого кризиса», которая затем в виде книги была издана в самой Англии. Наконец, «Лирик» вступил в ряды КПСС и стал одним из наиболее активных членов партийной организации ИМЭМО.

Зачем он всё это делает? Такого вопроса у него никогда не возникало, потому что он не отказался от мысли стать полноправным членом советского общества и вносить личный посильный вклад в осуществление коммунистических идеалов.

Свои суждения и оценки Маклейн не скрывал. «Список вождей и их жалкие деяния, наводят на мысль об устойчивой регрессивной тенденции подменять цель поиска путей реализации потенциала общества, которым они правят, целью сохранения своей собственной власти. Они не видят, да и не могут видеть, что этот путь не ведёт к процветанию и безопасности советского общества, что их интересы и интересы страны не совпадают», - высказывался он об обитателях Кремля.

И ещё: «Резко возросли, в абсолютном и относительном измерениях, материальные и прочие привилегии представителей власти и их семей, что неизбежно ведёт к росту их нежелания перемен и смелых решений. Эта система привилегий, по возможности скрываемая от народа, одновременно отражает и ведёт к дальнейшему размыванию в среде правящего слоя моральных, этических и интеллектуальных норм, служащих краеугольным камнем взглядов классического коммунизма на человеческое общество. Несомненна связь между этой формой организованной полулегальной коррупции верхушки и её окружения со спонтанной нелегальной коррупцией в советском обществе вообще».

Так же откровенно он высказывался и о внешнеполитических шагах Кремля. Когда Маклейну предложили выступить в печати с обоснованием целесообразности развёртывания советских ракет СС-20, он заявил, что «не желает участвовать в антисоветской пропаганде, поскольку размещение этих ракет противоречит интересам Советского Союза». Оценивая внешнеполитический курс Кремля в целом, Маклейн утверждал: «Мне кажется, характерной особенностью сегодняшней внешней политики СССР, которая, вопреки попыткам и ожиданиям её «творцов», наносит огромный вред интересам страны, является лишённое диалектики однобокое понимание роли вооружённых сил государства в мировой политике, неумение установить в этой сфере верные пропорции и приоритеты для достижения подлинной безопасности и благоденствия советского общества».

Он открыто демонстрировал свою солидарность с диссидентами, с их призывами к обновлению, демократии и ограничению власти партийно-бюрократического аппарата. Регулярно перечислял значительную часть

гонораров и заработка в фонд помощи семьям диссидентов, находившихся в тюрьмах. Решительно протестовал против насильственного содержания инакомыслящих в психиатрических лечебницах.

* * *

Маклейн жил очень скромно, отказавшись от причитавшихся ему за многолетнюю безупречную службу в разведке привилегий и льгот. Поселился в небольшой квартире. Одевался и питался как рядовой гражданин. Не отказывал себе лишь в одном - в удовольствии затянуться «Дукатом», самыми дешёвыми и, пожалуй, самыми крепкими советскими сигаретами.

Его семейная жизнь в Советском Союзе не сложилась. В 1953 году, через два года после его побега с Запада, к нему в Москву приехала его жена Мелинда с тремя сыновьями. Усилиями Лубянки их тайно переправили из Швейцарии через Австрию в Прагу, а оттуда самолётом в Москву. Несмотря на многолетние старания, они так и не смогли адаптироваться к советской действительности. По свидетельству Джорджа Блейка, «Дональд страдал от чувства вины за то, что вырвал жену и детей из привычной для них жизни. Когда в конце 70-х годов его сыновья с их советскими жёнами выразили твёрдое желание эмигрировать в Англию или США, он счёл своим долгом сделать всё возможное и помочь им». Вместе с ними уехала и Мелинда.

Последние два года жизни больной раком «Лирик» провёл в Москве один. Его, правда, навещали младший брат Алан и старший сын Фергюс, который выполнил последнюю волю своего отца - перевёз урну с прахом умершего 6 марта 1983 года легендарного советского разведчика Дональда Дюарта Маклейна из Москвы на родину, в семейный склеп близ деревни Пенн.

Она не захотела стать Мата Хари

Генералу Долгих позвонили из Управления кадров МВД и распорядились направить на работу в один из лагерей ГУЛАГа полковника Рыбкину Зою Ивановну, уволенную из разведки «по сокращению штатов». Звонок озадачил генерала. Такого в истории своего обширного хозяйства он припомнить не смог. В годы ежовских и бериевских репрессий в ГУЛАГ сплавляли разведчиков, в основном руководителей центрального аппарата, а из-за кордона - резидентов, цвет советской разведки. Но они считались не уволенными, а осуждёнными, «врагами народа», «агентами иностранных разведок». Так что с ними было всё ясно. А тут - сплошной туман. В личном деле уволенной он не нашёл ни малейшего намёка на то, за что эту красивую, ладно сложенную женщину с умными, говорящими глазами и тщательно уложенными тёмно-русыми волосами, удостоенную за конкретные оперативные результаты многих орденов и ведомственных наград, возглавлявшую один из ведущих отделов разведки, вдруг предали анафеме и сплавили к нему, в ГУЛАГ, «для дальнейшего прохождения службы».

- На Колыму согласны поехать?

- Согласна, - по-военному чётко, но спокойно ответила она.

- А если в Магадан?

- Тоже согласна.

Генерал в недоумении развёл руками.

- Послушайте, я просмотрел ваше дело. Вы сейчас просто кокетничаете. Никуда вы не поедете. И зряшная эта затея.

- Я поеду в любое место, какое мне предложат, - твёрдо, но всё так же спокойно повторила она.

- ГУЛАГ первый раз посылает на работу в лагерь женщину. Вас там немедленно проиграют в карты, а я буду вынужден нести за вас ответственность. Потом, вы знаете какие-то иностранные языки, а там в употреблении только матерный.

- Обойдусь без него, - отрезала она.

- Неужели вы всерьёз поедете? - не унимался Долгих.

- Пошлём её в Воркуту. Это тоже за Полярным кругом, но ближе к Москве, - подсказал ему начальник отдела кадров ГУЛАГа.

- Оформляйте её откомандирование, - махнул рукой генерал и, переведя взгляд на свою новую подчинённую, добавил:

- Но имейте в виду, это бандитский лагерь. Для особо опасных преступников.

* * *

В кадры разведки её зачислили в августе 1929 года. И сразу же нацелили на работу в Китае. На оперативную подготовку отвели шесть месяцев, предупредив, что «по-настоящему все премудрости разведработы придётся осваивать в поле».

«Впервые я отправилась за границу в начале 1930 года, - вспоминала впоследствии Зоя Ивановна. - Тогда мне шёл 23-й год. Обстановка в Харбине - главном гнезде белогвардейцев на Дальнем Востоке - была напряжённой. Я работала в представительстве Нефтесиндиката СССР. Учила английский и китайский. Китайским языком так и не овладела. Научилась управлять автомашиной, фотографировать документы и объекты на улице, распознавать работников наружного наблюдения и уходить от них, составлять агентурные шифры. Кроме того, я изучила город, обычаи его жителей, местную прессу.

Через некоторое время мне передали на связь первого агента. Встреча с ним была назначена в антикварной лавке. Со словами пароля мы обращались не друг к другу, а к хозяину магазина.

В назначенный час я зашла в лавку. У прилавка стоял человек. Увидев меня, он попросил у хозяина кузнецовские чайные чашки. А я попросила показать мне пасхальные фарфоровые яйца. Это и был пароль. Когда

хозяин отвернулся к полке, агент, как было условлено, правой рукой сунул мне в левую руку туго свёрнутый пакетик. Сунув руку в карман с зажатым в кулак донесением, я вышла из магазина».

Вскоре круг агентуры, переданной на связь молодой разведчице, расширился. Появились собственные приобретения. Теперь дело не ограничивалось «моменталками», наподобие той, удачно проведённой в антикварной лавке. Нужно было проводить инструктажи с каждым агентом, обсуждать с ним пути решения текущих и долгосрочных заданий, вникать в его личную и семейную жизнь, а также в служебные дела. И Зоя справлялась с этим далеко не худшим образом.

Там же, в Харбине, довелось ей на личном опыте убедиться в том, что в разведке мелочей не бывает. Наглядный урок тому преподнёс ей сын Володя.

«В Харбин я поехала с мамой и сыном. Однажды, когда сыну было около пяти лет, мы пошли с ним в парикмахерскую. Я сидела в женском отделении, а его за занавеской стригли в мужском отделении. Слышу, какой-то голос спросил:

- Мальчик, ты чей?

- Мамин.

- А кто твоя мама?

И маленький Володя вдруг ответил:

- Моя мама больше не коммунистка, а папа - коммунист, поэтому он остался в Москве.

Я с закрутками на голове зашла за занавеску. Какой-то мужчина стоял рядом с парикмахером, который стриг моего сына. Увидев меня, он сказал с масляной улыбкой на лице: «У вас, мадам, прелестный мальчик». Затем поклонился в мою сторону: «Разрешите представиться - профессор Устряков». Это был известный в Харбине белоэмигрант, один из идеологов «сменовеховства».

За отца Володи, крестьянина-батрака Казутина, она вышла по молодости, девятнадцатилетней девушкой. Брак был недолгим. Семья не сложилась. Слишком разными они были. По взаимному согласию оформили развод перед самой командировкой в Харбин. Она долго мучилась над тем, как всё это объяснить сыну. Хотелось как-то проще, доходчивее. Вот и вышла промашка, к счастью, никаких последствий за собой не повлёкшая.

...«Я вернулась из Китая в Москву в феврале 1932 года. Некоторое время работала начальником отделения в иностранном отделе ОГПУ в Ленинграде. Курировала Эстонию, Литву и Латвию, но не долго, всего несколько месяцев».

В город на Неве она перевелась по собственному желанию. «Потому что там с квартирами было легче, чем в Москве. К тому же мне хотелось заняться по настоящему оперативной работой. Я боялась, что здесь меня

могут посадить на какую-нибудь канцелярскую работу».

Она, естественно, не знала, что у руководства разведки были на неё свои виды.

Осенью 1932 года Зою Ивановну направляют в Германию, не ставя перед ней никаких разведывательных задач. Ей предписывалось овладеть в совершенстве немецким языком и его австрийским диалектом. И одновременно вжиться в заграничную жизнь с её нравами, обычаями и особенностями быта. Вжиться настолько, чтобы чувствовать себя в ней «как рыба в воде».

По документам она была супругой «высокопоставленного эксперта», что открывало ей двери даже в высшие круги буржуазного общества и позволяло открыто совершать регулярные поездки в Вену. В Берлине она поселилась в престижном пансионате «Мадам Роза» на Унтер-ден-Линден, но затем переехала на частную квартиру профессора музыки фрау Альбины Шульц. Задание Центра выполнялось безупречно.

В конце 1933 года её вернули обратно, из Берлина в Москву, где она предстала перед высоким начальством. Отчиталась о проделанной работе. Затем выслушала новое, на этот раз сугубо разведывательное, задание.

- Легенда для вас подготовлена и утверждена. Поедете в Женеву. Познакомитесь с генералом «К», руководящим сотрудником генерального штаба. Он тесно сотрудничает с немцами. Станете его любовницей ради получения интересующей нас секретной информации о планах нацистской Германии в отношении Франции и Швейцарии. Ну и, конечно, хорошенько изучите его самого, его связи не только в армейских, но также в политических и деловых кругах, среди государственных чиновников. Вам понятна суть задания?

- Да, понятна. А обязательно становиться его любовницей? Без этого нельзя?

- Нет, нельзя. Без этого невозможно будет выполнить задание.

Так вот ради чего её посылали в Германию! Уже тогда ей была уготована участь советской Мата Хари. Сначала - любовница генерале «К», затем - какого-нибудь банкира «Т» или политического деятеля «Х»... И пошло-поехало! А если это претит? Если роль Мата Хари не для неё? Тогда как быть?

- Хорошо. Я поеду в Женеву, стану любовницей генерала «К», раз без этого нельзя. Я выполню задание, но потом... застрелюсь.

Высокие начальники явно не ожидали такого поворота. Но и не сомневались, что эта «красавица» способна пустить себе пулю в лоб. Они переглянулись, о чём-то пошушукались и молвили:

- Вы нам нужны ещё живой.

А несколько месяцев спустя её нелегально переправили в Ригу. Она стала гражданкой Латвии. Но вскоре, действуя по легенде, с латвийским

паспортом перебралась в знакомую ей Вену. Там ей предстояло обвенчаться с мужчиной, которого она никогда не видела и ничего о нём не знала. Речь шла о сугубо фиктивном браке, не предполагавшем супружеских отношений. Иначе бы она не согласилась.

Далее, как предусматривалось легендой, они вместе должны были направиться в Турцию. Но по пути, прямо в поезде, им надлежало разыграть семейную ссору, в результате которой муж со своими пожитками на ближайшей станции покидал поезд и свою молодую жену навсегда. А она, гражданка Латвии, благополучно доехала до Стамбула и там, пару-тройку месяцев спустя, открывала частный салон моды.

Однако запланированный муж в Вене так и не объявился. С ним стряслось что-то непредвиденное. В результате вся операция была отменена. А Зоя Ивановна поставила жирный крест на своей, едва начавшейся работе в нелегальной разведке.

* * *

В конце лета 1935 года 28-летняя Зоя Ивановна была назначена, уже по линии легальной разведки, заместителем резидента в Хельсинки под прикрытием представителя «Интуриста».

В те годы Финляндии придавалось если не ключевое, то очень важное значение в стратегических планах как нацистской Германии, так и Советского Союза. Между Берлином и Хельсинки всё более чётко обозначались контуры союзнических отношений, в том числе по линии спецслужб. Это вызывало вполне оправданную озабоченность в Кремле. Сталин был готов подписать с финнами «Пакт о ненападении, экономическом и военном сотрудничестве в случае агрессии третьей стороны». Под третьей стороной недвусмысленно подразумевалась Германия. Но он не знал, на какие политические силы в Финляндии можно было опереться для реализации этого замысла. Проработка этой проблемы стала одним из главных направлений деятельности советской разведки в Хельсинки.

По приезде Зои Ивановны тогдашний резидент был отозван в Москву. Новый же, консул Ярцев, прибыл лишь в 1936 году. «Я к этому времени уже шесть-семь месяцев была в Финляндии, успела познакомиться со страной и нашей резидентурой». Если говорить более точно, то за это время Зоя Ивановна обросла полезными связями среди интеллектуальной элиты финского общества. Обзавелась надёжными источниками информации, интересовавшей Кремль. Неплохо справлялась она и с неожиданно свалившимися на неё обязанностями резидента.

Новый шеф, консул Ярцев, приехал один, без семьи. «Очень официальный, подтянутый, требовательный. Поначалу у нас не сложилось взаимопонимание. Мы спорили по каждому поводу. Я решила, что не сработаемся, и попросила Центр отозвать меня, в ответ мне было приказано помочь новому резиденту войти в курс дел, а потом вернуться к этому вопросу. Но... возвращаться не потребовалось. Через полгода мы запросили Центр разрешить нам пожениться. Я была заместителем

резидента, и мы опасались, что Центр не допустит такой «семейственности». Москва дала «добро».

Так Зоя Ивановна стала Рыбкиной. Потому что настоящая фамилия мужа была «Рыбкин». Но по соображениям конспирации Борис Аркадьевич прибыл в Финляндию как Ярцев. Разумеется, и Зоя Ивановна представлялась всем в Хельсинки Ярцевой.

* * *

...«Мадам Терва Пяа» - «мадам здравомыслящая голова». Так называли финны Хэллу Вуолийоки, магистра философии, драматурга с мировым именем, энергичного предпринимателя и политического деятеля. Её знали и уважали не только в Финляндии. Свободно владея шестью европейскими языками, она вела активную переписку с авторитетнейшими политическими и государственными деятелями, учёными, представителями искусства и культуры многих стран Европы. Зоя Ивановна приобрела в её лице неоценимый источник информации, помогавшей Кремлю детально разобраться в хитросплетениях политического расклада сил в Финляндии и наметить своих потенциальных союзников.

С подачи «здравомыслящей головы» резидентура по личному указанию Сталина негласно передала в апреле 1938 года 100 тысяч долларов Партии мелких хозяев, которая выступала за нейтральную Финляндию. Одновременно, по личной директиве Сталина, причём втайне от советского посла в Хельсинки, резидентурой был проведён неофициальный зондаж о возможности подписания «Пакта о ненападении» и разграничении сфер военного и экономического влияния в Балтийском регионе между Финляндией и Советским Союзом. Финское правительство отвергло это предложение. Тем не менее зондаж Кремля инициировал принципиальный раскол в политической элите Финляндии, в результате которого позднее, в 1944 году, Советскому Союзу удалось подписать с Хельсинки мирный договор.

Через «мадам здравомыслящую голову» Лубянке удалось найти подходы к одному из виднейших учёных Европы Нильсу Бору и устроить с ним в ноябре 1945 года в Копенгагене встречу сотрудников советской научно-технической разведки Василевского и Терлецкого, с которыми Бор как антифашист поделился важнейшими атомными секретами.

...Круг служебных обязанностей З.И. Рыбкиной не ограничивался приобретением источников важной разведывательной информации. Так, в том же, 1938 году она получила задание выехать в Осло и передать действовавшей там агентурной группе «Антона» новые паспорта, шифры и деньги. В Норвегии в те годы Лубянка ещё не имела своей резидентуры. Центр предупреждал Рыбкину о том, что там активно действует гестапо через свою «пятую колонну». Поэтому в случае реальной опасности ей предписывалось во что бы то ни стало уничтожить паспорта и шифры. Предупреждение оказалось не лишним.

- Поезд прибыл в Осло рано утром. Я направилась в гостиницу. У

дежурного администратора заполнила бланк, уплатила за номер. Было семь часов утра. Для того, чтобы вызвать «Антона» на встречу, я должна была посетить зубного врача... Врач принимал с десяти утра. Я решила передохнуть, заперла комнату, надела халат и прилегла. В девятом часу раздался стук в дверь. Слышу за дверью топот ног, видимо, несколько человек.

- Кто там? - спросила я по-немецки.

- Директор гостиницы, мадам, откройте пожалуйста.

- Я отдыхаю, прошу зайти часов в десять. Шаги отдаляются. Приход нежданных гостей меня насторожил... Села в кресло и стала соображать, что же делать... Засовываю паспорта за «грацию», в левой руке сжимаю шифр, готовясь в случае чего сжевать его и проглотить. Нарушу данную мне инструкцию? Да, нарушу. Но в шести паспортах и пачке тоненьких листков шифра - спасение для группы «Антона»...

Ровно в десять стук. Я мгновенно распахиваю дверь и перешагиваю через порог, чтобы вести диалог не в номере, а в коридоре.

- Мадам, разрешите войти.

Передо мной трое мужчин. Один из них отвернул лацкан пиджака и я увидела на нём какой-то металлический знак. «Из полиции», - поняла я. Он сделал движение, как бы подталкивая меня обратно в номер, но я стала нарочито громко, почти истерически кричать.

- Ни в одном цивилизованном государстве, ни в одной гостинице я не встречала такого приёма. Вам известно, я - директор «Интуриста» в Финляндии...

Двери гостиничных номеров, вижу, открываются, вокруг нас собираются люди. Рассерженная, оскорблённая, я громогласно заявила, что ни одной минуты не останусь в этой гостинице и с первым же поездом уезжаю обратно.

- Подайте мне чемодан, - потребовала я.

Директор отеля пытался уладить конфликт, попросил остаться и зайти к нему, он объяснит, что никаких злых умыслов здесь нет.

Я взяла свой маленький чемоданчик... и спустилась вниз... Села в первое попавшееся такси и нарочито громко, чтобы слышал швейцар отеля, приказала:

- На вокзал!

В действительности же она вышла из такси на углу следующей улицы, возле большого магазина. В нём были два выхода на разные улицы. Выйдя через второй, она вновь взяла такси. Затем ещё несколько раз таким же образом проверилась и, убедившись в отсутствии «хвоста», вызвала через зубного врача «Антона», которому вручила в полной сохранности посылку из Центра.

...«В конце 1939 года, когда началась печально известная так

называемая «зимняя война», я была направлена в Стокгольм с задачей восстановить связь с агентурой в Финляндии... Прилетела самолётом, явилась в полпредство к Коллонтай, но Александра Михайловна встретила меня холодновато.

- О вашем приезде я не была осведомлена. С какой миссией вы прибыли?

- Война с Финляндией, - пожала я плечами.

- Вот этого я и опасалась. Вы понимаете, что происходит... Шведы создают отряды добровольцев, которые направляются в финскую армию... Французы в помощь финнам формируют корпус. За нашим полпредством и всеми работниками ведётся наблюдение. Любое неосторожное действие может привести к тяжелейшим последствиям.

- Я всё понимаю, Александра Михайловна, и сделаю всё от меня зависящее, чтобы не осложнять обстановку.

Слова Ярцевой, однако, не произвели должного впечатления на многоопытную 67-летнюю Коллонтай. Скорее, наоборот. Приехавшая 32-летняя красавица виделась ей излишне застенчивой и, значит, нерешительной, а её тихий, спокойный голос и мягкие манеры интеллигентки никак не вязались с устоявшимся представлением «товарища посла» о бесстрашных советских разведчиках.

В тот же день Коллонтай послала срочную шифровку самому наркому иностранных дел СССР Молотову с предложением незамедлительно отозвать тов. Ярцеву, «поскольку деятельность советской разведки в Швеции в данной обстановке может привести к осложениям». Ответ не заставил себя долго ждать: «Прибывшая к вам тов. Ярцева З.И. выполняет задание своего руководства».

- Задание я выполнила, срывов не произошло. Поэтому можно понять, какой камень свалился с моей души.

Новый 1940 год Зоя Ивановна Рыбкина встречала в семейном кругу в Москве. Центр положительно оценил её работу в Финляндии. Да и финская контрразведка со спокойным сердцем сдала в архив дело «Ярцевой Александры Николаевны» (почему-то именно так она у них проходила) с пометкой: «Никаких оперативных сведений против неё не было получено».

...«Затея». Так называлось литерное дело, в котором концентрировались наиболее важные оперативные данные о немецкой военной угрозе Советскому Союзу. Материалы литерного дела регулярно докладывались Сталину и учитывались им как для развития контактов с Гитлером, так и для противодействия замыслам Берлина, наносящим ущерб интересам Москвы. Так, в апреле 1941 года Хозяину, как называли Сталина на Лубянке, была доложена информация о штабных учениях вермахта по оперативно-стратегическому и материально-техническому снабжению на случай затяжной войны. Реакция последовала незамедлительно: немецкому военному атташе в Москве была

организована поездка в Сибирь на новые военные заводы по производству танков и самолётов. Цель - дать понять немцам, что война с Советским Союзом обернётся трагедией для Германии, особенно если война окажется затяжной. Аналогичная информация была доведена в Берлине до руководства министерств авиации и экономики через оперативные возможности резидентуры.

«Затея» родилась благодаря инициативе Рыбкиной, которой по возвращении из Хельсинки на Лубянку было поручено отслеживать развитие всех основных тенденций политики Берлина, выискивать её слабые места.

...Граф Нелидов, бывший офицер царской, а затем белой армии, один из опытнейших агентов абвера. По заданию адмирала Канариса принимал участие в стратегических играх германского генштаба в 1936-1937 годах. А в 1939-м, накануне нападения гитлеровцев на Чехословакию, выезжал туда со специальным разведывательным заданием. Затем с аналогичной миссией был направлен в Польшу. Однако накануне вторжения немцев был арестован польской контрразведкой и помещён во львовскую тюрьму. Когда же Львов, как и вся Западная Украина, стал советским, Нелидова доставили в Москву.

На Лубянке не сомневались в том, что бывший граф располагает бесценной информацией о военно-стратегических замыслах гитлеровского руководства, найти к нему должный подход, «разговорить» графа поручили Рыбкиной.

- Ко мне в кабинет конвоир привёл Нелидова из внутренней тюрьмы. Это был человек лет пятидесяти, невзрачный на вид, с проседью в аккуратно подстриженных волосах. Вёл он себя как-то по-лакейски. «Да-с», «никак нет-с», «как прикажете, гражданин начальник».

...Я устроила его в смежной комнате, и мы договорились, что он подробно, во всех деталях, опишет военные игры, в которых участвовал, тщательно изложит военные действия, предполагаемые Германией против СССР. Нелидов попросил дать ему возможность представить свой материал в виде начерченных карт-схем. «Для наглядности и точности», - отрапортовал он.

Работал он, как и я, с утра до шести вечера, потом перерыв часа на три и вслед за тем вновь на служебном месте до двух-трёх часов ночи, вернее, уже утра. Обед ему приносили из нашей столовой, и когда он увидел нож и вилку, то отодвинул их и робко произнёс: «Но это мне не положено».

Сперва в нём чувствовалась скованность и даже растерянность. При моём появлении он вскакивал с места, держал руки по швам. Но постепенно я отучила его от привычки прибавлять к каждому слову букву «с», разрешила называть меня Зоей Ивановной, а не «гражданином начальником», и сама обращалась к нему по имени-отчеству - Александр Сергеевич.

...Отчётливо помню на его первой карте-схеме синие стрелы,

направленные на границу Белоруссии.

- В одной из последних военных игр Минск предполагалось занять на пятый день после начала немецкого наступления, - пояснил Нелидов.

- Как это на пятые сутки? - рассмеялась я.

Он смутился и принялся клясться всеми богами, что именно так было рассчитано самим Кейтелем во время последней игры.

...Когда я показала Филатову эту карту, начерченную Нелидовым, генерал чертыхнулся: «Ну и заливает же этот подонок. На пятый день уже и Минск».

...В первых числах июня 1941 года я передала заместителю начальника Генерального штаба, начальнику Главного разведывательного управления Филиппу Ивановичу Голикову карты-схемы, начерченные Нелидовым.

- Итак, они решили врезаться клиньями... Это весьма и весьма интересно. И, подумайте, на пятый день намерены забрать Минск. Ай да Кейтель, силён, - сыронизировал Филипп Иванович».

Отношение к Нелидову и его картам-схемам заметно изменилось, когда немцы заняли Минск на шестой день войны. Для подробных бесед с ним на Лубянку зачастили тот же Голиков и начальник оперативного управления Генштаба генерал-майор Василевский.

Они были поражены осведомлённостью Нелидова, его знанием искусства управления войсками, отличной памятью на размещение армейских группировок, номера разного рода дивизий, калибры и число орудий. Бесценными были его характеристики настроений и взаимоотношений в среде высшего командования Германии. Что же касается Зои Ивановны, то она уподобилась тому мавру, который сделал своё дело.

* * *

В один из октябрьских дней 1941 года Рыбкину вызвали к наркому. «Он поинтересовался, чем я занимаюсь. Я ответила, что готовлюсь идти работать в тыл.

- В качестве кого?

- Железнодорожной сторожихой на переезде.

Нарком рассмеялся: - Немцы такую сторожиху арестуют и расстреляют. - И уже серьёзно добавил, - ехать вам надо в Швецию».

В Стокгольм она отправилась вместе с мужем. Он - резидентом. Она - его заместителем. «Кин» (оперативный псевдоним Б.Л. Рыбкина) и я прибыли в здешнюю резидентуру практически на пустое место и начали обзаводиться нужными связями и агентурой». По свидетельству Павла Судоплатова, «супруги пользовались большой популярностью среди дипломатов в шведской столице. Русскую красавицу знали там как Зою Ярцеву, блиставшую не только красотой, но и прекрасным знанием

немецкого и финского языков, великосветскими манерами, умением быть интересным собеседником. Рыбкин же обладал тонким чувством юмора и был великолепным рассказчиком».

Вскоре в Центр потекла информация. О зондажных попытках немцев по заключению мирного соглашения с Соединёнными Штатами и Великобританией без участия Советского Союза; о расширении производства «тяжёлой воды» на заводах компании «Норск гидро» и её тайной транспортировке в Германию для изготовления «сверхсекретного оружия, способного уничтожать всё живое». Так Москва впервые узнала о том, что немцы форсируют работу по созданию атомного оружия. Через новых знакомых Рыбкиным удалось заключить секретную сделку о поставках в Советский Союз высококачественной шведской стали в обмен на русскую платину. Действия банка, обеспечившего эту сделку, шли вразрез с официально провозглашённым Швецией нейтралитетом, но платина сделала своё дело.

- Вдруг мы получаем сверхоперативное задание Центра: немедленно подыскать подходящего человека, которому можно доверить передачу для «Красной капеллы» нового шифра и кварцев для радиостанции. Мы понимали всю важность и ответственность задания. Тем более, что срок нам был дан архикороткий - две недели».

Выбор пал на шведского промышленника - «Директора», как окрестила его Зоя Ивановна. Она вышла на него через его жену, русскую по происхождению, но родившуюся в Швеции. «Директор» произвёл на Рыбкиных самое благоприятное впечатление: спокойный, рассудительный, до щепетильности порядочный и, главное, человек слова. Немаловажным было и то, что он в любое время мог выехать в Германию по своим коммерческим делам. Но «бизнесом», о котором говорили с ним Рыбкины, ему ещё не приходилось заниматься. Тем не менее он согласился выполнить просьбу своих новых друзей.

- Я купила два одинаковых галстука, распорола один и вырезала из его внутренности часть фланели, которая прилегает к шее. Эту часть я заменила сложенным раз в восемь шифром с текстом, напечатанным на машинке, и зашила галстук, а в коробочку для запонок вложила кварцы.

По приезде в Берлин «Директор» должен был посетить кладбище и под скамейкой у одной могилы закопать крохотную коробочку с кварцами. А на следующий день встретиться со «Старшиной», руководителем «Красной капеллы», и передать ему галстук с «начинкой». Себе же повязать второй, точно такой же, галстук. И вот он улетел на три дня в Берлин.

Мы с напряжением ждали его возвращения. Но вернулся он расстроенный. «Директор» уверял нас, что, как только он сел в самолёт, все стали обращать внимание на его галстук. Когда шёл по Берлину или ехал в метро, тоже отмечал подозрительные взгляды. Галстук с «начинкой» не давал ему покоя. Он даже не решился ехать на кладбище и всё привёз обратно».

- Плохо работаете, - отреагировал Центр, но всё-таки разрешил ещё раз направить «Директора» в Берлин. Со второй попытки «Директор» выполнил задание и вернулся сияющим. Однако через три-четыре недели из Центра пришла шифровка: «Ваш «Директор» - провокатор. Все члены «Красной капеллы» арестованы и казнены».

«Мы просидели с «Кином» всю ночь, не сомкнув глаз. Обдумывали происшедшее. И оба пришли к заключению, что в этом провале «Директор» не повинен... Мы настойчиво пытались доказать Центру свою правоту. В ответ - грубый окрик. Тогда мы решили обратиться к наркому... Через пару дней «Кину» было приказано отбыть в Москву. Я всё поняла - нас решили наказать за непослушание».

Это после окончания войны выяснится, что «Красную капеллу» провалил не «Директор», а другой европейский агент из военной разведки. Тогда же, в 1942-м, «Кин» был уволен из разведки и направлен на фронт. Зою Ивановну заменили позже. «После отзыва «Кина» я провела девять месяцев тяжёлого одиночества». Но на работе это не сказалось.

* * *

...Карл Герхардт, актёр и сатирик, признанный любимец всех шведов, начиная с короля и кончая трубочистом. Власть имущие считали за честь водить знакомство с ним. Сам Маркус Валленберг, финансовый магнат, открыто покровительствовал «великому Карлу». И никому не приходило в голову, что их любимец - тайный агент Лубянки, очередное задание для которого состояло в том, чтобы познакомить г-жу Ярцеву со своим другом и покровителем.

Это произошло на одном из светских раутов. «Зоя, - утверждает Павел Судоплатов, - очаровала Маркуса Валленберга». Вскоре они встретились в живописнейшем пригороде Стокгольма в роскошном отеле «Сальчшебаден», принадлежавшем семейству Балленбергов. В разговоре тет-а-тет Зоя Ивановна попросила собеседника содействовать в установлении негласных контактов с представителями финского правительства. Ей было известно, что Валленберги вложили огромный капитал в финскую промышленность и, наверняка, понимают, что сохранить его можно лишь при условии выхода Финляндии из союза с Германией и подписания сепаратного мирного договора с Москвой, исход войны - разгром Германии - не вызывал у них сомнения. Зое Ивановне не пришлось долго уговаривать Маркуса Валленберга.

Всего неделя потребовалась ему, чтобы организовать негласную встречу «очаровательной Зои» с представителем финского правительства Юхо Кусти Паасикиви, ставшим впоследствии президентом Финляндии. Встреча имела продолжение - в марте 1944 года в том же «Сальчшебадене» начались секретные переговоры, на которых советскую сторону представляла Коллонтай, а финскую - всё тот же Паасикиви.

«Спасибо вам за помощь», - искренне поблагодарила Коллонтай Зою Ивановну, которая в это время сдавала дела своей замене - новому резиденту и готовилась к отъезду в Москву.

Коллонтай довела переговоры до логического конца - 20 сентября 1944 года Финляндия разорвала союз с гитлеровской Германией и подписала перемирие с Советским Союзом.

...Сдача дел прошла быстро и без проблем. Но при передаче на связь агентов не обошлось без казуса. Один из них по кличке «Карл» не пожелал сотрудничать с новым резидентом. Тот воспринял это, как элементарный каприз, как пустяк, которому не следует придавать особого значения. Пройдёт, мол, неделя-другая и всё встанет на своё место. Но и после отъезда Рыбкиной «Карл» стоял на своём. А Центр настаивал на том, чтобы сохранить «Карла» в агентурной сети. Кончилась же эта тягомотина тем, что резидент направил на Лубянку шифровку: «Карл» был просто влюблён в «Ирину» (оперативный псевдоним З.И. Рыбкиной). Этим и объясняется его отказ работать со мной». Затем подумал и добавил: «Влюблён платонически».

* * *

Не успела Зоя Ивановна навести порядок в своей московской квартире, как объявился Борис Аркадьевич. Его вернули в разведку, назначив начальником отдела Четвёртого управления НКВД. А Зоя Ивановна удостоилась должности заместителя начальника отдела Первого управления.

В сентябре 1947 года чета Рыбкиных покинула Москву. «Впервые за двенадцать лет совместной жизни нас отправили в отпуск в Карловы Вары. Это было наше, хотя и запоздалое, свадебное путешествие. В те карловарские дни мы пережили взлёт нашей влюблённости».

Но нежданно-негаданно пришла из Центра телеграмма, в которой Зое Ивановне предписывалось прервать отпуск и вернуться на работу, а Борису Аркадьевичу - отбыть в Баден, близ Вены, и дождаться там дипкурьеров, которые привезут «особо важное задание».

Через два с половиной месяца от него пришла весточка: «Новый год встретим вместе». Но этого не случилось. 27 ноября 1947 года Рыбкин «погиб при исполнении служебных обязанностей». Так говорилось в приказе. Но Зое Ивановне объявили, что он «погиб под Прагой в автомобильной катастрофе». Однако обстоятельства трагедии от неё тщательно скрывались. Недвусмысленное объяснение этому она обнаружила, когда подошла к гробу, чтобы последний раз взглянуть на своего «Кина».

- Я хотела поправить розу, надвинувшуюся на его щёку, сдвинула её и за правым ухом увидела зияющую чёрную рану...» Сомнений не было, что это пулевое отверстие.

Сразу после похорон она подала рапорт шефу НКВД Абакумову с просьбой перевести её в Четвёртое управление на место «Кина», учитывая, что на служебной лестнице они занимали одинаковое положение. Она хотела по горячим следам выяснить истинные причины и обстоятельства трагедии. Ей было отказано.

В её неотправленном письме уже покойному мужу, датированном 26 декабря 1947 года, есть такие строки: «Держусь руками, ногтями и зубами, чтобы не сорваться вниз. Ах, как это невыносимо трудно, как тянет вниз!

Но разве ты простил бы мне, если бы я сорвалась? Разве ты мог простить бы меня, чтобы я оставила круглой сиротой Алешеньку, которого ты так любил? Разве я имею право оставить Володю, который ещё не стал на ноги... Нет, Боренька, я не обману твоих надежд, я буду держаться».

* * *

В 1951 году Сталин поделился со своим ближайшим окружением идеей создания нейтральной демократической и объединённой Германии как буфера между Советским Союзом и США в Европе. По мнению «вождя народов», это отвечало бы интересам Москвы, укрепило бы её международные позиции.

Об этой идее вспомнили вскоре после смерти вождя. Была создана комиссия в составе Маленкова, Молотова и Берии, которая разработала новую политическую линию по германскому вопросу. Она была одобрена на Президиуме ЦК КПСС 12 июня 1953 года.

Вскоре после этого Лаврентий Берия вызвал в Москву представителей Политбюро СЕПГ и вручил им документ под названием «О мерах по оздоровлению положения в Германской Демократической Республике». В нём содержались предложения, осуществление которых означало бы отход от административно-командной системы и давало бы возможность налаживания взаимопонимания с ФРГ. За этим первым шагом по реализации идеи Сталина последовал второй, гораздо более важный.

Начальник немецкого отдела разведки полковник Рыбкина получила задание выехать в Западную Германию и организовать там зондажные мероприятия, которые бы, как это удавалось ей в Хельсинки и Стокгольме, повлекли за собой секретные переговоры между Москвой и Бонном. С этой целью ей предстояло реанимировать оперативные контакты военных лет, в частности в руководстве таких влиятельных фирм, как «АЭГ» и «Тиссен», привлечь «остатки» агентуры «Красной капеллы». Большие надежды возлагались на старого, проверенного агента НКВД Ольгу Чехову, сохранившую ещё с гитлеровских времён прочные связи в среде влиятельных политиков ФРГ, включая окружение канцлера Конрада Аденауэра.

«Зоя Рыбкина встретилась в Берлине с Ольгой Чеховой и по спецсвязи сообщила мне, что контакт возобновлён, - свидетельствует Судоплатов. - Доложить Берии о выполнении задания я не успел: 26 июня он был арестован в Кремле. Я, ничего не объясняя, приказал Рыбкиной немедленно возвращаться в Москву военным самолётом».

29 июня Президиум ЦК КПСС отменил своё решение от 12 июня по германскому вопросу.

На Лубянке начались аресты сподвижников Берии, к которым

причислили и начальника Четвёртого управления генерал-лейтенанта Судоплатова.

«Вскоре у нас в управлении состоялось отчётно-выборное партийное собрание. В состав нового парткома была выдвинута и моя кандидатура. Я выступила с самоотводом, объяснила, что в связи с арестом Судоплатова, с которым была в добрых отношениях в течение двадцати лет, считаю, что до выяснения его дела не могу быть членом парткома. Мою кандидатуру сняли... А на следующий день меня вызвал член коллегии НКВД Панюшкин и объявил, что я увольняюсь «по сокращению штатов». «Но моя должность не сокращается», - возразила я. - «Вам объяснят это в управлении кадров». Я просила сказать, какие ко мне претензии. Он молчал. Я поднялась и ушла».

* * *

В Воркуту Рыбкина прибыла в предпоследний день января 1954 года. Начальник лагеря подполковник Прокофьев встретил её словами: «А вы нам не нужны. У нас уже есть свой начальник спецотдела - старший лейтенант Юферев». Правда, на следующий день всё встало на свои места - пришёл приказ генерала Долгих.

Появление Зои Ивановны в Воркуте произвело эффект разорвавшейся бомбы. Ещё бы! Во всей Коми АССР объявился единственный полковник, да и тот - женщина, причём красивая. Поползли слухи о том, что её сослали за обычные бабские дела. Придумывались разные истории её грехопадения, высказывались всяческие предположения и версии. В свою очередь, и Воркута поразила Рыбкину. «Я познакомилась с тысячами изломанных, исковерканных судеб. Видела и пыталась помочь тем, кто был наказан несправедливо».

...Оля родилась и выросла в Орле. Была комсомолкой. В военкомате ей предложили «стать разведчицей» и остаться в оккупированном гитлеровцами городе. Она согласилась. Сумела завоевать у фашистов доверие. Как было условлено, регулярно приходила к тайнику и находила там... свои донесения и никаких указаний, никаких новых заданий. После освобождения Орла «девку Ольгу» обвинили в предательском поведении. Военный трибунал приговорил её как «военного преступника» к 25 годам. Десять из них она уже провела в Воркуте.

«Из её рассказа по специфическим деталям, знакомым мне как разведчику, я поняла, что она говорит правду. Её исповедь я отправила фельдсвязью в Верховный суд. Через несколько месяцев она была полностью реабилитирована и освобождена».

...Однажды зимой, в сорокаградусный мороз, заключённые шахтёры принесли ей домой два белоснежных кустика флоксов. Цветы были аккуратно уложены в старый каркас абажура и бережно закутаны в лагерные куртки.

«Таких душистых цветов белее воркутинского снега я никогда не встречала. Для меня эти два цветка были настоящей наградой», - вспоминала впоследствии Зоя Ивановна.

* * *

В 1956 году она ушла в запас в звании полковника. И тотчас начала новую жизнь - писательскую. Причём под другой, девичьей, фамилией - Воскресенская.

«Берясь за свою первую книгу, я по привычке в правом верхнем углу страницы напечатала «Сов. секретно» и смутилась - пишу ведь не докладную, не рапорт!» Первая книга, повесть, была написана в том же 1956 году. Вот как об этом вспоминает Б.И. Камир, бывший тогда заместителем главного редактора издательства «Детская литература»:

«Весной или уже летом 1956 года на мой рабочий стол легла рукопись нового автора. Так уж случилось, что рукописи новых неизвестных авторов обязательно проходили через меня. Повесть, названия которой я, конечно, не помню, была весьма заурядная, посредственная.

Недели через три в моём кабинете неожиданно для меня появляется стройная красивая женщина.

- Вы Борис Исаакович? - Да.

- Вы прочитали мою повесть?

- Да, прочитал.

- И что вы скажете?

- Видите ли, - начал я, - в повести есть отдельные весьма любопытные места...

- Ясно, - перебивает меня неожиданная посетительница, - значит, печатать не будете.

- Но подождите, скажите хотя бы, кто вы?

- Меня зовут Зоя Ивановна. - Но кто вы?

- Это не важно.

А через несколько недель, опять-таки совсем неожиданно, я вдруг получаю из Львовской области письмо от Зои Ивановны, в котором она просто рассказала, как она вместе с сыном там проводит время и что делает. Оно поразило своим художественным изложением. В этом маленьком послании я сразу почувствовал дар божий, тут же ответил и порекомендовал написать не повесть, а маленький по объёму рассказ. Через какое-то время она снова появилась у нас и принесла своё новое произведение. Этот её рассказ, искрящийся непосредственным весельем детства, и был напечатан в нашем издательстве под названием «Зойка и её дядюшка Санька».

А вскоре вышли в свет рассказы «Ленивое сердце», «Первый дождь», «Городская булочка». За рассказами последовали повести «Девочка в бурном море», «Консул», «Верность матери»...

К Воскресенской приходит признание. Её принимают в Союз

писателей. Присуждают Государственную премию и премию Ленинского комсомола. По её произведениям ставятся фильмы «Сердце матери», «Надежда», великолепная кинолента по рассказу «Сквозь ледяную мглу». Издаётся трёхтомник её избранных произведений. В день своего восьмидесятилетия популярнейшая детская писательница награждается орденом Октябрьской Революции.

...«Литературной работой, писать книги для детей, я занялась, когда мне уже было близко к пятидесяти. Но я ни одной строчки не написала о внешней разведке, которой отдала четверть века жизни. Я была связана подпиской, по существу воинской клятвой, никогда, даже уволившись или уйдя в отставку, не писать о разведке, не предавать гласности методы работы органов ВЧК-КГБ».

Её впервые «засветили» 16 июня 1994 года в фильме «Гитлер-Сталин. Тайная война», показанному по Центральному телевидению. В нём Зоя Ивановна предстала перед зрителями не писательницей Воскресенской, а полковником внешней разведки Рыбкиной, аналитиком, точно определившим день нападения гитлеровцев на Советский Союз. Сама Зоя Ивановна этого фильма не видела. Она ушла из жизни в зимний полдень 8 января 1992 года.

Когда разведка не профессия, а образ жизни

В народе говорят, лиха беда начало. Но для «нелегала» «Бена» эта популярная поговорка никак не подходила: с первых же дней пребывания в Стране кленового листа у него всё заладилось самым наилучшим образом, без сучка и задоринки.

«Я приехал в Торонто, - вспоминал он впоследствии, - в первых числах января 1955 года в строгом соответствии с планом моего вывода на нелегальное положение в Канаду. Там мне предстояло получить настоящий канадский заграничный паспорт. Одновременно я должен был провести ряд мероприятий для облегчения моей легализации и оседания в Англии, в стране моего назначения».

Через неделю с небольшим заветный паспорт был у него в руках. И он, Гордон Лонсдейл, с этого дня стал полноправным подданным Её Королевского Величества - королевы Великобритании Елизаветы Второй. «Это давало мне право на безвизовый въезд в Англию и беспрепятственное проживание там в течение любого срока. Иначе говоря, я мог жить и заниматься любой деятельностью в Англии, пользуясь всеми правами коренных жителей».

Так же молниеносно он сумел выполнить и другое задание Центра - поступил в Лондонский университет на факультет востоковедения и африкановедения. «Я списался с университетом, выразив желание изучать китайский язык с коммерческими целями. При этом я указал, что обладаю небольшими познаниями, приобретёнными в процессе самостоятельного изучения языка и общения с китайцами в Калифорнии и Британской Колумбии. Естественно, всё это соответствовало моей

легенде-биографии.

Буквально через неделю я получил письмо, в котором указывалось, что учёба начнётся с первой среды октября и меня просят зайти на кафедру, как только я прибуду в Англию».

В действительности же «Бен» в совершенстве владел китайским языком и даже какое-то время преподавал его в Московском институте внешней торговли, до зачисления в кадры нелегальной разведки. Интерес же к факультету востоковедения и африкановедения объяснялся очень просто. В отличие от других этот факультет субсидировался Министерством обороны Великобритании, поскольку на нём проходили языковую и страноведческую подготовку сотрудники специальных служб как самой Англии, так и дружественных ей государств.

Наконец «Бен» без проблем вступил в Королевскую Заморскую Лигу, которую патронировала сама Елизавета Вторая. И это тоже было одним из заданий Центра. Дело в том, что для членов Лиги в Лондоне была открыта специальная гостиница и Гордон Лонсдейл мог поселиться в ней хотя бы на первое время, не привлекая к своей персоне внимания лондонской полиции.

Как только план-задание на период пребывания в Торонто был выполнен, из Центра последовало указание перебираться в Лондон.

«Я решил ехать пароходом через Нью-Йорк, так как надеялся завести в пути полезные связи. С другой стороны, было полезно вновь побывать в США с целью пополнения своих знаний об этой стране. В Нью-Йорке я пробыл около недели и отплыл в Саутгемптон на пароходе «Америка». В пути мне действительно удалось приобрести полезные знакомства и даже получить рекомендательные письма к нескольким лицам в Англии. С одним из моих попутчиков, немцем Гансом Кохом, который работал в туристском бюро в Нью-Йорке и по нескольку раз в год приезжал в Европу, я поддерживал дружеские связи до моего ареста в январе 1961 года».

Благополучно прибыв в Лондон, «Бен», как и было задумано, поселился в гостинице Королевской Заморской Лиги. Затем наведался в университет, где представился декану факультета профессору Саймонсу, подтвердившему, что его приняли на учёбу. Не забыл «Бен» и познакомиться с техническим секретарём кафедры - мисс Джин. Это поверхностное знакомство, как вскоре выяснилось, оказалось весьма полезным.

«Примерно за неделю до начала учёбы я вновь появился на кафедре. Подойдя к мисс Джин, я назвал её по имени и преподнёс небольшой подарок. Это был флакончик французских духов, который я заблаговременно приобрёл во Франции, где уже успел побывать. Она с удовольствием приняла подарок и поболтала со мной. Как бы невзначай я спросил её, сколько у нас будет групп и в какую группу зачислят меня. Джин ответила, что на факультете три группы. Одна из них будет укомплектована из лиц старшего возраста, которым труднее изучать

язык. Однако, по её словам, профессор Саймонс намеревался включить меня в группу молодёжи, поскольку у меня есть некоторые знания китайского языка.

Такое распределение меня не устраивало, так как можно было полагать, что сотрудники специальных служб будут учиться именно в группе «переростков». Я попросил Джин не напоминать профессору об этом и записать меня в группу «переростков», где мне будет легче учиться и легче сойтись со своими будущими однокашниками. Она тут же внесла меня в список нужной группы. Не знаю, что больше повлияло на неё: мой подарок или тактичное обращение с нею? Скорее всего, и то и другое».

...«В первый день занятий не было. Сначала состоялось общее собрание, на котором нас поздравили с началом учебного года и пожелали успехов в учёбе. Затем было объявлено, где должны собираться студенты различных кафедр. Так что со своими однокашниками я познакомился только на следующий день. Почти всем им было за тридцать. Большинство из них было одето в чёрные пиджаки, серые брюки в полоску, белые сорочки с тёмными галстуками, котелки и почти каждый держал в руках туго скрученный чёрный зонт. К этому времени я уже знал, что подобная одежда служит чуть ли не формой государственных служащих Уайтхолла, а также старших банковских клерков и офицеров, когда последние не находятся на службе. Мы быстро перезнакомились и кое-что узнали друг о друге.

На первом же занятии зашёл разговор на тему: почему каждый из нас решил изучать китайский язык? Были высказаны самые разнообразные причины. Трое заявили, что после окончания Оксфордского университета они поступили на работу в МИД и их послали изучать китайский язык. Один или два человека сказали, что они являются сотрудниками Министерства колоний и их тоже направили на учёбу. Двое работали в полиции в Малайе и им было необходимо знать китайский язык для продвижения по службе. Тут я едва удержался, чтобы не сказать, что в Малайе проживают выходцы из Южного Китая, говорящие на совершенно ином наречии, чем то, которое будем изучать мы. Один представился канадским дипломатом. Другой - израильским дипломатом. Причём последний решил изучать язык с коммерческими целями. Это мне показалось занятным. Кроме того, среди нас был один американец, которого привлекли небольшая плата за учёбу и дешевизна жизни в Англии по сравнению с США, а также возможность ознакомиться с Европой во время наших каникул».

...«В мою задачу входило выявить, кто из студентов является сотрудником специальной службы, по возможности установить, какой именно службы, получить их установочные данные, изучить их личные качества. Сделать это было трудно, так как англичане редко идут на сближение с людьми непривычного для них круга, особенно с иностранцами. На первый взгляд всех можно было разбить на три категории: иностранцы - канадский дипломат Том Поуп, израильский

дипломат Цвий Кедар, американец Клейтон Бредт и я; сотрудники военной разведки и контрразведки - лица в «чиновничьей форме»; возможные сотрудники политической разведки - те, кто выдаёт себя за сотрудников МИДа.

Первое время никак не удавалось установить с кем-либо из них личные отношения. Все аккуратно являлись на занятия, а после занятий сразу же исчезали. В жизни студентов университета они не участвовали. Здесь сказывалась как разница в возрасте, так и пренебрежительное отношение к «студентикам». Все они считали себя людьми солидными, сделавшими определённую карьеру. К тому же почти все были семейными.

Затем, как это часто бывает в жизни, на помощь пришёл «господин случай». Один из преподавателей, сын профессора Саймонса, заметил некоторую отчуждённость в группе и решил исправить это ненормальное, на его взгляд, положение. На одном из занятий он как бы вскользь заметил, что, поскольку мы люди взрослые, нам мало учить язык и историю. Настоящий китаист должен быть в курсе текущих событий в Китае и в Юго-Восточной Азии, а также быть знаком с китайским искусством, традициями и т.п. С этой целью он предложил организовать факультативный семинар с приглашением докладчиков-специалистов своего дела. Идея эта всем понравилась.

Среди наших докладчиков были сотрудники Форин оффиса, госдепартамента США, известные специалисты по странам Юго-Восточной Азии. Однажды перед нами выступал кадровый английский разведчик Форд, в своё время арестованный в Тибете за шпионаж. Правда, на семинаре он выдавал себя за специалиста по радиосвязи, работавшего у Далай-ламы и весьма далёкого от разведки бывшего сержанта войск связи. Помнится, в конце его беседы я спросил: «А где вы работаете сейчас?» (Тогда он только что вернулся из китайской тюрьмы.) Форд, не задумываясь, ответил: «В Форин оффисе, естественно». При этом на лицах многих участников нашего семинара невольно промелькнула ироническая улыбка.

Однако самое главное для меня происходило после семинара, когда большая часть его участников отправлялась в одну из расположенных поблизости пивных. Возглавлял это шествие Саймонс-младший.

В процессе еженедельных посещений пивной я многое узнавал о своих однокашниках и завязал неплохие отношения почти со всеми. Хорошо помню такой инцидент. После десяти или двенадцати кружек пива один из типичных «чиновников» по фамилии Ватсон неожиданно утратил обычную для английских офицеров манеру растягивать, или «тянуть», слова и заговорил с явным простонародным акцентом «кокни». Стоявший рядом со мной некий Венаблс повернулся и с презрительной усмешкой шепнул мне: «И эта серость недавно получила «майора»!» Нужно сказать, что в английских вооружённых силах установлены различные наименования одних и тех же званий. Слов Венаблса было достаточно для того, чтобы сказать, что Ватсон служит в армейской

разведке или контрразведке. Как выяснилось позднее, он служил в разведке.

В результате походов в пивные между большинством из нас установились неплохие отношения и мы стали встречаться помимо занятий. Однажды канадский дипломат Том Поуп решил устроить «мальчишник» и пригласил к себе всю группу, а также некоторых из преподавателей. Жил он на широкую ногу: снимал нижний этаж шикарного особняка в одном из самых фешенебельных районов Лондона. Будучи дипломатом, он покупал спиртное со скидкой, раза в три дешевле обычной цены.

После того как все изрядно выпили, один из «чиновников» неожиданно назвал другого «сэром». Я с деланным недоумением посмотрел на него и тихо спросил: «Почему ты называешь однокашника сэром?» Он ответил: «По привычке. Дело в том, что он подполковник, а я только капитан».

На одной из вечеринок произошёл и такой интересный случай. Некий Роскамс, который выдавал себя за полицейского из Малайи, рассказал, что он вынужден возвратиться в Малайю, так как некоторые из его наиболее ценных агентов отказались работать с его преемником. На моё счастье, один из собеседников заинтересовался этим и стал задавать Роскамсу вопросы. Выяснилось, что он работает в специальном управлении колониальной полиции и имеет на связи около шестидесяти агентов. Некоторые из них настолько глубоко законспирированы, что встречаются с ним не более одного-двух раз в год. Часть из них работала на основе близких личных отношений с Роскамсом и категорически отказалась встречаться с кем-либо другим.

По словам Роскамса, он занимался разработкой профсоюзов и учебных заведений и некоторые из его агентов уже более десяти лет были членами коммунистической партии Малайи. Я немедленно передал эти сведения в Центр. Как я узнал позднее, этот материал был передан в соответствующую инстанцию.

Мои однокурсники знали, что фотография является моим страстным хобби, и никто не удивился, увидев у меня фотоаппарат и электронную вспышку. За весь весьма весёлый и далеко не последний вечер я сделал несколько десятков снимков и пообещал всем прислать их фотографии. Поскольку это было в последний день семестра, я записал адреса присутствовавших. Я действительно послал по нескольку карточек каждому, увеличив наиболее удачные снимки. Естественно, Центр также получил экземпляры этих фотографий со всеми установочными данными на моих знакомых.

С течением времени мои однокурсники всё меньше и меньше придерживались своих легенд, и постепенно удалось узнать их звания, специальные службы, к которым они принадлежали, и даже их карьеру. Надо признаться, что больше всех этому способствовал Том Поуп, который регулярно устраивал вечеринки и приглашал всю группу. Иногда он

устраивал «мальчишники», а иногда приглашал всех с жёнами. Таким образом, в моём альбоме появились и фотографии некоторых из жён. Интересно отметить, что жена майора Ватсона была итальянка, на ней он женился во время войны в Италии. Он был настоящим «служакой», но не пользовался популярностью у других офицеров, так как вышел в «люди» из рядовых во время войны.

В конце учебного года, в июле 1956-го, Том Поуп опять пригласил всех к себе. Один из «чиновников» сказал, что на этот день он позвал одного знакомого к себе в гости и поэтому не сможет прийти. Поуп тут же предложил ему прийти вместе со своим знакомым, что тот и сделал. Познакомившись с ним, я решил на всякий случай сфотографировать его. Я совсем забыл об этом случае, но уже после моего ареста мне напомнили о нём. Ведущий моё дело контрразведчик по фамилии Элтон неожиданно протянул мне фотографию и сказал: «Это нашли у вас на квартире при обыске. Откуда она у вас?» На снимке были мужчина и женщина, причём мужчиной был Элтон! Тут я узнал его: это был тот самый человек, который приходил в гости к Тому Поупу, и я сфотографировал его с женой.

Я невольно рассмеялся и сказал: «У вас плохая память, господин Элтон. Этот снимок был сделан в начале июля 1956 года на квартире канадского дипломата Томаса Поупа».

«Теперь я вспоминаю, - воскликнул Элтон. - Ведь мы с вами встречались! Мне эту фотографию предъявил мой начальник, и я никак не мог объяснить ему, откуда она могла быть у вас». Сказал он это с заметным облегчением. Видно, он пережил немало неприятных минут из-за этой фотографии. «А что вы сделали с оригиналом?» - спросил он. «Послал его туда же, куда я посылал все интересные снимки», - ответил я.

...У меня установились хорошие отношения с израильским дипломатом Цвием Кедаром. Он жил недалеко от меня, мы часто заходили друг к другу и вместе готовились к занятиям. Китайский язык, по его словам, его послало изучать министерство иностранных дел Израиля. После учёбы он должен был ехать работать в Китай. Он рассказывал, что во время арабо-израильской войны 1948 года его забросили в Египет, и он вёл там разведывательную работу. Естественно, это очень интересовало меня, и при каждом удобном случае я возвращался к этой теме, проявляя при этом показное восхищение его смелостью и находчивостью.

Однажды мы договорились, что я зайду к нему вечером. Встретил он меня, как всегда, очень радушно и предложил выпить. При этом сказал, что угостит неведомым мне напитком. Я подумал, что это будет какое-то израильское вино, и боялся, что оно окажется ужасной дрянью, вроде мексиканской водки из кактусов, которую мне довелось как-то попробовать.

Кедар открыл холодильник и достал бутылку... «Столичной».

- Что это такое? - изумлённо спросил я и в ответ услышал:

- Самый лучший напиток на свете. Причём это не какая-нибудь подделка, а настоящая водка из России.

Он усадил меня в кресло и налил полный фужер (!) водки, а на стол поставил блюдечко с хрустящим картофелем. Пили мы, как это было принято там, малюсенькими глоточками. Я невольно кривился после каждого глотка. Заметив это, Кедар сказал:

«Это ты с непривычки. Привыкнешь - полюбишь». Крыть, как говорится, было нечем.

Наш американец Клейтон Бредт далеко не сразу разобрался в том, какие «чиновники» учатся в нашей группе, но в конце концов дошло и до него. И вот как-то на очень скучной лекции по китайской философии он толкнул меня локтем и прошептал: «Послушай, Гордон, да ведь тут все, кроме нас с тобой, шпионы!» Я, конечно, не согласился с ним. Он стал приводить различные доказательства, но так и не смог убедить меня. Думаю, когда лет пять спустя он увидел мою фотографию на первых полосах американских газет, то понял, что тогда он ошибался.

В конце учёбы мы устроили прощальный вечер в одном из китайских ресторанов. Вечер прошёл отлично. На прощанье мои однокашники рассказывали друг другу, куда их направляют на работу. Для меня эти сведения были весьма кстати.

Вообще же, я к этому времени всё меньше и меньше уделял внимания своим соученикам, так как почти всё знал о каждом из них и ничего нового сообщить они не могли».

В мае 1956 года, ещё до окончания учёбы в Лондонском университете, «Бен» встретился со своими радистами и одновременно содержателями конспиративной квартиры. Это были легендарные Питер и Хелена Крогеры. В 1954 году они легализовались в Швейцарии, а под самый новый, 1955 год прибыли в Англию. В тридцати километрах от Лондона купили подходящий коттедж, а затем в самом центре английской столицы, близ Трафальгарской площади, открыли букинистический магазин. Приобрели необходимую литературу, в том числе редчайшие издания, организовали рекламную кампанию в местной прессе, вступили в клуб Британской национальной лиги, а со временем оформили членство в Международной торговой ассоциации букинистов. Таким образом, к моменту встречи со своим резидентом Крогеры обзавелись надёжной «крышей» для развёртывания разведывательной работы. Правда, один момент вызывал у «Бена» серьёзную обеспокоенность.

Дело в том, что Питер Крогер на самом деле был Морисом Коэном, а Хелена Крогер - его супругой Леонтиной Терезой Коэн (девичья фамилия - Петке). Оба были гражданами США. Оба длительное время работали на советскую разведку, в том числе по атомной проблематике. В 1950 году, после ареста Юлиуса и Этель Розенбергов, им удалось ускользнуть от американских спецслужб и нелегально перебраться из США в Москву. Здесь они прошли по полной программе специальную подготовку как агенты-нелегалы, по завершении которой им вручили новозеландские паспорта на имя Питера Джона Крогера и Хелены Джойс Крогер. Их появление в Лондоне не вызвало никакого интереса со стороны местных

спецслужб. Но потенциальная угроза нависла над ними после того, как у арестованного ФБР Абеля при обыске нашли их фотографию с надписью «Морис и Леонтина». Понимая, чем это грозит, «Бен» поставил перед Центром вопрос о предоставлении Коэнам-Крогерам советского гражданства. На Лубянке одобрили его инициативу и обратились с соответствующим ходатайством на Старую площадь. Ознакомившись с представлением КГБ, секретарь ЦК КПСС М. Суслов начертал: «Вопрос о Крогерах поставлен преждевременно. Они ещё могут предать нас. Вот когда вернутся в Советский Союз, тогда и будем рассматривать их ходатайство».

И всё же «Бен» добился своего: Крогеры получили советское гражданство. Правда, на это ушло более десяти лет.

...«Бен» сумел создать себе «крышу» не менее надёжную, чем Крогеры. Он занялся продажей автоматов по торговле бутербродами, лекарствами, жевательной резинкой, фломастерами. Этот на первый взгляд не впечатляющий, мелкий бизнес оказался настолько востребованным, успешным, что превратил «Бена» в миллионера и популярного предпринимателя, особенно после того как он получил золотую медаль на Всемирной выставке в Брюсселе. Более того, сама королева Елизавета Вторая даровала ему титул «сэра».

Также энергично и эффективно занимался «Бен» и своей основной - разведывательной работой. В загородном доме Крогеров по его инициативе был вырыт просторный бункер. Выкопанная земля пошла на прекрасную цветочную клумбу в саду. В бункере же оборудовали радиоцентр. По соображениям конспирации антенна радиоцентра была не стационарной, а временной: в период сеансов связи с Центром она, словно спиннинг, забрасывалась на крышу дома, а после сеанса убиралась.

В сентябре 1957 года радиоцентр, полностью оборудованный всем необходимым и оснащённый присланной из Центра «Астрой» - скоростным радиоприёмником, вышел в эфир. Хелена приняла первую радиограмму, в которой Центр ставил перед «Беном» конкретные задачи по организации работы с агентурой, а также по проникновению в объекты, представлявшие первостепенный разведывательный интерес.

В их числе значился расположенный в Нортоне центр по изучению биологических методов ведения войны.

Но «Бен» и до получения заданий Центра не сидел сложа руки. Этим же сеансом в Москву была передана конфиденциальная информация о кризисе в районе Суэцкого канала, а также основные тезисы «документа особой важности», содержавшего оценку проведённых НАТО морских манёвров. Документ был получен от агента «Шаха» и полностью направлен в Центр.

«Бен» уже сумел так наладить работу с «Шахом», что от того непрерывным потоком поступала информация сверхсекретного характера об английской военно-морской базе в Портленде и, что не менее, если не более важно, о работе расположенного там же закрытого НИИ по

разработке электронной, магнитно-акустической и термоаппаратуры для обнаружения подводных лодок, мин и других видов морского оружия. Эти сведения тотчас же, как говорят в разведке, реализовывались Министерством обороны и Министерством среднего машиностроения, а также закрытыми профильными НИИ и конструкторскими бюро.

Информационный поток из нелегальной резидентуры в Лондоне заметно возрос после того, как «Бен» в конце 1958 года принял на связь агента «Холу» - Мелиту Норвуд, позднее окрещённую лондонской прессой «прабабушкой советского шпионажа в Великобритании», которая-де по своей значимости для Лубянки «не уступала знаменитой «кембриджской пятёрке», если не превосходила её».

Дело в том, что «Хола» работала личным секретарём директора БАИЦМ - Британской ассоциации по исследованию цветных металлов. За этой безобидной вывеской скрывалась государственная тайна №1, а именно, национальная программа создания и совершенствования ядерного оружия. Кстати, первый испытательный взрыв англичане произвели в октябре 1952 года на островах Монте Белло у северо-западного побережья Австралии. В Москве, естественно, были осведомлены и о конструкции этой бомбы, и о результатах её испытания.

«Хола» аккуратно переснимала все секретные документы БАИЦМ и регулярно передавала их «Бену» (а до него другим советским разведчикам). Как признают ныне сами англичане, благодаря усилиям Мелиты Норвуд, «в Кремле регулярно читали такие документы, к ознакомлению с которыми допускались далеко не все члены правительства Её Величества». В хранящемся же в архивах Лубянки агентурном деле «Холы» эта же мысль выражена несколько скромнее: «передаваемые «Холой» документы нашли практическое применение в советской индустрии».

«Хола» была не только источником секретной информации, но и агентом-вербовщиком. В частности, ею был привлечён к сотрудничеству с советской разведкой ценный агент «Хант», от которого в Москву в течение четырнадцати лет поступали научно-техническая документация и сведения о поставках Великобританией оружия другим странам.

«Я хотела, - призналась позже «Хола», - чтобы Россия могла говорить с Западом на равных. Я делала всё это потому, что ожидала, что на русских нападут, как только война с немцами закончится. Чемберлен же ещё в 1939 году хотел, чтобы на них напали, это же он толкал Гитлера на восток. Я думала, что русские должны быть тоже способны защищаться, потому что весь мир был против них, против их замечательного эксперимента. И потом, они перенесли такие страдания от немцев. В войне они воевали на нашей стороне, и было бы нечестно не дать им возможности создать собственное атомное оружие».

* * *

В конце 1960 года Михаил Голеневский, офицер польской разведки, бежал на Запад. Предатель выдал все известные ему секреты, в том числе

и агента «Шаха» - Гарри Фредерика Хаутона. Он начал работать на советскую разведку в 1952 году, будучи шифровальщиком военно-морского атташе Великобритании в Польше.

Сотрудники МИ-5 тотчас установили за «Шахом» круглосуточное наблюдение и вскоре вышли на Гордона Лонсдейла, а через того - на Крогеров.

«Бен» вместе с «Шахом» и его женой Этель Джи был арестован 7 января 1961 года около 17.00. А двумя часами позже та же участь постигла Крогеров, у которых в бункере была обнаружена радиостанция и другие улики в шпионской деятельности. Пойманные, казалось бы, с поличным, Крогеры, тем не менее, отрицали предъявленные им обвинения в шпионаже. На этот случай у них было строгое указание «Бена» - признаться в том, что найденное у них шпионское оборудование принадлежит Гордону Лонсдейлу, а они к этому не имеют никакого отношения. Логика «Бена» была достаточно проста: у него как у гражданина Советского Союза на любые случаи в жизни была опора, а у Крогеров таковой не было.

И на суде Гордон Лонсдейл выступил с заявлением о том, что Крогеры не состояли с ним в тайном сговоре и не занимались разведывательной деятельностью. Более того, он настаивал на том, что даже если судьи сочтут обвинение против Крогеров доказанным, то виновным во всём надлежит считать только его, какими бы последствиями ему это ни грозило.

В ходе судебных слушаний были преданы гласности предоставленные ФБР сведения о том, что Крогеры в действительности являются Коэнами, и в подтверждение представлена найденная при обыске у Абеля фотография. Тем не менее Крогеры не подвели своего резидента. Они не признавали себя виновными, категорически отрицали шпионский характер своих связей с Лонсдейлом.

В результате, в приговоре суда, хотя и были указаны их подлинные имена и биографические данные, однако отсутствовало главное - доказательства того, что они действительно являются разведчиками, которые занимались в Англии шпионажем в пользу Советского Союза. Благодаря этому Крогеры были осуждены на пятнадцать лет каждый, в то время как Гордона Лонсдейла приговорили к двадцати пяти годам лишения свободы.

* * *

Его поместили в тюрьму Уормвуд-Скрабс, которая славилась тем, что из неё ещё никому и никогда не удавалось бежать. Через пару-тройку месяцев сюда же направили другого советского разведчика, Джорджа Блейка, осуждённого аж на 42 года тюремного заключения. Его, кстати, вычислили и арестовали также в результате предательства, на этот раз связника немца Микки.

«Я встретил Лонсдейла в первый же день моего пребывания в секторе «С», - вспоминал позже Блейк. - Так как мы оба были под

«спецнадзором», мы гуляли вместе. Он, должно быть, знал, кто я, так как сразу же подошёл ко мне, пожал руку и представился. Лонсдейл был среднего роста, крепкого сложения, с широким весёлым лицом и очень умными глазами. Он говорил с явным «заморским» акцентом, пересыпая речь американскими оборотами. Когда я узнал его лучше, он поразил меня тем, с каким искусством он играл свою роль. Встретив его, никто бы ни на секунду не усомнился в том, что перед ним этакий рубаха-парень, трудолюбивый, зарабатывающий себе на хлеб рекламой канадского бизнеса, то есть человек, за которого он себя выдавал. То, что он был рядом со мной в первые недели заключения, послужило для меня огромной моральной поддержкой.

Во время наших ежедневных прогулок по мрачному тюремному двору мы, конечно, часто обсуждали наши шансы выбраться на свободу. В этой связи я вспоминаю нашу беседу, которая состоялась за несколько дней до его внезапного перевода в другую тюрьму. «Что ж, - сказал он своим обычным оптимистическим тоном, - я не знаю, что произойдёт, но уверен в одном. Во время большого парада по случаю 50-летней годовщины Октябрьской революции, в 1967 году, мы с тобой будем на Красной площади». Тогда это прозвучало фантастично, ведь наши долгие сроки только начались. Но в жизни случаются чудеса. Он оказался совершенно прав. Мы оба присутствовали на параде, а потом пили шампанское.

...Лонсдейл был так называемым «тайным резидентом». Я всегда относился с огромным уважением к этой категории разведчиков, ведь их работа требует высочайшего профессионализма. Им приходится настолько сживаться со своей «легендой», что они становились воистину другими людьми. Отказавшись от всего личного, они полностью отдаются работе, рискуя свободой, а иногда и жизнью, каждый раз, когда пытаются завербовать нового агента или идут на тайные встречи. Им приходится постоянно быть настороже и жить в обстановке непреходящего напряжения. Крайне редко им удаётся отдохнуть, вернувшись домой к своим семьям. Лишь человек, свято верящий в идею и служащий великому делу, может согласиться на такую работу, хотя, скорее всего, здесь больше подошло бы слово «призвание».

* * *

В 1964 году Конон Молодый, он же «Бен» и Лонсдейл, вернулся на родину. Его обменяли на агента английской разведки, МИ-6, Грэвилла Винна. И первое, за что он взялся, - за изыскание любых возможностей для скорейшего вызволения из тюремных застенков своих соратников Крогеров. И уже в следующем, 1965 году англичанам было предложено обменять сотрудника МИ-5 Джеральда Брука на Крогеров. Те заявили, что обмен одного на двух их не устраивает. Выход из этой, казалось бы, тупиковой ситуации Молодый нашёл без особого труда. До англичан были доведены сведения о том, что их разведчику Бруку грозит увеличение наказания за попытку побега. Англичане дрогнули. Правда, и Лубянка согласилась вместе с Бруком передать ещё двух подданных её величества, осуждённых советским судом за контрабанду наркотиков.

Обмен состоялся 24 октября 1969 года. Крогеры возвратились в Москву и вскоре получили советское гражданство. Инициатором в постановке этого вопроса вновь выступил их бывший резидент.

«Бен» не оставил без внимания и оперативные материалы, касавшиеся его провала. Детально ознакомившись с ними, он выявил непростительную ошибку Центра. Дело в том, что Центр не имел права передавать ему на связь агента, работавшего в странах Варшавского договора под дипломатическим прикрытием. Это шло вразрез с элементарными правилами конспирации, которыми резиденту-«нелегалу» строжайше запрещалось вступать в личный контакт с агентами, которые в силу своего длительного пребывания в странах Восточного блока автоматически становились объектами постоянного наблюдения со стороны контрразведывательных служб своих стран. Именно таким агентом был «Шах». Дотошность «Бена» далеко не всем руководящим сотрудникам Центра пришлась по вкусу.

«Лонсдейла встретили в КГБ как героя, - свидетельствует Джордж Блейк. - Тем не менее после столь долгого отсутствия ему было непросто снова привыкать к жизни в Советском Союзе. Дело в том, что Лонсдейл был не только первоклассным разведчиком, но и крайне удачливым бизнесменом. Возглавляя канадскую фирму по производству автоматов (такова была его «крыша»), он заработал миллионы, которые конечно же не положил в свой карман, а полностью перевёл Советскому государству. Теперь ему очень нелегко давалась полная ограничений жизнь сотрудника КГБ, некоторые же аспекты советской действительности его просто возмущали. Особенно он критиковал неэффективность и некомпетентность управления советскими промышленными предприятиями и ведения внешней торговли. В то время любая критика, в чём бы она ни выражалась, отнюдь не приветствовалась, и он скоро впал в немилость».

...Фотостудию Гесельберга на Кузнецком мосту, недалеко от центрального здания Лубянки, посещали многие москвичи. Здесь делали прекрасные фотографии. Но никто из посетителей не подозревал, что в задней комнатке фотостудии частенько собирались такие знаменитости советской разведки, как Молодый, Абель, Фитин, Судоплатов, Эйтингон и другие.

Их тянуло сюда желание излить душу, поделиться сокровенными мыслями о брежневском руководстве и нравах, царящих в родном КГБ, и, конечно же, пропустить рюмочку. Только здесь и Молодый, и Абель позволяли себе пожаловаться коллегам на то, что их используют в качестве музейных экспонатов и не дают настоящей работы.

Эти встречи и жалобы на несправедливости судьбы кончились в 1980 году, когда студия Гесельберга была снесена и на этом месте появилось новое здание КГБ. Молодого к этому моменту уже не было в живых. Как выразился Джордж Блейк, «от дальнейших огорчений его избавила внезапная смерть: он умер от острого сердечного приступа, когда собирал с семьёй грибы в подмосковном лесу». Это случилось 9 октября 1970 года,

когда Конону Молодому было всего 48 лет.

Награждён орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, нагрудным знаком «Почётный сотрудник госбезопасности».

Разнорабочий советской разведки

На мастерски выполненном чёрно-белом рисунке пожилые негритянки развешивали бельё на верёвках, протянутых через двор позади ветхих покосившихся домов. В правом нижнем углу рисунка рукой художника были выведены три слова: «Трущобы Смита. Атланта». Так он назвал своё произведение.

Высокому седовласому Джону Мору, уже семнадцать лет возглавлявшему советский отдел Федерального Бюро Расследований, этот рисунок передал «на долгую память» его давний знакомый, надзиратель федеральной тюрьмы в Атланте. К живописи Мор относился с откровенным безразличием, но подарок принял с нескрываемой радостью. Приобрёл подходящую для него рамку и определил в комнату на цокольном этаже дома, на стену напротив огромного окна. Точнее - напротив федеральной тюрьмы, на которую выходило окно. Тюрьмы, в которой автору рисунка, назвавшемуся Рудольфом Ивановичем Абелем, предстояло провести тридцать два года за шпионаж в пользу Советского Союза. «Я повесил картину так, - объяснял Мор свой замысел домашним и друзьям, - чтобы он мог видеть её из окна своей тюремной камеры».

Матёрый контрразведчик, «умный и хитрый», как называли его сослуживцы, Джон Мор не скрывал своего уважения к советскому шпиону и подтрунивал над теми коллегами из ФБР и ЦРУ, которые вознамерились перевербовать арестанта. «Нет такого средства в мире, - говорил он им, - чтобы заставить Абеля стать двойным агентом и работать на американскую разведку в качестве платы за своё освобождение».

* * *

Рудольф Иванович Абель, а в действительности Вильям Генрихович Фишер, родился 7 июля 1903 года в английском городе Ньюкасл-на-Тайне, где его родители обосновались после того, как отца выдворили из России по решению царского суда за революционную деятельность. Там, на берегах Туманного Альбиона, прошли детство и юность Вильяма. Там он окончил школу и в шестнадцать лет умудрился поступить в Лондонский университет. Правда, проучился в нём всего два курса, поскольку в 1921 году семья возвратилась в Советскую Россию. В Москве юноша вторично замахнулся на высшее образование, на этот раз в Институте востоковедения им. Нариманова на индийском отделении. Но по окончании первого курса учёбу вновь пришлось прервать - его призвали в Красную Армию. Определили в Первый радиотелеграфный полк Московского военного округа. Там Вильям увлёкся радиоделом. Увлёкся по-настоящему, так, что к концу службы стал первоклассным радиоинженером.

В кадрах Иностранного отдела ОГПУ, тогдашней советской разведки, не могли не обратить внимание на демобилизовавшегося красноармейца с безупречной биографией, свободно владевшего немецким и английским языками, да ещё прекрасного специалиста по радиоделу. Для любой разведки такой человек - находка. И ИНО не упустило шанса. В 1927 году Вильям Фишер, немец по национальности, был зачислен на должность помощника оперуполномоченного ИНО. И разведка стала для него смыслом его жизни.

В феврале 1931 года Вильям Фишер обратился в Генеральное консульство Великобритании в Москве с заявлением о выдаче ему и его супруге с малолетней дочерью британских паспортов. Просьбу обосновал тем, что родился и до семнадцати лет проживал в Англии как верноподданный Его Величества короля Великобритании. В Россию же попал в 1921 году исключительно по воле родителей, с которыми кардинально расходится во взглядах на Совдепию, и потому решительно настроен вернуться на свою родину.

Редчайший, если не единственный, случай в разведке: легенда для нелегала «Франка» (таков был первый оперативный псевдоним Фишера) предусматривала его вывод на оседание в Лондоне по официальному каналу и под настоящей фамилией. Легенда сработала безукоризненно. Приведённые Фишером доводы выглядели убедительными, а его личность не вызвала у сотрудников английского консульства никаких подозрений. Паспорта и виза были выданы без проволочек.

Благополучно прибыв в Лондон, молодой нелегал, действуя по легенде, открыл радиомастерскую и под этой надёжной крышей активно включился в оперативную работу нелегальной резидентуры. Работа заладилась настолько успешно, что Фишеру вскоре поручили выехать в краткосрочные командировки в Копенгаген и Стокгольм, чтобы там на месте оказать необходимую помощь в подборе конспиративных квартир для радиоточек и налаживании устойчивой двусторонней связи с Центром. Блестящее выполнение этих заданий и успешная работа в Лондоне были отмечены повышением Фишера в должности до оперуполномоченного и присвоении ему звания лейтенанта госбезопасности (тогда это соответствовало армейскому званию «капитан»).

В феврале 1935 года, по возвращении из Лондона в Москву, Фишеру доверили подготовку связников-радистов для нелегальных резидентур. На новом участке работы раскрылись недюжинные педагогические способности Фишера. Перемежая лекции с практическими занятиями, он старательно и терпеливо объяснял своим подопечным все тонкости профессии радиста-нелегала. При этом его доброжелательность, заботливый индивидуальный подход к каждому практиканту органично сочетались с взыскательностью и твёрдостью. Поблажек и исключений ни для кого не было. В его справках-заключениях на слушателей случались и такие выводы: «Хотя «Джипси» получила от меня точные инструкции, работать радистом она не сможет, поскольку путается в технических

вопросах».

* * *

Весной 1938 года Вильям Фишер был переведён на подготовку в длительную загранкомандировку в Испанию, в которой бушевало пламя гражданской войны. Нелегальную резидентуру НКВД в Мадриде возглавлял Александр Орлов, который лично знал Фишера по работе в Лондоне и, конечно, хотел заполучить к себе классного специалиста и изобретательного сотрудника. Тем более, что агентурно-оперативная обстановка в Мадриде была крайне сложной.

Правда, и на Лубянке ситуация тогда была не из простых. Нарком НКВД Ежов, а затем сменивший его Берия «вычищали» из разведки «агентов иностранных спецслужб», «врагов народа».

«Отозвать в Москву. Арестовать немедленно.» Такие приказы сыпались как из рога изобилия. Отзывались, арестовывались и расстреливались без суда и следствия резиденты из Лондона, Рима, Парижа и многих других разведточек. Уничтожались лучшие кадры закордонной разведки.

В июле 1938 года в Мадриде бесследно исчезает Орлов вместе с семьёй. Исчез талантливый резидент, незадолго до этого награждённый орденом Ленина, как писала «Правда», «за выполнение важного правительственного задания». В ноябре он объявился в США и оттуда направил личное письмо Ежову, в котором объяснил свой поступок элементарным страхом разделить участь его расстрелянных коллег. На Лубянке переполох. Началось служебное расследование и поиски «пособников» предателя. Когда же выясняется факт личного знакомства и доброго отношения предателя к Фишеру, оргвыводы следуют незамедлительно. Без объяснения причин Фишер был уволен, а точнее, изгнан из разведки. Но он не сдался. Устроившись на работу сначала во Всесоюзную торговую палату, а затем радиоинженером на один из московских заводов, Фишер стал регулярно «бомбить» своё прежнее руководство рапортами с требованием разобраться в существе его дела и восстановить справедливость. И ему это удаётся. В сентябре 1941 года его вернули в разведку, зачислив в штат Особой группы. Это подразделение было создано при наркоме внутренних дел 5 июля 1941 года «для выполнения ответственных заданий Ставки Верховного Главнокомандования», как главный центр разведывательно-диверсионной деятельности органов госбезопасности в тылу врага.

* * *

Едва получив назначение в Особую группу, Фишер направился вместе с капитаном Адамовичем в Черновцы с заданием восстановить контакты и наладить работу с оказавшимися без связи агентами НКВД в Германии и Польше. В предвоенное время работа с ними в Берлине, Данциге (ныне - Гданьск), Варшаве и Кракове велась с позиций советских дипломатических и внешнеторговых учреждений. Однако с началом войны и немецкой оккупации Польши эти учреждения были спешно

эвакуированы и агентура оказалась без связи.

Адамович вёз с собой фотографии, на каждой из которых были запечатлены агент и его куратор - советский разведчик. Таким образом, фотографии служили своеобразным паролем для восстановления связи. Сделать это должны были специально отобранные в Черновцах четыре опытных агента из числа этнических немцев и поляков. Каждый из них был ориентирован на работу в одном из упомянутых выше городов. Операции придавалось важное значение в Москве.

Поначалу всё складывалось как нельзя лучше. Адамовича принял нарком внутренних дел Украины И. Серов, направивший в Черновцы указание обеспечить москвичей необходимой материально-технической базой с тем, чтобы Фишер мог незамедлительно приступить к обучению агентов.

Не успел Фишер приступить к работе, как Адамович... исчез. Фишер незамедлительно поставил в известность местного шефа госбезопасности. Тот просигналил И. Серову, который срочно проинформировал о ЧП первого секретаря компартии Украины Н.С. Хрущёва. Начавшийся в Киеве переполох мгновенно перекинулся на Москву, куда Никита Сергеевич не преминул позвонить по правительственной связи лично наркому Лаврентию Берии и заявить: «Этот ваш Адамович - негодяй! Он, по нашим данным, сбежал к немцам».

Крайним в ЧП решили сделать Фишера, которого И. Серов вызвал к себе и в грубой форме отчитал за то, что тот не предотвратил предательства Адамовича. Негодовала и Лубянка: почему там узнали о ЧП от Хрущёва, а не от своего сотрудника?! Фишер всюду стоял на своём: он действовал по инструкции - доложил об исчезновении Адамовича своему непосредственному куратору. И точка.

Трудно сказать, чем бы всё это обернулось для Вильяма Фишера, если бы через день-другой совершенно случайно не обнаружилось, что капитан Адамович пребывает у себя дома в Москве, что у него лёгкое сотрясение мозга и врачи из поликлиники НКВД прописали ему строгий постельный режим. Выяснилась и подоплёка его таинственного исчезновения. Напившись в ресторане на вокзале г. Черновцы, он ввязался в драку в туалетной комнате и получил сильный удар по голове. В полуобморочном состоянии всё-таки сумел сесть на московский поезд. О своём внезапном решении возвратиться в Москву он почему-то забыл предупредить Фишера или кого-либо из украинских коллег. Но самое страшное - придя в себя в купе поезда, он обнаружил пропажу пакета с секретными фотографиями. По приезде же в Москву не обеспокоился срочно сообщить кому следовало об этом ЧП.

Адамовича строго наказали - уволили из органов госбезопасности. Фишеру же повезло. Он избежал участи вторично подвергнуться незаслуженным репрессиям. Более того, как начальника отделения связи Особой группы его привлекли к обеспечению безопасности исторического парада на Красной площади 7 ноября 1941 года.

* * *

В июле 1941 года Особая группа разработала контрразведывательную операцию «Монастырь». Её цель состояла в том, чтобы проникнуть в агентурную сеть гитлеровских спецслужб на территории Советского Союза и, естественно, ликвидировать её. Операция развивалась настолько успешно, что вскоре переросла в дезинформационную радиоигру стратегического характера. В середине 1942 года радиотехническое обеспечение этой операции было поручено Вильяму Фишеру. Его главнейшая обязанность состояла в том, чтобы не допустить ни малейшей оплошности (а следовательно, провала операции) в работе советских и, главное, перевербованных немецких радистов, поддерживавших двустороннюю связь с гитлеровским абвером.

В августе 1944 года началась ещё одна радиоигра «Березино», которая была логическим продолжением операции «Монастырь». И Фишер опять был задействован, причём не только в своей обычной роли. Когда обведённый вокруг пальца абвер и его кумир Отто Скорцени направляли группы диверсантов на помощь якобы действовавших в тылу советских войск частей вермахта, то на полевых аэродромах посланцев Скорцени встречал в форме немецкого офицера Вильям Фишер. Он же сопровождал их к месту «дислокации». Он же принимал активное участие в их перевербовке. В первую очередь, его интересовали, конечно, абверовские радисты. И он успешно перевербовывал их. Фишер своими конкретными делами подтверждал поговорку «талантливый человек талантлив во всём».

После успешного завершения радиоигр, вошедших в учебники по истории разведки, Вильям Фишер был назначен начальником службы радиоразведки 4-го Управления (бывшей Особой группы) НКВД.

В конце 1946 - начале 1947 годов советские органы госбезопасности подверглись серьёзной реорганизации. Вся внешняя разведка, и политическая, и военная, и научно-техническая, перешли в ведение специально созданного с этой целью Комитета информации во главе с министром иностранных дел В.М. Молотовым. Укомплектовывался же Комитет сотрудниками, работавшими до этого в МГБ и ГРУ, Главном разведуправлении Министерства обороны. При этом возникали коллизии. В частности, МГБ, имевшее свою радиослужбу, решительно настаивало на том, чтобы её по-прежнему возглавлял Фишер. Но руководство Комитета информации (КИ) доказывало, что ему без Фишера не обойтись. В конечном счёте была достигнута договорённость о том, что Фишер возглавит самостоятельный радиоцентр, услугами которого будут пользоваться и МГБ, и КИ. Однако вскоре стало ясно, что это мертворождённая идея.

И вновь вокруг Фишера разгорелись страсти. МГБ согласилось с предложенным КИ вариантом о целесообразности направить Вильяма Генриховича на нелегальную работу за кордон. Однако руководство МГБ настаивало на том, чтобы за кордоном Фишер сконцентрировался на проверке и совершенствовании системы радиосвязи рассредоточенных в

Европе и США разведывательно-диверсионных групп на случай развязывания войны против Советского Союза. Подчёркивая важность этой задачи, руководство МГБ настаивало на нецелесообразности обременять Фишера работой с прочими нелегалами, не подвергать его «неоправданному риску». Точка зрения КИ как раз и сводилась к тому, что Фишер должен быть ориентирован прежде всего на руководство несколькими нелегальными резидентурами, занимавшимися решением важных политических и научно-технических проблем. Прийти к единому мнению сторонам так и не удалось. Тем не менее в конце 1947 года было принято решение о выводе «Марка» (псевдоним Фишера) за кордон с целью оседания в США.

Незадолго до наступления 1948 года из Франции в Канаду с американским паспортом перебрался некто Эндрю Кайотис, который вскоре нелегально пересёк канадско-американскую границу и поселился в нью-йоркском районе Бруклин по документам свободного художника и фотографа Эмиля Роберта Голдфуса. Свою студию он арендовал на Фултон-стрит, 252.

«Марк» прибыл в США в тяжёлое для советской разведки время. Маккартизм, «охота на ведьм», шпиономания, оголтелый антисоветизм - вот с чем он столкнулся в цитадели буржуазной демократии и свободного мира. Набиравшая обороты «холодная война» не только осложняла и без того не простую агентурно-оперативную обетановку, но и сказывалась на настроениях агентуры. Не случайно ещё в Москве «Марка» ориентировали на то, что ему не следует полагаться на прежние источники информации, что необходимо заняться поиском новых конфиденциальных контактов, а попутно проверять тех, с кем советская разведка сотрудничала в 40-х и даже в 30-х годах. Ему предоставили право в каждом конкретном случае самому решать, с кем стоит возобновлять контакт, а с кем - нет.

В декабре 1948 года «Марк» установил связь с супружеской парой Морисом и Леонтиной Коэнами, через которых уже длительное время поступала ценнейшая информация по атомной проблематике. От них он узнал, что американские физики отказываются от дальнейшей передачи атомных секретов. Они вдруг прозрели и отныне смотрят на свои контакты с советскими коллегами как на элементарный шпионаж, а не научное сотрудничество. Исключение составил лишь Теодор Элвин Холл, «Персей», который так же, как и другие учёные Лос-Аламоса, начал сотрудничество с Москвой по причине «озабоченности американской монополией на атомное оружие». После личной встречи с Фишером в Нью-Йорке он ещё некоторое время снабжал Леонтину Коэн секретными сведениями по оружейному плутонию и некоторым другим атомным секретам. Однако затем и он отказался от сотрудничества.

Через ту же Леонтину Коэн «Марку» удалось активизировать работу с агентом «Гербертом», кадровым сотрудником американских спецслужб. Через него, в частности, были получены копия законопроекта президента Г. Трумэна об образовании Совета национальной безопасности и создании ЦРУ, а также текст указания того же Трумэна о передаче ФБР от военной

разведки функций по охране атомных бомб, реактивных самолётов и прочих секретных видов вооружений.

Активность и, главное, результативность усилий «Марка» были по достоинству оценены в Центре. В августе 1949 года он был награждён орденом Красного Знамени.

В сентябре 1950 года верные помощники Фишера супруги Коэны были вынуждены срочно выехать из США по нелегальному каналу в связи с реальной угрозой их ареста. Для Фишера это была серьёзная потеря. Да и Коэны тяжело переживали вынужденную разлуку.

«С «Марком» работать было легко, - вспоминали они позже в Москве. - После нескольких встреч с ним мы сразу почувствовали, как постепенно становимся оперативно грамотнее и опытнее. «Разведка, - любил повторять Абель, - это высокое искусство. Это талант, творчество, вдохновение». Именно таким - невероятно богатым духовно человеком, с высокой культурой, знанием шести иностранных языков и был наш милый Мильт - так звали мы его за глаза. Сознательно или бессознательно, но мы полностью доверялись ему и всегда искали в нём опору. Иначе и не могло быть: как человека в высшей степени образованного, интеллигентного, с сильно развитым чувством чести и достоинства, добропорядочности и обязательности его нельзя было не любить. Он никогда не скрывал своих высоких патриотических чувств и преданности по отношению к России».

Добросовестно выполняя задания Комитета информации, Фишер ни на минуту не забывал и об интересах МГБ. На Западном побережье США им была создана разветвлённая агентурная сеть, объединявшая агентов в Калифорнии и «нелегалов», осевших в Бразилии, Аргентине и Мексике под видом чехословацких эмигрантов. Эта разведывательно-диверсионная сеть в любой момент могла быть задействована для проведения операций по саботажу и диверсий в американских портах на Тихоокеанском побережье, откуда военная техника, амуниция и боеприпасы направлялись на Дальний Восток в помощь китайскому диктатору Чан Кайши и другим проамериканским марионеточным режимам. Когда осенью 1950 года война на Корейском полуострове достигла апогея, группы «Марка», состоявшие из профессионалов-подрывников, были приведены в состояние повышенной боевой готовности. В любой день из Центра могла последовать команда. Ожидание продолжалось два месяца, после чего был дан «отбой».

С аналогичными целями усилиями «Марка» была сформирована ещё одна разветвлённая агентурная сеть, но уже на Восточном побережье США. Её костяк составили немецкие иммигранты, занимавшие солидное положение в тамошнем судостроении. Это обеспечивало прямой доступ ко всей закрытой информации, касающейся режима функционирования всех портов и связанных с ними структур. Более того, из докеров и обслуживающего персонала портов были сформированы бригады подрывников-диверсантов.

Одним словом, если бы «холодная война» между США и Советским

Союзом вдруг переросла в «горячую», акты саботажа и диверсий охватили бы США от Западного до Восточного побережья. «Марк» позаботился бы об этом.

* * *

В 1952 году Фишер стал полноправным гражданином США и обрёл таким образом надёжную «крышу» для ведения разведывательной деятельности. В Москву он сообщил об этом радиограммой, отправленной с одной из трёх конспиративных квартир-радиоцентров, которые он заблаговременно подыскал и оборудовал между Нью-Йорком и Норфолком, в районе Великих озёр и на Западном побережье. Гражданство США позволило Фишеру вполне официально работать свободным художником-фотографом. А отлаженная им личная система связи с Центром освобождала его от необходимости иметь радиста и быть в какой-то мере зависимым от него. Он сам был радистом высочайшего класса. Но в Москве почему-то думали иначе. Там было принято решение направить «Марку» радиста-связника Рейно Хэйханена, финна по происхождению. Что побудило начальника Управления нелегальной разведки А.М. Короткова предпринять этот явно нелогичный шаг, осталось тайной. Но дело было сделано. И именно оно обернулось трагедией.

Прибыв в Нью-Йорк, Хэйханен практически сразу же показал себя пьяницей и нарушителем элементарных норм конспирации. Он не гнушался запускать руку в кассу резидентуры. И вскоре стал элементарным растратчиком. Когда в Центре узнали об этом и решили досрочно отозвать деградировавшего оперативного сотрудника, то было уже поздно. Он переметнулся к американцам и первым делом выдал своего шефа, «Марка», настоящую фамилию которого, к счастью, не знал.

Фишер не доверял своему радисту и не посвящал его в свои дела. В этой связи возникает вопрос: мог ли он избежать ареста? Много лет спустя, уже в Москве, он как-то признался в кругу своих друзей-коллег, что мог бы, видимо, избежать ареста, если бы не решил забрать тридцать тысяч долларов казённых денег, которые были спрятаны на конспиративной квартире в Бруклине. «Я же обязан был отчитаться за них перед Москвой», - смущённо объяснял он, хотя, конечно, прекрасно понимал, что неразумно было возвращаться за деньгами. Но он боялся, что если не вернёт деньги, то его могут заподозрить в том, что он их присвоил.

Фишера арестовали ранним утром 25 июня 1957 года. Один из трёх сотрудников ФБР, проводивших задержание, обратился к нему со словами: «Полковник! Мы знаем, что вы полковник и что вы делаете в нашей стране. Давайте знакомиться. Мы - агенты ФБР. В наших руках достоверная информация о том, кто вы и чем занимаетесь. Лучший для вас выход - сотрудничество с нами. В противном случае - арест».

О том, что ему буквально несколько дней назад присвоили звание «полковник», знал лишь один человек - радист, принявший шифровку об

этом из Москвы. Поэтому Фишеру сразу же стало ясно, кто предал его.

Предложение о сотрудничество он сразу же решительно отверг. После этого чиновники из службы иммиграции арестовали его за нелегальный въезд на территорию США.

* * *

Во время обыска у Фишера были найдены бумаги и ряд предметов, уличавших его в шпионской деятельности. Несмотря на это, он отказывался признать свою принадлежность к советской разведке. Но его беспокоило то, что с помощью предателя Хэйханена ФБР может начать радиоигру с Лубянкой. Поэтому нужно было упредить американцев и проинформировать Центр о случившемся. Но как?

«Я буду давать показания, - заявил он на очередном допросе, но при условии, что вы разрешите мне направить письмо в Советское посольство». Американцы согласились.

Но писать от своего имени Фишер не мог, не имел права. Поэтому он назвался Рудольфом Ивановичем Абелем, с которым его связывали многие годы крепкой мужской дружбы. На службе они были неразлучны. Сослуживцы так и шутили: «Вон два Абеля на обед пошли». Поэтому, присвоив себе имя умершего друга, Фишер знал, что в Центре сразу же догадаются, от кого исходит тревожный сигнал.

Американцы сдержали слово и доставили письмо в консульский отдел Советского посольства. Но там к нему отнеслись сугубо бюрократически. Заглянули в списки находившихся на тот день в США советских граждан и поспешили уведомить американцев о том, что никакого Абеля по консульским учётам не значится. Письмо же подшили к делу. Помогла падкая на сенсации американская пресса, поспешившая оповестить мир об аресте в США советского шпиона Рудольфа Ивановича Абеля. На Лубянке сразу же поняли, о ком идёт речь.

Сдержал своё слово и Фишер. Он дал фэбээровцам показания, в которых заявил: «Я, Рудольф Иванович Абель, гражданин СССР, случайно после войны нашёл в старом сарае крупную сумму американских долларов, перебрался с ними в Данию. Там купил фальшивый американский паспорт и через Канаду в 1948 году въехал в США». Американцы, разумеется, надеялись услышать от арестованного совсем другое.

...По свидетельству сослуживцев, Вильям Фишер «производил впечатление робкого, нерешительного человека. Однако его проницательные, живые глаза, тонкая ироничная улыбка и уверенные жесты выдавали в нём железную волю, острый ум и верность убеждениям». Таким показал он себя на протяжении всего судебного разбирательства, начавшегося 14 октября 1957 года в Федеральном суде Восточного округа Нью-Йорка.

В деле №45094 «Соединённые Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля» выдвигались обвинения по трём пунктам: заговор с

цель передачи Советскому Союзу атомной и военной информации (предусмотренное наказание - смертная казнь); заговор с целью сбора подобной информации (10 лет тюремного заключения); пребывание на территории США в качестве агента иностранной державы без регистрации в госдепартаменте (5 лет тюремного заключения).

Наблюдавший за процессом американский публицист И. Естен признал, что «в течение трёх недель Абеля пытались перевербовать, обещая ему все блага жизни. Когда это не удалось, его начали пугать электрическим стулом. Но и это не сделало русского более податливым. На вопрос судьи, признаёт ли он себя виновным, он не колеблясь отвечал: «Нет!» От дачи показаний Абель отказался».

С весьма примечательной речью выступил на суде адвокат Абеля Джеймс Бритт Донован. «Давайте предположим, - заявил он, обращаясь к присяжным, - что этот человек является как раз тем, кем его считает правительство. Это означает, что, служа интересам своей страны, он выполнял чрезвычайно опасную задачу. В вооружённых силах нашей страна мы посылаем с такими заданиями только самых храбрых и умных людей. Вы слышали, как каждый американец, знакомый с Абелем, невольно давал высокую оценку моральных качеств подсудимого, хотя и был вызван с другой целью».

Не оставил без внимания он и главных свидетелей обвинения: предателя Хэйханена и сержанта Роудса, который, служа в охране американского посольства в Москве, был завербован КГБ, а затем разоблачён ФБР.

«Хэйханен, - заявил Донован, - ренегат с любой точки зрения. Вы видели, что он собой представляет: ни на что не годный тип, предатель, лжец, вор. Самый ленивый, самый неумелый, самый незадачливый агент... Был перед вами и сержант Роудс. Все вы видели, что это за человек: распущенный, пьяница, предатель своей страны. Он никогда не встречался с Хэйханеном. Никогда не виделся с подсудимым. В то же время он подробно рассказал нам о своей жизни в Москве, о том, как всех нас продавал за деньги. А какое это имеет отношение к подсудимому?

И вот, на основе такого рода свидетельских показаний, нам предлагают вынести в отношении Абеля обвинительный приговор. Возможно, отправить в камеру смертников. Прошу вас, присяжных, помнить об этом, когда вы будете обдумывать ваш вердикт».

Присяжные признали Абеля виновным. Ему грозила смертная казнь. Однако судья, вынося окончательный приговор, определил наказание в 32 года тюремного заключения с содержанием в Федеральной тюрьме Атланты.

Замена смертной казни на длительный срок тюремного заключения объяснялась, судя по всему, тем, что в Вашингтоне поняли, что судят далеко не ординарного шпиона, и прислушались к совету адвоката Абеля Джеймса Б. Донована. «Вполне возможно, - заявил он, выступая в суде, - что в обозримом будущем американец подобного ранга будет схвачен в

Советской России или союзной с ней стране. И тогда обмен заключёнными, организованный по дипломатическим каналам, мог бы быть осуществлён как отвечающий национальным интересам Соединённых Штатов».

...Вскоре после того, как Абель «обжился» в отведённой ему тюремной камере и начал удивлять тюремное начальство и остальных заключённых своими рисунками и картинами, им заинтересовался шеф ЦРУ Аллен Даллес. Результатом их встречи была отмена запрета Абелю переписываться со своей семьёй, а также сенсационное признание присутствовавшего на встрече Дж. Донована в том, что при прощании Даллес шепнул ему на ухо: «Мне бы хотелось, чтобы у нас были в Москве три-четыре таких, как Абель».

* * *

10 февраля 1962 года на мосту Глинике, разделявшем Берлин на Западный и Восточный сектора, Рудольф Иванович Абель был обменен на Фрэнсиса Гарри Пауэрса, пилота американского разведывательного самолёта У-2, сбитого советской ракетой 1 мая 1960 года под Свердловском.

Вильям Генрихович Фишер был тепло встречен своими коллегами. После долгих лет разлуки он увидел свою жену и уже взрослую дочь. В их дружной семье воцарились радость и счастье. У Фишера началась новая жизнь. Не нужно было ломать голову с поиском конспиративных квартир и переоборудованием их в секретные радиоцентры. Ушли в прошлое тайные встречи с агентурой, приём от неё и срочная передача в Центр разведывательной информации и многое-многое из того, что неизбежно присутствовало в его жизни за кордоном, что делало её «высоким искусством, творчеством, вдохновением». Новая жизнь в Центре без постоянного напряжения, без стрессов и перегрузок была настолько непривычной, что тяготила его. Не случайно в узком кругу коллег он сетовал на то, что теперь его используют в качестве музейного экспоната, а настоящей работы нет.

Почётный чекист, кавалер орденов Ленина, Красного Знамени (трижды), Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и многих медалей, Вильям Генрихович Фишер скончался 15 ноября 1971 года в Москве в возрасте 68 лет и был похоронен на Донском кладбище.

Он был из того же материала, что и Рихард Зорге

«Меня уже давно интересовало, почему Фукс, живший как признанный учёный и член ЦК СЕПГ в Дрездене, с тех пор, как в 1959 году был выпущен из английской тюрьмы, всегда уклонялся от ответов на вопросы о своей разведывательной деятельности. Я никак не мог смириться с мыслью, что человек такого необычного жизненного пути унесёт с собой свой опыт».

Автора этих строк, Маркуса Вольфа, понять нетрудно. Величайшего разведчика XX века Маркуса Вольфа тянуло к знакомству с опытом разведывательной деятельности своего соотечественника. Ведь в Англии и США физика-атомщика Клауса Фукса окрестили «величайшим шпионом в мировой истории», «человеком, сокрушившим могущество Америки» и получившим за это четырнадцать лет тюрьмы. Правда, после девяти с половиной лет отсидки англичане сочли возможным досрочно выпустить его на свободу за «примерное поведение». С тех пор, с июня 1959 года, он не сказал ни единого слова о своём шпионском прошлом.

Разумеется, это-то как раз и не могло не заинтриговать шефа внешней разведки Германской Демократической Республики, по праву считавшейся одной из лучших в мире. «Человек без лица», как называла Маркуса Вольфа западная пресса, никак не мог согласиться с тем, что опыт Фукса, не научный, а разведывательный, останется для него «терра инкогнита». Выход был лишь один - разговорить молчуна-учёного. Но как? Ведь этого ещё никому не удавалось.

...Клаус Фукс, немец, родился 29 декабря 1911 года в семье доктора богословия, протестанта Эмиля Фукса в провинциальном городке Рюсельхейме, поблизости от Дармштадта. Окончив местную среднюю школу, Клаус продолжил своё образование в Лейпцигском университете. В 1931 году вместе с двумя сёстрами и братом вступил в ряды коммунистической партии Германии. Приход в 1933 году к власти нацистов, за которым последовали запрет компартии и массовые аресты её активистов, вынудили его сестру Елизавету и брата Герхарда бежать в Чехословакию, а младшую сестру Кристель - искать спасение за океаном, в США. Сам Клаус эмигрировал во Францию, а затем в Англию.

В Бристоле ему протянул руку помощи преуспевающий промышленник Рональд Ган, который не только приютил его, но и устроил аспирантом в лабораторию учёного-физика Невилла Мотта. Это во многом определило дальнейший жизненный путь Клауса Фукса.

В декабре 1936 года он защитил докторскую диссертацию и приступил к научной деятельности в Эдинбурге, в лаборатории профессора Макса Борна.

Там из-под его пера вышло несколько научных трудов, снискавших ему известность в научных кругах Европы. Плодотворное сотрудничество с профессором Борном оказалось, к сожалению, непродолжительным. Макс Борн наотрез отказался участвовать в разработке секретного проекта создания атомной бомбы, назвав её «изобретением дьявола». У Фукса, как учёного, были на этот счёт иные взгляды.

Успешно начатая карьера учёного-физика чуть было не оборвалась в мае 1940 года - нависшая над Туманным Альбионом реальная угроза гитлеровской агрессии побудила Лондон интернировать, к счастью ненадолго, немца Клауса Фукса в Канаду, в специальный лагерь в Квебеке. Но на помощь ему пришли друзья, учёные сразу нескольких научно-исследовательских центров Англии. В итоге в конце декабря 1940

года опальный немец возвратился на берега Туманного Альбиона и подключился к разработке проекта «Tube alloys» - «Трубный сплав». За этим малопонятным названием скрывался план создания в течение ближайших двух лет атомной бомбы. Такая задача была поставлена английским правительством перед учёными-физиками.

В рамках проекта «Трубный сплав» были сформированы четыре независимых друг от друга научно-исследовательских коллектива. В один из них, Бирмингемский, попал Клаус Фукс. Именно там, в Бирмингеме, засверкали грани его таланта: при расчёте энергетического потенциала атомной бомбы и при решении проблемы расщепления изотопов с целью получения чистого урана-235. А затем произошло, на первый взгляд, нечто необъяснимое.

«Я в конце 1941 года, - вспоминал впоследствии сам Фукс, - связался с одним товарищем, который, как я предполагал, мог передать имевшуюся у меня информацию советским представителям». Товарищем, с которым связался Фукс, оказался Юрген Кучински, старший сын известного немецкого учёного-экономиста Рене Роберта Кучински.

Семья Кучински, опасаясь преследований со стороны пришедших к власти нацистов, вынуждена была покинуть Германию и обосноваться в Лондоне. Здесь Рене Кучински обзавёлся обширными связями в политических и научных кругах, отдавая предпочтение приверженцам Лейбористской партии. Его же сын Юрген и дочь Рут ещё в Германии связали свои судьбы с коммунистическим движением.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что Клаус Фукс обратился к своему давнему другу-единомышленнику.

«Вначале, - свидетельствует Юрген Кучински, - я связал его с одним товарищем из советского посольства, а затем, когда этот контакт в силу различных обстоятельств прервался, я связал его с «Соней». Таким образом, я дважды связывал его с советскими представителями. То, что он, обладая такой важной информацией, сам решил передать её Советскому Союзу, показалось мне совершенно правильным и необходимым в той ситуации».

Так же, как и Юрген Кучински, сам Клаус Фукс ни разу за всю жизнь не проговорился о том, по каким таким причинам прервался его первый контакт с советским посольством. Вот всё, что было сказано им по этому поводу: «Мне сообщили лондонский адрес, который стал моей явочной квартирой. Позднее был найден более конспиративный метод организации этих встреч: в определённое время я должен был встречаться с другим товарищем, на этот раз женщиной, причём каждый раз мы обговаривали и назначали новые места встреч, включая соответствующие опознавательные признаки».

Именно этой женщине он передал исчерпывающую информацию о «Трубном сплаве». Юрген Кучински назвал её «Соней». Это был оперативный псевдоним его родной сестры Рут, в то время уже сотрудницы ГРУ - Главного разведывательного управления Генштаба

Красной Армии.

Прежде чем объявиться в Лондоне, Рут Кучински, она же Рут Вернер, Урсула Кучински, Рут Бертон, Рут Брюер, Мария Шульц, прошла блестящую практическую школу разведывательного мастерства, азы которого преподавал ей в Шанхае Рихард Зорге. Он-то и вовлёк её в беспокойную, опасную, но удивительно интересную жизнь нелегального разведчика. Затем в Москве она овладевала морзянкой, теорией радиодела, премудростями монтажа и демонтажа шпионской радиотехники и т.д. и т.п. Ей посчастливилось работать не только с Зорге, но и с Фредом Штерном, знаменитым в Испании периода Гражданской войны «генералом Клебером», а также с легендарным Шандором Радо, руководителем «Доры», одной из самых действенных резидентур советской военной разведки в годы Великой Отечественной войны. География её разведывательного пути выглядела так: Шанхай - Мукден - Пекин - Краков - Катовице - Данциг - Закопане - французская Швейцария - Женева и теперь - Лондон. Рядом с семьёй, с родителями и братом.

По признанию самого Фукса, Рут была самой симпатичной из всех его связников. Как правило, они выезжали на велосипедах в лес, там он передавал ей из рук в руки письменную информацию - копии его собственных исследований или запечатлённые его фотографической памятью сведения об общем проекте «Трубный сплав».

Значительно позже, в беседе с Маркусом Вольфом, Рут призналась, что как-то из чисто женского любопытства взглянула на полученные после одной из очередных встреч бумаги и почувствовала, что значит быть полнейшим профаном, - ничего не поняла, как она выразилась, в формулах и «иероглифах» Фукса, написанных чрезвычайно мелким почерком.

В 1942 году Её Величество королева Великобритании дарует немцу Клаусу Фуксу британское подданство. Вызвано это было тем, что Роберт Оппенгеймер лично просил англичан включить Фукса в состав группы физиков-ядерщиков, приглашённых участвовать в «Манхэттенском проекте».

И вскоре «Соня» уведомила Москву о том, что её подопечный дал согласие на участие в «Манхэттенском проекте» и скоро отправится в США. Москва не промедлила с ответом: через «Соню» были переданы Фуксу пароль и подробные инструкции о том, где и как он сможет установить связь с резидентурой в Нью-Йорке.

Там его принял на связь советский агент «Раймонд» - Гарри Голд, который все материалы, передаваемые Фуксом, доставлял сотруднику резидентуры Анатолию Яцкову.

Регулярная связь с Фуксом продолжалась пять месяцев, после чего он пропал. Его младшая сестра Кристель, осевшая в США ещё в 1933 году, известила Гарри Голда о том, что её брату пришлось срочно покинуть Нью-Йорк и выехать на юго-запад США. Более точного адреса он не оставил.

Юго-западом США оказался небольшой провинциальный городишко Лос-Аламос, где в условиях строжайшей секретности трудились, не покладая рук, сорок пять тысяч участников «Манхэттенского проекта»: учёные с мировым именем, включая двенадцать лауреатов Нобелевской премии, опытнейшие инженеры и техники, высококвалифицированные рабочие. Администрацию этого огромного коллектива возглавлял американский генерал Гровс, надменно утверждавший, что вверенное ему хозяйство окружено настолько плотной завесой секретности, что в Лос-Аламос ни одна живая душа, даже мышь, не проникнет. «Манхэттенский проект» действительно был окружён невиданной дотоле тайной. Достаточно сказать, что даже вице-президент США Гарри Трумэн ничего не знал о работах в Лос-Аламосе. Исключением была лишь Москва.

Исчезнувший Фукс дал знать о себе в январе 1945 года, передав связнику детальные расчёты, размеры и чертежи «Бэби», как американцы окрестили к тому времени первое в мире «изобретение дьявола». Связник, выполняя указание Центра, заикнулся во время контакта с Фуксом о денежном вознаграждении. Реакция Фукса была мгновенной и однозначной: никогда впредь не заводить разговор на эту тему.

В июне и сентябре 1945 года Клаус Фукс вновь вышел на связь, передав важнейшую информацию о результатах испытаний «Бэби» и усовершенствовании урановой и плутониевой бомб.

После окончания Второй мировой войны работы в Лос-Аламосе не только не свернулись, но, наоборот, интенсифицировались - решались задачи по усовершенствованию атомной и созданию водородной бомбы. В этих проектах Клаус Фукс принимал активнейшее участие. А значит, и Москва была в курсе всего того, что делалось в секретнейшем Лос-Аламосе.

В Лос-Аламосе Фукс пользовался непререкаемым авторитетом. По этому поводу Ганс Бете, руководитель теоретического отдела «Манхэттенского проекта», высказался следующим образом: «Он - один из наиболее ценных людей моего отдела. Скромный, талантливый, трудолюбивый, блестящий учёный, внёсший большой вклад в успех Манхэттенской программы».

Клаус Фукс покинул США в июне 1946 года по причине противоречий, возникших между Лондоном и Вашингтоном. Англичане вздумали создать собственную атомную бомбу. Американцы же вроде бы и не возражали, но делиться секретами явно не желали. Тогда англичане отозвали из Лос-Аламоса своих наиболее сведущих специалистов. Одним из первых в списке отзываемых значился Клаус Фукс.

В Англии его назначили начальником отдела теоретической физики Научно-исследовательского атомного центра в Харуэлле. И одновременно ввели в состав практически всех ведущих профильных комитетов и комиссий, включая Комиссию по противоатомной обороне Великобритании.

На другом, разведывательном, участке деятельности Клауса Фукса

принципиальных изменений не произошло. Его принял на связь сотрудник лондонской резидентуры Александр Феклисов. План каждой их встречи готовился и утверждался в Москве. В нём учитывались пожелания советских учёных-атомщиков. И это не ускользало от внимания проницательного Фукса. Делясь своими догадками со связником, он неоднократно замечал, что, судя по вопросам, на которые его просят дать ответы, советские учёные - на пороге создания собственной атомной бомбы. При этом, подчёркивал, что очень рад этому, поскольку «атомный баланс» будет способствовать упрочению всеобщего мира.

После успешного взрыва первой советской атомной бомбы Клаус Фукс по существу прекратил своё секретное сотрудничество с советской разведкой, посчитав, видимо, что «мавр сделал своё дело» - значит, «мавр может удалиться». Но открыто об этом он никогда и никому не говорил.

В 1950 году он был арестован английской контрразведкой. Похоже, роковая ниточка протянулась к нему после предательства в Оттаве осенью 1945 года шифровальщика канадской резидентуры ГРУ И. Гузенко.

Американские и английские спецслужбы, немало удивлённые тем, с какой быстротой Советский Союз сумел обзавестись собственной атомной бомбой, стали прорабатывать версию об утечке «атомных секретов» из Лос-Аламоса. Предатель-шифровальщик внёс в это свою лепту. Началась цепочка арестов тех, кто так или иначе подозревался в «атомном шпионаже». Первой жертвой стал британский физик-атомщик Алан Нан Мэй. Летом 1949 года появились дела Этель и Джулиуса Розенбергов. Тогда же, в сентябре 1949 года, пало подозрение на Клауса Фукса. На основании данных Ю. Гузенко английская контрразведка сумела выйти на след сестры Фукса Кристель - она несколько раз встречалась в Нью-Йорке с «неизвестными лицами». Это и послужило основанием для того, чтобы Фукс был взят в активную оперативную разработку.

По личному указанию премьер-министра Великобритании Эттли контрразведчики приступили к интенсивным допросам Фукса. Примечательно, что официально его не отстранили от работы в научно-исследовательском центре в Харуэлле. Но его коллеги были осведомлены о том, что его допрашивают в связи с подозрениями в «атомном шпионаже». А это создавало ситуацию психологического давления на Фукса со стороны коллег, со многими из которых он поддерживал дружеские отношения.

Контрразведчикам, однако, не удалось на следовавших один за другим допросах поймать подследственного в хитроумно расставленные ловушки и получить конкретные доказательства его вины. Ведущий сотрудник МИ-5 Скардон, непосредственно занимавшийся делом Фукса, уже склонялся к тому, чтобы снять с подследственного все обвинения, когда заместитель директора центра в Харуэлле Скиннер вызвался переговорить со своим другом Фуксом с глазу на глаз. Скиннер попросил Фукса откровенно сказать, есть ли всё-таки какие-то основания для подозрений, но если таковых нет, то все коллеги по работе, включая самого Скиннера, будут на его стороне. Фукс не смог солгать другу и

сказать твёрдое «нет». Это его и погубило.

13 января 1950 года он попросил встречи со Скардоном, которому признался в том, что передавал Советскому Союзу секретные сведения по атомной бомбе.

2 февраля Фукс был арестован. Ему было предъявлено официальное обвинение в шпионаже в пользу Советского Союза. А 1 марта состоялся суд. Единственным свидетелем на суде выступал Скардон. Присяжные не приглашались. Вся процедура заняла не более полутора часов.

Фукс, по его словам, ожидал смертной казни и был готов принять её. Но с учётом того, что он передавал атомные секреты не врагу, а союзнику по антигитлеровской коалиции, суд приговорил его к 14 годам лишения свободы.

Реакция Москвы сводилась к разработанному для подобных случаев трафарету: «Фукс неизвестен Советскому правительству, и никакие «агенты» Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

И только после смерти учёного Москва признается в том, что отец советской атомной бомбы академик Игорь Курчатов смог отказаться от длительных поисков и сконцентрироваться на том, что было успешно апробировано в Лос-Аламосе. Сорок лет спустя после успешного испытания первой советской атомной бомбы в казахстанской степи 29 августа 1949 года советские физики-атомщики признали, что без помощи Клауса Фукса монополия Вашингтона на атомное оружие не была бы разрушена так быстро, как это произошло.

После освобождения из английской тюрьмы Фукс получил завидные предложения работать во многих ведущих университетах США, Англии, Канады и ФРГ. Но он сразу же перебрался в ГДР.

26 июня 1959 года он стал гражданином Германской Демократической Республики. Был назначен заместителем директора института ядерной физики, активно включился в общественно-политическую жизнь своей родины. Был избран членом Академии наук ГДР, членом ЦК СЕПГ, удостоен ордена Карла Маркса и государственной премии как признания его научного таланта. Наконец, обзавёлся семьёй и счастливо в ней жил.

Он скончался 28 февраля 1988 года и был похоронен с почестями. Правда, среди многочисленных наград, которые несли на красных подушечках участники траурной церемонии, почему-то не было ни одной советской.

...А Маркусу Вольфу всё же удалось разговорить Клауса Фукса. Это случилось за несколько лет до его кончины. Как признаётся сам Вольф, «Эрих Хонеккер лично обратился к нему и попросил его побеседовать со мной».

Что же нового почерпнул шеф штази из разведывательного опыта Фукса? Каким показался ему сам учёный?

«Своей манерой говорить, - свидетельствует Маркус Вольф, - всем своим поведением Клаус Фукс никак не соответствовал расхожим представлениям о преуспевшем шпионе. Высокий лоб, внимательные глаза в очках без оправы смотрят вдумчиво после каждого вопроса, усиливая впечатление, что перед вами типичный учёный. А такое впечатление он производит с первого взгляда. Его глаза начинают блестеть, когда Фукс говорит об основах теоретической физики, о квантовой теории или о математических расчётах колебаний при взрыве плутониевой бомбы. Он был исследователем до мозга костей»...

«Я никогда не рассматривал себя как шпиона, - сказал мне Фукс, - я только не мог понять, почему Запад не может поделиться атомной бомбой с Москвой. А считал, что что-то от такого ужасного потенциала уничтожения должно быть в равной мере доступно великим державам. То, что одна сторона станет угрожать этим оружием другой, казалось мне просто ужасным. Это походило бы на то, как если бы великан стал топтать лилипутов. Я никогда не считал себя виноватым, предоставляя Москве секретные сведения. Если бы я этого не сделал, это было бы непростительной ошибкой»...

«Фукс был из того же материала, что и Рихард Зорге, Харро Шульце-Бойзен, Ким Филби и многие другие, которые свои знания и способности поставили на службу Советскому Союзу, так как в этом они видели возможность победить «третий рейх» и оказать решающую помощь СССР и его союзникам во Второй мировой войне. На нашем профессиональном языке люди, которые работали на службу разведки из идеализма и глубоких политических убеждений, именовались не шпионами, а разведчиками. Фукс был для меня разведчиком, хотя он и не имел никакой специальной подготовки, почти никакого опыта и, конечно, необходимой закалки для этой трудной работы».

Тезис о том, что он не был обычным шпионом, Клаус Фукс подтверждал своими практическими делами: он передавал советской разведке секретную информацию лишь о том, к чему сам имел прямое отношение, о той работе, которой непосредственно, лично, занимался. «Чужих секретов», как он сам выражался, он не выведывал и не ставил перед собой такой цели. Он просто активно использовал свой научный потенциал и практический опыт для того, чтобы у Советского Союза как можно быстрее появилось своё «изобретение дьявола».

По словам Маркуса Вольфа, его поразил тот факт, что Фукс в своей разведывательной работе пользовался «почти невероятным» по своей простоте способом для передачи секретной информации. Он встречался с советскими разведчиками так же, как когда-то в студенческие годы проводил нелегальные встречи со своими единомышленниками - членами запрещённой гитлеровцами коммунистической партии Германии. И порой удивлялся тому, что «русские профессионалы вели себя совершенно необычным образом: один из них постоянно оглядывался, нет ли за ним хвоста». Больше других связников ему импонировала Рут Кучински.

По мнению Маркуса Вольфа, Москва никогда не подтверждала

ценности информации, передававшейся Фуксом, и десятилетиями делала вид, что советская разведка якобы имела наряду с Фуксом и других атомных шпионов.

«То, что Советский Союз не выразил ему ни слова благодарности, - утверждает Маркус Вольф, - я объясняю тем, что в Москве с самого начала подозревали его в том, что он привёл в движение цепь предательства. Если бы там были лучше осведомлены, им было бы слишком мучительно сознаться в своей ошибке и извиниться перед Фуксом».

Такой вот горький упрёк адресовал Лубянке, да и всему советскому руководству шеф легендарной штази.

«Двойной агент»

В феврале 1943 года на Лубянку поступил сигнал о том, что в Генеральном штабе Красной Армии действует немецкий агент, имеющий доступ к сверхсекретным материалам стратегической важности. Сигнал передали сначала из Парижа, а несколько дней спустя - из Лондона. В Париже чекисты-«нелегалы» узнали об этом от проверенного агента полковника Шмита, руководящего сотрудника шифровальной службы абвера - военной разведки сухопутных сил Германии. А в Лондоне - предупреждение о «кроте» исходило от «Сикрет Интеллидженс Сервис», которая благодаря дешифровальной машине «Enigma» контролировала каналы связи гитлеровских спецслужб и время от времени делилась информацией, правда уже отредактированной, со своими советскими коллегами.

Через месяц, в марте 1943 года, этот тревожный сигнал подтвердил Энтони Блант, один из членов легендарной «кембриджской пятёрки». «У немцев в Москве, - сообщил он, - есть важный источник информации в военных кругах». Наконец, сам Уинстон Черчилль, британский премьер тех лет, посчитал необходимым лично уведомить Сталина о том, что «в штабе Красной Армии действует немецкий шпион».

Как же отреагировали на это в Москве? Какие меры были предприняты для того, чтобы как можно скорее обнаружить и обезвредить опасного немецкого шпиона? Никаких!!!

Но ведь шпион-то был и действовал?! В своих мемуарах «Лабиринт» Вальтер Шелленберг, шеф внешней разведки Службы имперской безопасности рейха, пишет, что этот «ценнейший агент служил в штабе Рокоссовского офицером связи. Он был настроен антисоветски и ненавидел Сталина за то, что подвергся репрессиям в 30-х годах и сидел два года в тюрьме».

Так чем же всё-таки объяснялось бездействие Лубянки?

Александр Петрович Демьянов родился в 1910 году в именитой дворянской семье. Его прадед, Антон Головатый, вошёл в историю России как первый атаман Кубанского казачьего войска. А отец, есаул казачьих войск, пал смертью храбрых за царя и отечество в 1915 году. Дядя же,

младший брат отца, был непримиримым врагом Советской власти, в годы Гражданской войны возглавлял белогвардейскую контрразведку на Северном Кавказе. Чекистам удалось пленить его и как «очень важную птицу» препроводить в Москву. Но до первопрестольной он не дотянул - скончался от тифа в железнодорожном вагоне.

Его мать, княгиня Александра, выпускница Бестужевских курсов, слыла красавицей в аристократических кругах Санкт-Петербурга. После того как власть перешла к большевикам, ей неоднократно поступали приглашения эмигрировать во Францию. В частности, от лично знавшего её генерала Улагая, одного из лидеров той части белогвардейской эмиграции, которая в 1941-1945 годах открыто сотрудничала с нацистами. Не поддавшись на уговоры генерала и прочих, княгиня Александра предпочла остаться в Петрограде.

При такой родословной Александр Демьянов просто не имел права на получение в России высшего образования, но попытку такую всё же предпринял. Утаив сведения о своих корнях, он поступил в Петроградский политехнический институт. Но как только вскрылось его «непролетарское происхождение», был с позором изгнан оттуда. Несостоявшийся студент переквалифицировался в заурядного электрика, правда, ненадолго.

В 1929 году его привлекли к сотрудничеству чекисты, окрестив агентурной кличкой «Гейне». Оценив личные качества нового агента и оперативные возможности по линии родственных связей и знакомств в эмигрантских кругах, чекисты сразу же выделили его из когорты рядовых осведомителей и стали готовить к серьёзной разведывательной работе. Перевели из Ленинграда в Москву. Устроили инженером-электриком на киностудию «Мосфильм», где он вскоре стал своим человеком среди кинорежиссёров, драматургов, композиторов и писателей. У него, в частности, сложились близкие отношения с самим Михаилом Роммом. Популярности «Гейне» в мире кино способствовали его приятная внешность, благородные манеры, умение быть интересным собеседником.

Выделенную ему в коммуналке, правда в центре Москвы, комнату он делил с одним из актёров МХАТа. Он прекрасно использовал это, чтобы проникнуть в театральную среду, где обзавёлся широким кругом знакомств.

И всё же главным козырем, предоставленным ему Лубянкой, была собственная лошадь. Тогда это было редкостью и воспринималось как роскошь, многим недоступная. Именно на лошадь «клюнули», помимо представителей «богемы», иностранные дипломаты и корреспонденты, многие из которых были завсегдатаями ипподрома.

«Гейне» ни от кого не скрывал своего дворянского происхождения. При этом всё, что он говорил о себе, можно было без особого труда проверить в среде русской эмиграции в Париже, Белграде и Берлине. На это и делали ставку чекисты, которые очень бережно относились к своему талантливому агенту. Встречались с ним крайне редко, предпочитая со стороны, терпеливо наблюдать, как он выполняет поставленную перед

ним задачу - привлечь к себе внимание представителей иностранных разведок, работающих под дипломатическим или журналистским прикрытием.

Наконец произошло то, что и должно было произойти. Сотрудники посольства Германии, в том числе установленные разведчики, всерьёз заинтересовались «Гейне». Наиболее активно и целенаправленно проявлял себя сотрудник экономической секции, который стал регулярно встречаться с ним. И вот однажды немец как бы невзначай назвал в разговоре с «Гейне» несколько фамилий из числа тех, кто ещё с дореволюционных времён числился в друзьях семейства Демьяновых. «Гейне» пропустил это мимо ушей - ему было предписано не реагировать на попытки немца «прощупать» его, заставить раскрыться и тем самым дать повод для вербовочного предложения о сотрудничестве с немецкой разведкой. О том, что именно эту цель преследовал немец, стало известно из опубликованных после войны мемуаров Рейнхарда Гелена «Служба, воспоминания 1942-1971 годов». Шеф военной разведки генштаба сухопутных войск Германии констатировал, что после этой беседы Александр Демьянов был поставлен на оперативный учёт в абвере под кодовым именем «Макс».

Не осталась эта беседа и без внимания чекистов: в агентурном деле «Гейне» появилась специальная пометка о том, что агент будет одним из первых, кем заинтересуется абвер в случае войны между Советским Союзом и Германией.

Сам же Александр Демьянов, ничего не ведая о том, какие виды на него имеют немцы, да и чекисты, записался на второй день войны добровольцем в кавалерийскую часть Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). Но на фронт не попал. Его направили в распоряжение Особой группы (четвёртое Управление НКВД). А в декабре 1941 года, после соответствующей спецподготовки, он перешёл линию фронта и объявился перед гитлеровцами в качестве эмиссара глубоко законспирированной антисоветской и прогерманской организации «Престол», созданной, конечно, усилиями Лубянки с чисто контрразведывательными целями: внедрение в действующую на территории Советского Союза агентурную сеть абвера, а также обезвреживание регулярно забрасываемых в советский тыл новых групп разведчиков-диверсантов.

Немцы с недоверием отнеслись к перебежчику, тем более, что он пришёл к ним на лыжах по заминированному полю. Справедливости ради следует отметить, что сам Демьянов даже не подозревал, что шёл по минам и чудом уцелел. А зацикленные на конспирации чекисты попросту забыли поинтересоваться, что представляет собой тот участок фронта, на котором они осуществили вывод агента в расположение противника. За их оплошность пришлось отдуваться агенту.

Прифронтовая группа немецких контрразведчиков долго и пристрастно допрашивала «Гейне». Не обошлось и без инсценировки расстрела, дабы заставить его признаться в сотрудничестве с НКВД. Затем Демьянова этапировали в Смоленск, где им занялись сотрудники

абвера из штаба «Валли». Но и у этих многоопытных контрразведчиков недоверие к перебежчику постепенно менялось на возраставшую уверенность в том, что он тот, за кого себя выдаёт. Окончательно же ему поверили после того, как о нём навели справки в белоэмигрантских кругах Парижа и Берлина, а главное - получили сведения о том, что Демьянов - это тот самый «Макс», которого не успели завербовать в Москве ещё до начала войны.

После обучения шпионскому ремеслу в специальной школе абвера под Смоленском «Макс» с двумя помощниками в феврале 1942 года был заброшен на парашюте через линию фронта с заданием осесть в Москве и, используя возможности «Престола», приступить к созданию разветвлённой сети агентов-диверсантов для организации саботажа и диверсий на железных дорогах, а также для внедрения своих людей-информаторов в руководящие структуры Красной Армии.

Добравшись до Москвы, Демьянов сразу же связался с Лубянкой, а затем доложил по радиосвязи своим новым хозяевам о том, что прибыл к месту назначения и приступил к выполнению поставленных перед ним разведывательных заданий. В его распоряжении были два радиопередатчика, которыми его снабдили абверовцы. Один должен был быть развернут в Москве, другой - на периферии. Последний вскоре замолчал. Зато первый заработал, что называется, на полную катушку. Поначалу информация от «Макса» принималась в Вене. Но к концу 1942 года «приёмный пункт» был передвинут в Софию. Это было сделано с целью зашифровки места нахождения источника информации: из Москвы в Софию, оттуда - в Вену и наконец - в Берлин, в штаб-квартиру абвера.

На Лубянке потирали от удовлетворения руки - контрразведывательная операция удалась. С помощью «Гейне» было обезврежено более пятидесяти диверсантов, включая двух его помощников. Некоторые из арестованных были перевербованы и стали работать на НКВД. Им предоставлялась возможность возвращаться через линию фронта к немцам и докладывать там об успешной деятельности «Макса» и его группы. Подтверждение этому немцы находили в появлявшихся время от времени сообщениях в советской прессе о вредительстве и диверсиях на железнодорожном транспорте. Подобные сообщения, разумеется, инспирировались Лубянкой.

Кроме того, усилиями той же Лубянки «Макс» был назначен на должность офицера связи в Генштаб Красной Армии. Так что и в абвере не менее энергично, чем на Лубянке, потирали от удовлетворения руки.

* * *

Разведчику строжайше запрещено делиться сведениями о выполняемой им работе с кем бы то ни было, включая ближайших родственников и даже жену. Таков суровый закон этой службы. Для Александра Демьянова было сделано исключение.

Дело в том, что его жена, Татьяна Березанцова, ассистент режиссёра на «Мосфильме», была довольно популярной личностью в мире кино. А о

тесте, профессоре Березанцове, и говорить не приходится. Получив ещё при царе медицинское образование в Германии, он как врач сумел завоевать высокий авторитет как у «белых», так и у «красных». Свободно изъясняясь на французском, немецком и английском, он поддерживал широкий круг знакомств в высшем свете Санкт-Петербурга, в том числе и с иностранцами. Многие влиятельные деятели белоэмиграции были лично знакомы с ним. «Красные» также отнеслись к нему с уважением - у них он стал ведущим консультантом в кремлёвских клиниках. Более того, в порядке исключения ему, одному из немногих, была разрешена частная практика, позволившая обзавестись пациентами и среди представителей дипкорпуса.

Эти обстоятельства и побудили чекистов пойти на риск и раскрыть перед Татьяной Березанцовой и её отцом разведывательную деятельность Александра Демьянова. С согласия профессора его московская квартира стала использоваться как одна из явочных квартир подпольной антисоветской организации «Престол», а затем и для контактов «Макса» с курьерами абвера. Неоценимую роль при этом играла Татьяна Березанцова, которая в роли хозяйки квартиры принимала немецких диверсантов. Она умудрялась во время застолья подмешивать им спецтаблетки в водку или чай. Пока они под воздействием снотворного пребывали в глубоком сне, специалисты с Лубянки обезвреживали их оружие и взрывные устройства, яды и прочие «игрушки». Случалось, правда, и так, что для гостей, отличавшихся отменным здоровьем, спецтаблетки оказывались недостаточно эффективными и те пробуждались раньше предполагаемого времени. И только находчивость хозяйки позволяла в подобных случаях избежать провала.

* * *

Не зря говорят, что аппетит приходит во время еды. Нечто подобное ощутили на себе и организаторы «Престола». И тогда из чисто контрразведывательной эта операция стала превращаться в крупномасштабную радиоигру по дезинформации противника. Соответствующая санкция была получена Лубянкой на самом верху.

Основным действующим лицом оставался Александр Демьянов, «Гейне» - «Макс». Передаваемая им абверу информация, а точнее - дезинформация, тщательно готовилась в руководстве Оперативного управления Генштаба Красной Армии. Затем не менее тщательно просматривалась и визировалась начальником Главного разведуиравления Генштаба. Лишь после этого поступала в НКВД, где к ней прилагалась легенда её получения «Максом». Наконец «Гейне»-«Макс» передавал её по радио абверу.

Дезинформация, как правило, преследовала стратегические цели. И для их достижения, для того, чтобы немцы поверили этой «дезе» и не заподозрили «Макса», в неё вкрапливались достоверные сведения о сроках и месте проведения некоторых наступательных операций Красной Армии. Правда, этим операциям в планах советского командования отводилась роль отвлекающего манёвра.

Так, например, 4 ноября 1942 года «Макс» передал своим хозяевам радиограмму, в которой говорилось:

«4 ноября состоялось заседание военного совета в Москве под председательством Сталина. Присутствовало двенадцать маршалов и генералов. В ходе обсуждения были выдвинуты следующие концептуальные положения:

а) все наступательные операции проводить с осторожностью во избежание крупных потерь;

б) территориальные потери - вещь непринципиальная...

в) провести все запланированные наступательные операции по возможности до 15 ноября, пока позволяют погодные условия. Главные направления: из Грозного (с Кавказа)... на Дону в районе Воронежа; под Ржевом; южнее озера Ильмень под Ленинградом. Войска будут выделены фронтам из стратегического резерва...»

Подобного рода радиограммы убеждали абвер в том, что их агент «Макс» не просто имеет доступ к самым секретным сведениям, но и возможность предельно оперативно, день в день, передавать их в Берлин. Москва же преследовала свои цели - дезинформировать немцев относительно своих истинных стратегических целей. В частности, уже после передачи приведённой выше радиограммы «Макс» передал абверу «уточнённые» сведения о том, что под Ржевом наступление русских назначено на 15 ноября. И это соответствовало действительности. Немцы должным образом подготовились к отражению удара.

Командовал этой операцией Георгий Жуков, который, по соображениям конспирации, не был поставлен в известность о радиоигре с немцами. В своих воспоминаниях он с огорчением признает, что исход разработанной им операции по нанесению контрудара оказался явно неудовлетворительным, хотя под Ржевом полегли тысячи и тысячи советских солдат. Маршал Жуков так и не узнал, что его специально «подставили» ради того, чтобы под Сталинградом нанести немцам неожиданный для них сокрушительный удар, в результате которого была окружена целая армия во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

Как выяснилось уже после войны, поступавшую от своего агента «Макса» информацию руководство вермахта использовало в ориентировках для командного состава немецких боевых частей на Балканах и в странах Западной Европы.

* * *

В начале августа 1944 года «Макс» получил из Берлина приказ проверить достоверность поступивших в абвер сведений о том, что соединение вермахта численностью до двух с половиной тысяч солдат и офицеров, возглавляемое подполковником Шерхорном, ведёт, находясь в окружении, ожесточённые бои с частями Красной Армии в районе реки Березины. О результатах велено было срочно сообщить на берлинский адрес.

Подполковник Шерхорн действительно командовал войсковым соединением, правда численностью в полторы тысячи человек. Ему было приказано стоять насмерть на переправе через реку Березину. Но части Красной Армии обошли его с флангов и, взяв в плотное кольцо, стали методично громить артиллерийским огнём до тех пор, пока он не согласился сдаться на милость победителей.

За пленных взялись советские контрразведчики. Самого Шерхорна допрашивал «Макс». С поставленной ему задачей справился - подполковник согласился сотрудничать с НКВД в проведении дезинформационной радиоигры. Чекистам удалось перевербовать и радистов Шерхорна. Так началась ещё одна крупномасштабная операция по дезинформации противника, идея проведения которой исходила от самого Сталина.

Накануне летнего (1944 года) наступления советских войск в Белоруссии верховный главнокомандующий вызвал к себе руководителей ГРУ и НКВД и поставил перед ними задачу: использовать оперативные возможности радиоигр для оказания эффективной помощи Красной Армии в её наступательных операциях против немцев. Там же, на совещании, был оглашён уже подписанный Сталиным приказ, в котором говорилось о «необходимости ввести немецкое командование в заблуждение, создав впечатление активных действий в тылу Красной Армии остатков германских войск, попавших в окружение в ходе нашего наступления». Замысел Сталина сводился к тому, чтобы путём дезинформации побудить руководство Германии расходовать свои и без того уже ограниченные ресурсы для оказания реальной помощи якобы всё ещё сражающимся в советском тылу войскам вермахта.

Новая радиоигра, детально разработанная на Лубянке и санкционированная самим Хозяином, предполагала активное участие в ней агента «Гейне». Вот почему он и взялся за то, чтобы завербовать Шерхорна и вместе с его, тоже завербованными, радистами приступить к выполнению новой операции.

...19 августа 1944 года в Берлин поступило сообщение «Макса» о том, что воинское соединение под командованием подполковника Шерхорна действительно ведёт ожесточённые бои с окружившими его частями Красной Армии в районе реки Березины. Поскольку достоверность любой исходившей от «Макса» информации не вызвала у немцев ни малейших сомнений, в Берлине в срочном порядке было принято решение использовать находящиеся под командованием Шерхорна части для проведения диверсионных акций по выводу из строя тыловых коммуникаций советских войск. С этой целью любимчику фюрера, штурмбанфюреру СС Отто Скорцени было поручено наладить с подполковником Шерхорном регулярную радиосвязь, оказать ему всю необходимую помощь и ориентировать его на прорыв из окружения в направлении Польши - Восточной Пруссии. Так родилась операция «Браконьер», которая проводилась под непосредственным руководством «идола арийской расы», как называли в Германии Отто Скорцени, с

середины сентября 1944 по май 1945 года.

«Мы, - пишет в своих мемуарах Отто Скорцени, - были счастливы вернуть своих друзей, затерявшихся в водоворотах русского цунами». Операция «Браконьер» началась с подготовки и засылки по воздуху в район расположения соединения Шерхорна «четырёх групп специалистов по диверсиям, каждая из которых состояла из двух немцев и двух русских. Они были снабжены русскими пистолетами, радиостанциями, обмундированием, консервами. Они были наголо пострижены на русский манер и приучены к русским папиросам».

Две группы, по признанию самого Скорцени, пропали без вести, а двум другим удалось разыскать соединение Шерхорна и выйти на связь. «Идолу арийской расы» и в голову не приходило, что чекисты играют с ним, как кошка с мышкой. И потому вызывают лишь улыбку его переполненные эмоциями рассуждения о том, как во время одного из радиосеансов «подполковник Шерхорн лично сказал несколько слов, простых слов, но сколько в них было сдержанного чувства глубокой благодарности! Вот прекраснейшая из наград за все наши усилия и тревоги!»

28 марта 1945 года Шерхорн получил радиограмму о том, что фюрер наградил его «Рыцарским крестом» 1-й степени и произвёл в полковники. Личное поздравление по этому поводу поступило ему от начальника Генштаба Гудериана. Одновременно и «Макс» получил из абвера поздравление с награждением «Железным крестом» с мечами.

В квадраты, указанные «Максом», для частей Шерхорна непрерывно сбрасывалось на парашютах оружие, боеприпасы, амуниция, медицинские средства, продовольствие. Регулярно высаживались специалисты - подрывники, врачи, разведчики. По требованию Шерхорна в его распоряжение были доставлены проводники-поляки из числа проверенных агентов абвера. Более того, по личному приказу Гитлера была подготовлена операция по заброске к Шерхорну специальной группы во главе с самим Скорцени. Правда, приказ фюрера не был выполнен из-за резкого ухудшения в апреле 1945 года положения на советско-германском фронте. Вот как о ситуации в расположении группы Шерхорна пишет сам «идол арийской расы»:

«Ни единого дня не обходилось без кровопролитных схваток с русскими, число погибших и раненых росло день ото дня и темпы продвижения частей Шерхорна, естественно, снижались. Но даже не это было нашей главной заботой. С каждой неделей количество горючего сокращалось; несмотря на отчаянные просьбы Шерхорна пришлось сократить число вылетов самолётов снабжения. Постепенно содержание радиосообщений от Шерхорна превратилось для меня в сплошную пытку. К концу февраля нам перестали выделять горючее. Меня охватило бешенство. Порой до нас долетали их отчаянные мольбы. Затем, после 8 мая, ничто более не нарушало молчания в эфире. Шерхорн не отвечал. Операция «Браконьер» окончилась безрезультатно».

Но обошлась она немцам довольно дорого. Чекистами были обезврежены двадцать два разведчика-диверсанта, захвачены тринадцать радиостанций и двести пятьдесят пять мест груза с оружием, боеприпасами, медикаментами и продовольствием.

В последней радиограмме, переданной 5 мая 1945 года, Шерхорну предписывалось «действовать по обстоятельствам». А несколько ранее, 3 мая, абвер направил «Максу» приказ «законсервировать источники, порвать контакты с немецкими офицерами и солдатами в связи с возможностью их пленения русскими и вернуться в Москву, где затаиться и постараться сохранить свои связи».

В июле 1946 года в Вашингтоне была одобрена инициатива гитлеровского генерала Рейнхарда Гелена о создании на американские деньги новой спецслужбы с «целью осуществления разведывательной деятельности на Востоке на основе общей заинтересованности в защите от коммунизма». Укомплектовать новую службу Гелен предлагал из своих прежних сотрудников и агентов абвера, а также других нацистских спецслужб. Одной из первых им была названа кандидатура агента «Макса», который был «главным источником стратегической информации о планах советского верховного главнокомандования на протяжении наиболее трудных лет войны». К удивлению Гелена, американцы отвели эту кандидатуру и, более того, высказали мнение, что с «Максом» немцы попались на удочку НКВД. Гелен тщетно пытался убедить американцев в том, что работа с «Максом» была и остаётся «одним из наиболее впечатляющих примеров деятельности абвера в период войны против Советского Союза».

* * *

Вскоре после победы над фашистской Германией Александр Демьянов вместе с супругой был направлен в Париж в расчёте на то, что ему удастся внедриться в эмигрантские организации и продолжить свою разведывательную деятельность в качестве агента Лубянки. Когда же стало ясно, что из этой затеи ничего не получится, его и Татьяну Березанцову отозвали в Москву. И больше уже не привлекали к участию ни в каких спецоперациях.

Александр Демьянов вернулся к своей изначальной профессии. Устроился инженером-электриком в один из научно-исследовательских институтов Москвы. Его жизнь оборвалась в 1975 году. Он скоропостижно скончался от сердечного приступа во время прогулки на лодке по Москве-реке. Ему было 64 года.

За заслуги перед родиной в годы Отечественной войны он был награждён орденом Красной Звезды. А его супруга, Татьяна Березанцова, и её отец, профессор Березанцов, «за риск при выполнении важных заданий» удостоились медалей «За боевые заслуги».

«Ты ведь знаешь, как я работал...»

«Павлуша, я уже десять дней как в Москве, ничего не делаю.

Оперативный отдел установил за мной постоянную слежку. Уверен, мой телефон прослушивается. Ты ведь знаешь, как я работал. Пожалуйста, доложи своему начальству: если они хотят арестовать меня, пусть сразу это и делают, а не устраивают детские игры».

Такой вот телефонный разговор состоялся в марте 1939 года между закадычными друзьями-коллегами: только что вернувшимся из Испании Леонидом Эйтингоном и Павлом Судоплатовым, который из опалы, ожидая худшего, вдруг стал заместителем начальника внешней разведки НКВД. Назначение произошло мгновенно, после беседы у Сталина. Беседы строго конфиденциальной с участием лишь самого Хозяина, Берии и опального Судоплатова.

«Троцкий, или, как вы его именуете в ваших делах, «Старик», -начал беседу Сталин, чеканя каждое слово, будто отдавал приказ, -должен быть устранён в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению».

Когда же в самом конце беседы реабилитированной Судоплатов осмелился спросить разрешения привлечь к делу ветеранов диверсионных операций в Гражданской войне в Испании, Сталин заметил: «Это ваша обязанность и партийный долг находить и отбирать подходящих и надёжных людей, чтобы справиться с поручением партии.

Вам будет оказана любая помощь и поддержка. Докладывайте непосредственно товарищу Берии и никому больше, но помните, вся ответственность за выполнение этой акции лежит на вас. Вы лично обязаны провести всю подготовительную работу и лично отправить специальную группу из Европы в Мексику. ЦК санкционирует предоставлять всю отчётность по операции исключительно в рукописном виде».

Вечером того же дня Судоплатов поселился на седьмом этаже главного здания НКВД на Лубянке, в кабинете под номером 755, который до этого занимал Шпигельглаз, расстрелянный как «враг народа».

А утром следующего дня его как раз и побеспокоил неожиданным телефонным звонком Леонид Эйтингон, майор госбезопасности, который в Испании как зам. резидента НКВД отвечал за организацию партизанских разведывательно-диверсионных операций в тылу франкистских войск и внедрение агентуры в верхушку фашистского движения. В начале 1939 года, после поражения республиканцев, генерал Котов, как его именовали в Испании, перебрался на пару месяцев во Францию, а оттуда в Москву.

...«Я ответил ему, - вспоминает Судоплатов в своих мемуарах, - что первый день на руководящей работе и ни о каких планах насчёт его ареста мне неизвестно. Тут же я предложил ему прийти ко мне, затем позвонил Меркулову и доложил о состоявшемся разговоре.

Тот, засмеявшись, сказал: «Эти идиоты берут Эйтингона и его группу под наружное наблюдение, а не понимают, что имеют дело с профессионалами».

Через десять минут по прямому проводу мне позвонил Берия и предложил: поскольку Эйтингон - подходящая кандидатура для известного мне дела, к концу дня он ждёт нас обоих с предложениями».

...Наум Исаакович Эйтингон родился 6 декабря 1899 года в небольшом белорусском городишке Шклов, недалеко от Гомеля, в семье конторщика бумажной фабрики. Род Эйтингонов относился к беднейшим слоям местной еврейской общины, но в то же время считался одним из самых многочисленных. Его ветви, помимо Белоруссии и Москвы, обосновались также в Нью-Йорке, Лондоне, Лейпциге и странах Скандинавии.

Родители определили сына на учёбу в коммерческое училище, но Науму не суждено было стать коммерсантом. В 1917 году он вступил в партию эсеров и с увлечением осваивал науку о диверсиях и терроре. На жизнь же зарабатывал сначала трудом чернорабочего на заводе по производству бетона, потом выбился в делопроизводители и, наконец, в инструкторы продовольственного отдела. Через год с небольшим он был призван в ряды Красной Армии, участвовал в проведении продразвёрстки, изымал на селе излишки зерна в пользу голодавшего пролетариата.

В сентябре 1919 года Наум - сотрудник гомельского губпрофсоюза. Окончательно порвав с эсерами, он вступил в Российскую коммунистическую партию (большевиков) - РКП(б), и был направлен на работу в ЧК. Ещё не достигнув двадцати лет, стал заместителем председателя ЧК Гомельской губернии. В этом качестве он принял активное участие в операции по подавлению восстания белогвардейских офицеров, которым удалось на какое-то время захватить Гомель. Кроме этого, Наум Эйтингон участвовал в ликвидации на территории Гомельской губернии террористических групп, направлявшихся их лидером Савенковым из Польши. В сентябре 1921 года в бою со своими прежними единомышленниками он получил тяжёлое ранение в ногу.

После выздоровления его выдвинули на самостоятельную руководящую работу - председателем Смоленского губчека. А вскоре Феликс Дзержинский доверил ему пост председателя ОГПУ Башкирии, где 22-летний Наум проявил себя с самой лучшей стороны в борьбе с местными бандитскими формированиями.

Как перспективного сотрудника органов госбезопасности его направили на учёбу в Москву в Военную академию (Академию им. Фрунзе), где он грыз гранит военных наук вместе с Чуйковым и многими другими будущими маршалами Советского Союза.

...В 20-х годах чекисты-евреи по национальности повально стали брать русские имена и фамилии, чтобы не привлекать к себе ненужного, излишнего внимания и настороженности в процессе работы с агентурой из среды дворянства и офицерства, а также и своих коллег по

оперативной работе. По этой причине и Наум Исаакович стал на всю оставшуюся жизнь Леонидом Александровичем. А вот фамилию - Эйтингон - сохранил.

С 1925 года, с момента окончания Военной академии, началась служба Эйтингона во внешней разведке - в ИНО.

Первоначально предполагалось использовать в оперативных целях - для его легализации за кордоном - его многочисленных родственников в разных странах Европы и Америки. Эйтингон разослал им письма с просьбой помочь ему «вырваться из красной России» - прислать вызов или рекомендацию, а также прочие документы, необходимые для выезда и, конечно, - деньги. Однако ни один родственник на его просьбу не откликнулся. В итоге, он был командирован в Китай, где работал с 1925 по 1929 год в Шанхае и Пекине под прикрытием вице-консула, резидентом - консулом в Харбине. Трудился много, изобретательно и успешно. В Шанхае его усилиями была сорвана попытка чанкайшистской агентуры захватить советское консульство. В Маньчжурии он также успешно провёл операцию по освобождению группы советских военных советников, захваченных в плен местными китайскими милитаристами.

Весной 1929 года его срочно вызвали в Москву и перебросили в Анкару. Там ЧП: чекист Яков Блюмкин, которому было поручено организовать слежку за поселившимся там Львом Троцким, нарушил приказ и вступил в личный, несанкционированный контакт с объектом слежки. За это он был немедленно откомандирован и расстрелян. Эйтингону надлежало исправить сложившееся положение и выполнить задание Центра, что он и сделал, быстро и эффективно. Троцкий был буквально окружён агентами НКВД. Москва знала о всех его связях и реальных шагах. Не случайно Троцкий вскоре перебрался из Турции в Норвегию. Л Эйтингон - из Турции в Москву.

В 1930 году он - заместитель начальника Особой группы при председателе ОГПУ.

Особая группа считалась самостоятельным, независимым от ИНО разведывательным подразделением, созданным в 1926 году по личной инициативе Менжинского, преемника Дзержинского на посту председателя ОГПУ. Перед Особой группой была поставлена задача по глубокому внедрению в странах Западной Европы, США и Японии советской агентуры в объекты военно-стратегического назначения, в том числе с целью заблаговременной подготовки диверсионных актов на случай войны.

В рамках своих новых полномочий и задач Эйтингон в начале 30-х годов выезжал через Китай в США, в частности в Калифорнию, для создания там агентурной сети из китайских и японских эмигрантов. Задействовать этих агентов предполагалось в случае нападения Японии на Советский Союз. Одним из агентов, завербованных тогда Эйтингоном, был японский живописец Мияги, вошедший впоследствии в группу Рихарда Зорге. Кроме того, Эйтингону удалось завербовать двух польских

евреев и внедрить их на «длительное оседание» в США. Наконец, по заданию Центра он дал компетентную оценку потенциальным возможностям привлечения к разведывательной деятельности американских коммунистов. Вывод, к которому он пришёл, сводился к тому, что вербовать членов компартии США ни в коем случае не следует. Однако имеет смысл обратить внимание на тех, кто разделяет коммунистические идеалы не будучи в рядах коммунистов.

В 1932 году он вернулся из Калифорнии через Шанхай в Москву. Его работа в США получила высокую оценку.

В том же году Эйтингон был переведён в ИНО, где ему доверили «святая святых» - работу с «нелегалами». Его назначили начальником отделения по координации работы нелегальных резидентур. Одновременно на него возложили организацию работы по изготовлению поддельных паспортов и прочих документов, требовавшихся при проведении секретных операций за кордоном. В то время деятельность нелегальных резидентур играла главенствующую роль, поскольку возможности для ведения разведки с «легальных» позиций были крайне ограничены: дипломатических миссий и прочих советских официальных представительств за рубежом было, что называется, раз-два и обчёлся.

В 1936 году, с началом Гражданской войны в Испании, Эйтингон под именем Леонида Котова был направлен туда официально - заместителем советника при республиканском правительстве, фактически же - заместителем резидента НКВД. На него возлагалась организация разведывательной и контрразведывательной работы, а также проведение партизанских операций в тылу франкистских войск.

Испанский период, 1936-1939 гг., был исключительно результативным в служебной деятельности Леонида Эйтингона. Ему удалось привлечь к сотрудничеству Фердинандо де Куэста, одного из основателей испанской фашистской партии - фаланги, захваченного в плен вместе с другими высокопоставленными фалангистами. В обмен на жизнь Фердинандо де Куэста помог наладить тайный канал для переговоров с самим Франко, а затем дал квалифицированные наводки на ряд влиятельных лиц в окружении испанского диктатора. Благодаря этому агентурная сеть НКВД пополнилась важными источниками секретной информации.

Под непосредственным контролем Эйтингона велись посреднические переговоры с Х. Эрнандесем, одним из основателей испанской компартии, министром юстиции в республиканском правительстве. Когда он эмигрировал в Мексику, резко обострились его отношения с Долорес Ибаррури и Хосе Диасом, перебравшимися в Советский Союз. Тайная дипломатия Эйтингона по урегулированию этого внутрипартийного конфликта, к сожалению, не увенчалась успехом: в Москве Эрнандеса причислили к раскольникам и агентам империализма, а после Второй мировой войны заклеймили как «подручного Тито».

После поражения республиканцев Эйтингон перебрался из Испании во Францию, где пробыл всего лишь пару месяцев. Но и этого времени для

него оказалось достаточно, чтобы провести несколько результативных встреч с одним из «трёх мушкетёров» - Гайем Бёрджессом, который затем был принят на связь Горским, нелегальным резидентом НКВД в Лондоне. В эти же два месяца Эйтингон изловчился привлечь к сотрудничеству с НКВД племянника главы испанской фашистской партии Примо де Ривейры, друга Гитлера. До 1942 года без сбоев действовал этот важный источник секретной информации о взаимоотношениях и планах Гитлера и Франко.

...Менее чем через час после телефонного разговора Эйтингон внимательно слушал Судоплатова, посвящавшего его в замыслы Хозяина. В них Эйтингону отводилась главенствующая роль, с которой он согласился без малейших колебаний. Он прекрасно понимал, что выйти непосредственно на Троцкого можно лишь через агентуру, перебравшуюся в Мексику после поражения республикацев в Испании. А он эту агентуру знал лучше, чем кто-либо. Кроме того, он детально представлял себе оперативные возможности агентурных сетей, сформированных в Соединённых Штатах и странах Западной Европы. Знал, на кого конкретно и в чём можно было положиться. Желание же Хозяина ликвидировать «Старика» нисколько не удивило его. Ведь уже добрый десяток лет ОГПУ, а затем НКВД охотились за ним и его приверженцами.

Операцию, которую ещё предстояло разработать, он предложил назвать «Утка» и сразу же решительно настоял на немедленном отзыве из Мексики Марии де Лас Эрас, легендарной «Патрии». Ей удалось внедриться в секретариат Троцкого ещё во время его проживания в Норвегии. Вместе со «Стариком» она перебралась затем во Францию, а оттуда в 1937 году - в Мексику. И вот теперь её приходилось отзывать, поскольку её хорошо знал перебежчик Орлов, осевший в США в конце 1938 года. Эта мера предосторожности, как показали дальнейшие события, вполне оправдала себя.

В распоряжении Эйтингона были агенты из числа троцкистов, завербованных в различных странах Западной Европы. В частности, лично им были завербованы братья Руаны, входившие в руководство испанских троцкистов. Там же, в Испании, у него на связи находились министры республиканского правительства Гаодосио Оливеро и Фредерико Амундсени, в прошлом анархисты, симпатизировавшие «Старику».

Однако кандидатуры всех этих агентов Эйтингон решительно отвёл. Он настоял на том, чтобы к проведению операции «Утка» привлекалась агентура, никогда прежде не участвовавшая в оперативных мероприятиях против Троцкого.

Предложенный Эйтингоном план предполагал формирование двух самостоятельных, ничем не связанных друг с другом групп. Первую из них - группу «Конь» - возглавил известный мексиканский художник Давид Сикейрос, лично знакомый со Сталиным, участник Гражданской войны в Испании, один из основателей мексиканской компартии.

Вторая группа - «Мать» - была сформирована под руководством Каридад Меркадер, также принимавшей участие в Гражданской войне в Испании в рядах испанских анархистов. В 1938 году она и её средний сын Рамон стали сотрудничать с советской разведкой. Их наставником тогда был Эйтингон. По его указанию Рамон не «светился» ни в каких политических мероприятиях. Ему надлежало лишь иногда, по подсказке наставника, помогать деньгами тем, кто был ему симпатичен, не проявляя при этом никакого интереса к их делам и отвергая любые предложения как-то кооперироваться с ними, сотрудничать в проведении политических мероприятий. Он должен был выглядеть абсолютно «чистым», не запятнанным ни в каких политических передрягах. Единственное, что он сделал, так это в сентябре 1938 года познакомился с проживавшей в Париже Сильвией Агелоф, входившей в окружение «Старика», и с супругами Розмерами, также поддерживавшими дружеские отношения с Троцким. Между Рамоном и Сильвией вскоре возникли любовные отношения. И только. Никакого интереса к политической деятельности троцкистов Рамон не проявлял.

Обе группы даже не подозревали о существовании друг друга. Более того, о них не знала ни одна из резидентур НКВД ни в Европе, ни в США, ни тем более в Мексике.

После того, как Лаврентий Берия одобрил представленный Эйтингоном план операции «Утка», на нём появились три подписи: начальника внешней разведки П.М. Фитина, его заместителя П.А. Судоплатова и Л.А. Эйтингона. Никаких других подписей с пометкой «Утверждаю» не было. Да и эти три подписи были сделаны без указания официального положения подписантов. В плане же говорилось, что «организатором и руководителем на месте», как во время подготовки операции, так и при её проведении, назначается «Том». И всё. Под «Томом» подразумевался Эйтингон.

В июне 1939 года «Том» вместе с Судоплатовым выехал в Париж и провёл там всю необходимую работу по комплектованию и инструктажу обеих групп: «Конь» и «Мать». Он в деталях ознакомил сначала Каридад и Рамона Меркадеров, а затем Сикейроса и членов его группы с предстоящей операцией, с особенностями работы контрразведывательной службы «Старика», а также с оперативной обстановкой в Мексике. Группам было объявлено о времени их перебазирования за океан, к месту проведения операции.

Для самого Эйтингона этот вояж в Париж не обошёлся без сюрприза. Дело в том, что он с польским паспортом должен был вслед за Каридад и Рамоном Меркадерами отбыть из Парижа в Нью-Йорк. И вдруг неожиданно выяснилось, что после немецкой оккупации Польши он, как гражданин этой страны, подлежит либо призыву во французскую армию, либо интернированию как подозрительное лицо иностранного гражданства. Другими словами, польский паспорт стал опасным документом и от него нужно было срочно избавляться.

Над операцией «Утка» возникла непредвиденная угроза.

Дополнительную сложность породил установленный французскими спецслужбами контроль за передвижениями по территории Франции лиц польской национальности. Эйтингон оказался в западне. Ничего не оставалось, как перейти на нелегальное положение. Ему на помощь пришла «легальная» резидентура в Париже, которая через свои возможности поместила Эйтингона… в психиатрическую больницу. Там он провёл около месяца, в течение которого ему был изготовлен вид на жительство во Франции. Согласно этому документу, Эйтингон становился сирийским евреем, страдающим психическим расстройством. Это, с одной стороны, позволяло ему беспрепятственно проживать во Франции. А с другой, и это самое главное, вид на жительство давал ему право оформить заграничный паспорт для выезда на лечение в ту или иную страну. Что и было сделано - вскоре загранпаспорт был в руках Эйтингона. Оставалось лишь получить въездную визу в США. Но как? Если официально обратиться в консульство США в Париже, то американцы при проверке личности Эйтингона через возможности своих спецслужб вполне могут опознать в нём того, кто уже побывал в Калифорнии.

И эта проблема была решена нестандартным и довольно рискованным образом.

В 1938 году советский «нелегал» Штейнберг, действовавший в Швейцарии под личиной преуспевающего бизнесмена, отказался выполнить приказ Центра, срочно вызвавшего его в Москву. Понимая, что сулит ему этот неожиданный вызов, Штейнберг направил в Центр письмо, в котором подтвердил свою преданность Родине, но отказался прибыть в Москву лишь для того, чтобы быть незаслуженно обвинённым в предательстве и расстрелянным без суда и следствия, стать очередной жертвой чистки.

Фигура Штейнберга всплыла в связи с тем, что Эйтингон знал его как единственного в Европе советского «нелегала», у которого были надёжные позиции в консульстве США в Швейцарии.

С согласия Центра к Штейнбергу был направлен связник. Когда тот увидел на пороге своего дома в Лозанне бывшего коллегу, то решил, что пришёл «ликвидатор» и схватился за пистолет. С большим трудом связнику удалось переубедить его и попросить о помощи. Через неделю в паспорте Эйтингона была проштампована въездная виза в США. Примечательно, что Штейнберг не опознал своего давнего знакомого по фотографии - Эйтингон отрастил усы и в корне изменил причёску.

...Попытка группы «Конь» ликвидировать «Старика» окончилась неудачей. Боевики Сикейроса имели в своём распоряжении составленный «Патрией» детальный план расположения внутренних помещений на вилле Троцкого. Они правильно рассчитали, что в момент нападения «Старик» должен был находиться в спальне. Так оно и было. Но буквально изрешетив автоматными очередями спальню, боевики не ликвидировали Троцкого. Как только началась стрельба, он и его жена забрались под кровати и тем самым спаслись.

Свой отчёт в Центр о неудаче группы «Конь» Эйтингон закончил словами: «Принимая вину на себя за этот кошмарный провал, готов по первому Вашему требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания».

В Центре, однако, рассудили иначе. «Я доложил Сталину, - пишет Судоплатов в своих мемуарах, - о неудачной попытке Сикейроса ликвидировать Троцкого... Сталин подтвердил своё прежнее решение, заметив: «Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом. Приступите к выполнению альтернативного плана, несмотря на провал Сикейроса, и пошлите телеграмму Эйтингону с выражением нашего полного доверия».

Вторая попытка, предпринятая группой «Мать», принесла желанный для Хозяина результат. 20 августа 1940 года Рамон Меркадер убил «Старика», нанеся ему сильный удар по голове небольшим острым ледорубом. На допросах в полиции и суде он объяснял свой поступок тем, что Лев Троцкий всячески препятствовал тому, чтобы его длительная любовная связь с Сильвией Агелоф увенчалась их официальным бракосочетанием.

Версию о том, что Раймоном руководила лишь любовь к Сильвии, что он не был профессиональным убийцей, умело обыграл его адвокат. Поэтому в Кремле и на Лубянке были довольны вдвойне. Во-первых, со «Стариком» наконец-то было покончено. А во-вторых, последовательное поведение Рамона исключало даже малейшие намёки на «руку Москвы».

Рамон Меркадер был освобождён из тюрьмы 20 августа 1960 года. От звонка и до звонка он провёл за решёткой два десятилетия!

В Москве ему вручили Звезду Героя Советского Союза. Он никогда не раскаивался в содеянном. Он был профессиональным революционером, борцом за коммунистические идеалы. «Если бы мне пришлось заново прожить сороковые годы, я сделал бы всё, что сделал, но только не в сегодняшнем мире. Никому не дано выбирать время, в котором живёшь», - говорил он в 60-е годы.

...Ледоруб был выбран для того, чтобы провести операцию без шума. Это позволило бы Рамону незаметно уйти - ведь он был частым гостем на вилле «Старика» и охрана беспрепятственно впускала и выпускала его. Неподалёку от виллы его поджидали в машине мать Каридад и Эйтингон. Когда же на вилле поднялся явный переполох, они вынуждены были скрыться из района проведения операции и даже из страны. Перебрались на Кубу, где полгода провели на нелегальном положении. Затем переехали в Нью-Йорк, где Эйтингон, использовав свои связи в еврейской общине, сумел раздобыть для себя и Каридад новые паспорта. Далее они пересекли США с востока на запад, побывали в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско. И оттуда в феврале 1941 года благополучно добрались пароходом до Шанхая и, наконец, по Транссибирской магистрали прибыли

поездом в Москву.

В Лос-Анджелесе Эйтингон пробыл меньше недели, но всё же успел наведаться в Санта-Фе, штат Нью-Мексико, где в рамках операции «Утка» была создана запасная явка в помещении одной из местных аптек. Теперь же Эйтингон изловчился официально оформить эту аптеку на одного из своих агентов. Благо, что ему было предоставлено право решать подобные вопросы без санкции Центра. Аптека же пригодилась позже, когда на Лубянке занялись атомным шпионажем в Лос-Аламосе. Аптека служила надёжным местом конспиративных встреч.

Выкроил он время и для того, чтобы провести встречи с агентурой, приобретённой им ещё в начале 30-годов. Встретился, чтобы напомнить о себе и о тех обязательствах, которые добровольно каждый из агентов взял на себя. И эти агенты оказались востребованными в 1942-1945 годах как связующее звено с «нелегалами», причастными к передаче в Москву атомных секретов.

Советский «нелегал» Хейфиц, возглавлявший в те годы разведывательную деятельность на восточном побережье США, по ориентировке Эйтингона вышел на двух агентов «глубокого прикрытия», двух польских евреев, которые предусмотрительным «Томом» были завербованы в начале 30-х годов. До контакта с Хейфицем они вели ничем не приметную жизнь рядовых американцев. Один работал зубным врачом, другой был владельцем небольшого магазина. А в 1941-1942 годах именно эти двое оказались близко связанными с прокоммунистически настроенными членами семьи Роберта Оппенгеймера, руководителя «Манхэттенского проекта».

...С началом Великой Отечественной войны в НКВД была сформирована Особая группа при наркоме внутренних дел с целью подготовки и развёртывания в тылу гитлеровских войск разведывательно-диверсионной деятельности. Возглавил Особую группу Павел Судоплатов, а одним из его заместителей был назначен Леонид Эйтингон. Первое, с чем столкнулась Особая группа, - с нехваткой квалифицированных специалистов по разведывательно-диверсионной работе. Эйтингон предложил решить эту проблему путём освобождения из тюрем незаслуженно репрессированных сотрудников разведки и прочих подразделений госбезопасности. Лаврентий Берия отреагировал на это предельно цинично. «Если вы уверены, что они нам нужны, свяжитесь с Кобуловым, пусть он освободит. И немедленно используйте их», - заявил он Эйтингону. Среди тех, кого «немедленно использовали», оказались будущие Герои Советского Союза легендарные командиры партизанских отрядов Медведев, Прокопюк и другие.

И ещё один штрих. В годы Великой Отечественной войны Особая группа, преобразованная затем в Четвёртое управление НКВД, стала главным штабом в разведывательно-диверсионной деятельности в тылу германских оккупационных сил. Жуков, Рокоссовский и другие маршалы лично обращались к руководству НКВД с просьбами выделить им отряды по линии Четвёртого управления НКВД для организации диверсий и

вывода из строя вражеских коммуникаций, а также для поддержки крупных наступательных операции в Белоруссии, Польше, на Кавказе и других фронтах.

И ещё один многозначительный факт. Полководческим орденом Суворова награждались тогда военачальники, от командиров фронтовых соединений и выше, отличившиеся при планировании и проведении крупных общевойсковых сражений. Таков статут этого боевого ордена. Именно его удостоился Леонид Эйтингон за планирование и успешное проведение боевых операций в тылу врага.

Неугомонный «Том» принимал в годы войны самое активное и непосредственное участие в руководстве дезинформационными радиоиграми в рамках операций «Березино» и «Послушники». Более того, он сам, лично, готовил дезинформационные сообщения о «диверсиях», якобы проведённых немецкими разведчиками в тылу советских войск. Затем эти сообщения передавались по радио в штаб-квартиру абвера и тешили тщеславие гитлеровцев.

Конец 1941 года и практически весь 1942 год Эйтингон провёл в Турции, выполняя очередное, срочное задание Кремля.

В Анкару он прибыл под именем Леонида Наумова. Цель же его командировки была напрямую связана с упорно циркулировавшими тогда слухами о том, что группой генералов вермахта подготовлен заговор против Гитлера и что на смену фюреру придёт фон Папен, настроенный на заключение договора о сепаратном мире с Англией и США фактически против Советского Союза. В Кремле решили на всякий случай убрать фон Папена, пока что занимавшего пост германского посла в Турции. Выполнить это деликатное поручение должен был Эйтингон. И он, как всегда, медлить не стал. Подобрал на месте исполнителя, проинструктировал его, снабдил всем необходимым, назначил день, время и конкретное место проведения акции. Не смог учесть лишь одного - эмоциональной возбудимости агента. Итог: бомба взорвалась в руках возбудившегося агента раньше времени. Агент погиб, а фон Папен отделался лишь царапинами.

...В июле 1945 года Сталин подписал постановление правительства о введении в системе НКВД аналогичных с Красной Армией воинских званий. В прессе был обнародован список руководящих сотрудников госбезопасности, которым были присвоены генеральские звания. Так впервые на страницах газет и журналов был упомянут генерал-майор госбезопасности Леонид Александрович Эйтингон.

...«Красивое лицо Эйтингона и его живые карие глаза так и светились умом, - таким описывает своего друга Павел Судоплатов. - Взгляд пронзительный, волосы густые и чёрные, как смоль, шрам на подбородке, оставшийся после автомобильной аварии (большинство людей принимало его за след боевого ранения), - всё это придавало ему вид бывалого человека. Он буквально очаровывал людей, наизусть цитируя стихи Пушкина, но главным его оружием были ирония и юмор. Пил он мало -

рюмки коньяка хватало ему на целый вечер. Я сразу же обратил внимание на то, что этот человек нисколько не похож на высокопоставленного спесивого бюрократа. Полное отсутствие интереса к деньгам и комфорту в быту у Эйтингона было просто поразительным. У него никогда не было никаких сбережений, и даже скромная обстановка в квартире была казённой...

Леонид был по-настоящему одарённой личностью, и, не стань он разведчиком, наверняка преуспел бы на государственной службе или сделал бы научную карьеру».

Эйтингон сам никогда и не перед кем не «прогибался» и не терпел, когда другие «прогибались». Показательным в этом отношении был эпизод, связанный с испанским золотом, которое в конце 1936 года с согласия республиканского правительства Испании было вывезено на хранение в Советский Союз. И вдруг в марте 1939 года в Центр из Парижа поступили сведения о том, что далеко не всё испанское золото попало в Москву, что часть его была разбазарена республиканцами при покровительстве руководства резидентуры НКВД в Барселоне. Эти сведения были тотчас доложены Сталину. От Хозяина последовал приказ незамедлительно разобраться и доложить. Приказ передали шифровкой Эйтингону, который в 1939 году стал резидентом в Испании. Ответ Эйтингона не заставил себя долго ждать. В нём говорилось: «Я - не бухгалтер и не клерк. Пора Центру решить вопрос о доверии Долорес Ибаррури, Хосе Диасу, мне и другим испанским товарищам, каждый день рискующим жизнью в антифашистской войне во имя общего дела. Все запросы следует переадресовать к доверенным лицам руководства ЦК французской и испанской компартий Жаку Дюкло, Долорес Ибаррури и другим. При этом надо понять, что вывоз золота и ценностей проходил в условиях боевых действий».

Ответ Эйтингона был доложен Сталину и, к удивлению окружающих, произвёл на него большое впечатление. Последовал приказ разобраться во взаимоотношениях между резидентурами НКВД в Париже и Барселоне, а также проверить документацию о передаче там, на месте, и приёме здесь, в Москве, золотого запаса Испании. Эйтингона же оставили в покое.

И ещё одна черта была присуща «Тому». Он неизменно проявлял внимание и заботу о своих коллегах, особенно молодых. Однажды ему принесли личное дело молодого чекиста, который родился, вырос и многие годы работал неподалёку от границы с Польшей. Руководство тамошнего отдела ГПУ предполагало заслать молодого чекиста на территорию Польши, в район, граничащий с его родными краями, в знакомые, мол, с детства места. Эйтингон отклонил это предложение: рядом с родными местами, хоть и по другую сторону границы, парня могут запросто опознать и арестовать. Однако, вынося такой вердикт, он не отослал обратно личное дело, а позвонил руководителю отделения ГПУ по Дальнему Востоку и рекомендовал взять на работу молодого чекиста.

Эйтингон не только не закрывал глаза на результаты сталинизации

Советского Союза, но и открыто высказывался по этому поводу. В кругу близких друзей он, в частности, не стеснялся говорить о том, что партия большевиков больше не является отрядом единомышленников, преданных коммунистическим идеалам и принципам социальной справедливости, что она превратилась в машину управления народом и страной. Позволял он себе и такие шутки: «При нашей системе есть лишь одна, впрочем, тоже не гарантированная возможность не закончить свои дни в тюрьме. Надо не быть евреем или генералом госбезопасности».

...Вскоре после окончания войны по инициативе Хозяина была проведена реорганизация сначала советских вооружённых сил, а затем и органов госбезопасности. Вместо НКВД появилось МГБ - Министерство государственной безопасности, которое возглавил Абакумов.

Буквально через неделю после своего официального назначения он вызвал к себе Эйтингона и Судоплатова и заявил: «Почти два года назад я принял решение никогда с вами не работать. Но товарищ Сталин, когда я предложил освободить вас от выполняемых вами обязанностей, сказал, что вы должны продолжать работать в прежней должности. Так что, давайте срабатываться».

И Эйтингон, и Судоплатов прекрасно помнили, с чего всё началось. Это действительно произошло почти два года назад, в самый разгар стратегических дезинформационных радиоигр «Монастырь» и «Послушники». Абакумов, возглавлявший тогда СМЕРШ, в один прекрасный день появился у них и тоном, не терпящим возражений, заявил, что по решению Советского Верховного Главнокомандования всё руководство радиоиграми переходит от НКВД в ведение Наркомата обороны, а точнее - в его руки. Судоплатов и Эйтингон согласились с этим, но при условии, если будет на то приказ вышестоящего начальства. И приказ поступил через день - оставить обе радиоигры в ведении НКВД. Наскок Абакумова с целью заполучить в свои руки радиоигры, за ходом которых постоянно следил сам Сталин, не удался. Тогда-то он и сказал: «Учтите, я этого не забуду. Я принял решение в будущем не иметь с вами никаких дел».

Началось то, что и должно было начаться. Через несколько дней после злополучной беседы в кабинете Абакумова Эйтингон вместе с Судоплатовым был вызван на заседание специальной комиссии ЦК ВКП(б), рассматривавшей «преступные ошибки» прежнего руководства госбезопасности во главе с Меркуловым, в том числе и решение о приостановлении уголовного преследования сторонников Троцкого в 1941-1945 годах. При обсуждении этого вопроса Абакумов обвинил Эйтингона и Судоплатова в «преступных махинациях» - в незаконном вызволении в 1941 году «своих дружков» из тюрем и содействии им в уклонении от «заслуженного наказания».

А дальше пошло-поехало. В июле 1946 года Абакумов расформировал Четвёртое управление МГБ и таким образом избавился от Судоплатова и Эйтингона. Правда, ненадолго, осенью того же года решением ЦК и правительства создаётся Бюро МГБ №1 по диверсионной работе за

границей. Судоплатов был назначен его руководителем, а Эйтингон - его заместителем. Более того, сверхсекретным приказом Сталина на Эйтингона возлагают организацию и практическое руководство операциями по содействию спецслужбам китайской компартии в локализации сепаратистского движения уйгуров в Восточном Туркестане. Так назывался тогда нынешний Синьцзян-уйгурский автономный район КНР. В тот период японцы спровоцировали там вооружённые выступления местного населения - уйгуров и казахов - против китайских коммунистов и Советского Союза. Во главе этого вооружённого восстания стоял японский агент Осман Батыр, который унаследовал и умело использовал антикитайские лозунги популярного в массах уйгурского деятеля Али-хана Тере, провозгласившего ещё в 1944 году независимость Восточного Туркестана.

Эйтингон блестяще справился с поручением. Вместе с Прокопюком, легендарным партизанским командиром, Героем Советского Союза, он в сжатые сроки организовал мощное противодействие уйгурским националистам, благодаря чему в течение трёх лет, 1946-1949, сепаратистское движение в Восточном Туркестане полностью сошло на нет. Проделанная Эйтингоном работа и на этот раз получила высокую оценку Кремля.

А через два года, 28 октября 1951 года, его арестовали в аэропорту Внуково, прямо у трапа самолёта, на котором он вернулся из Литвы, где сумел обезвредить лидеров антисоветской подпольной организации.

Эйтингона обвинили в соучастии в заговоре врачей-сионистов, намеревавшихся умертвить Сталина и других членов Политбюро и таким путём захватить власть. Эйтингон якобы обучал врачей-заговорщиков методам проведения террористических акций и с этой целью прятал у себя в рабочем кабинете мины, взрывчатые вещества, взрывные устройства, закамуфлированные под обычные электроприборы. А роль связника между ним и злодеями-врачами выполняла его сестра Соня Исааковна Эйтингон, известный врач-терапевт, главный врач поликлиники автозавода (нынешнего ЗИЛа). Её арестовали годом раньше.

«Дело врачей», к которому присовокупили и Эйтингона, лопнуло как мыльный пузырь сразу же после смерти Сталина. И 28 марта 1953 года он вышел из тюрьмы на свободу. В связи с обострением язвенной болезни и общим истощением его тотчас госпитализировали. Однако через пару месяцев, точнее - 21 августа 1953 года, Эйтингон опять оказывается за решёткой. На этот раз ему инкриминируют соучастие в акциях по ликвидации неугодных только что арестованному Лаврентию Берии лиц. Оказывается, вместе с Судоплатовым, своим непосредственным начальником, Эйтингон планировал и осуществлял на конспиративных квартирах и в загородных резиденциях операции по устранению противников Лаврентия Павловича, используя для этого специальные яды, позволявшие затем преподносить смерть жертвы как результат болезни или несчастный случай. Все эти обвинения, разумеется, не имели под собой никаких оснований. Это была грубая, целенаправленная

политическая провокация. Тем не менее приговор был оглашён. И вскоре обителью осуждённого на двенадцать лет заключения Эйтингона стала Владимирская тюрьма. Но и там он не сдавался. С присущей ему принципиальностью боролся за восстановление своего доброго имени, за справедливость. При этом он был не одинок. За него боролись верные друзья и коллеги.

Рамон Меркадер, едва получив Звезду Героя Советского Союза, начал требовать от руководства органов госбезопасности, а также от ЦК КПСС, пересмотра дела Эйтингона и его освобождения из тюрьмы. В течение 60-х годов он буквально бомбил Лубянку и Старую площадь своими обращениями на имя Шелепина, а затем сменившего его на посту председателя КГБ Семичастного, а также «серого кардинала» Суслова. Заступничество Меркадера вызывало раздражение на Старой площади. Суслов прямо заявил ему: «Мы решили для себя судьбу этих людей раз и навсегда. Не суйте нос не в свои дела».

Но Меркадер не унимался. Вскоре его стали поддерживать Долорес Ибаррури, руководство французской, а также австрийской компартий. Образовался некий единый фронт борьбы за реабилитацию Эйтингона. И это, в конечном счёте, дало свои результаты.

В декабре 1963 года Военная коллегия Верховного суда вынесла постановление о том, что срок лишения свободы Леонида Эйтингона должен включать полтора года, проведённые им в тюрьме ещё до смерти Сталина. В результате общий срок его заключения сократился. Эта маленькая, но всё же победа была достигнута вскоре после того как Эйтингон едва не умер от опухоли в кишечнике. Его спасла экстренная операция, мастерски выполненная ведущим хирургом-онкологом Минцем. Положение было настолько серьёзным, что, накануне операции, Эйтингон решил обратиться к партии с прощальным письмом, адресованным на имя Хрущёва.

«С этим письмом я обращаюсь к Вам после того, как я уже более десяти лет провёл в тюремном заключении, и весьма возможно, что это последнее письмо, с которым я обращаюсь в ЦК КПСС. Дело в том, что пребывание в тюрьме окончательно подорвало моё здоровье, и в ближайшие дни мне предстоит тяжёлая операция в связи с тем, что у меня обнаружена опухоль в области кишечника... В связи с этим вполне естественно моё желание обратиться в ЦК партии, той партии, в которую я вступил в дни моей молодости в 1919 году, которая меня воспитала, за идеи которой я боролся всю жизнь, которой я был и остаюсь преданным до последнего своего вздоха... За что меня судили? Я ни в чём перед партией и Советской властью не виноват. Всю свою сознательную жизнь, по указанию партии, я провёл в самой активной борьбе с врагами нашей партии и Советского государства... И работой моей были довольны в Москве... В 1925 году я был направлен на работу в разведку. И с тех пор до начала Отечественной войны находился за пределами страны на работе в качестве нелегального резидента в Китае, Греции, Франции, Иране, США. В 1938-1939 гг. руководил легальной резидентурой НКВД в

Испании. Этой работой ЦК был доволен. После ликвидации Троцкого в особом порядке мне было официально объявлено от имени инстанции, что проведённой мною работой довольны, что меня никогда не забудут, равно как и людей, участвовавших в этом деле. Меня наградили тогда орденом Ленина... Но это только часть работы, которая делалась по указанию партии, в борьбе с врагами революции...

И вот от одного липового дела к другому, от одной тюрьмы в другую, в течение более 10 лет я влачу своё бесцельное существование...

Кому это нужно, что мы сидим и мучаемся в тюрьме? Партии? ЦК? Я уверен, что нет...

Прошу извинить за то, что я Вас побеспокоил. Разрешите пожелать Вам всего наилучшего. Да здравствует наша ленинская партия! Да здравствует коммунизм! Прощайте!..»

Эйтингона освободили в 1964 году. Освободили, но не реабилитировали. Более того, он вскоре снова становится нежелательным свидетелем - на сей раз для Брежнева, которому никак не хотелось ворошить старое. Не по душе пришлась ему и петиция за подписью двадцати четырёх ветеранов НКВД-КГБ, включая Абеля, Рыбкину и других легендарных разведчиков. Петиция, переданная во время празднования 20-й годовщины победы над гитлеровской Германией, призывала генсека пересмотреть дело Эйтингона и реабилитировать его, восстановить его доброе имя.

Давление на Старую площадь усилилось, когда бывший министр обороны Болгарии, служивший под началом Эйтингона в Китае в 20-х годах, обратился с аналогичной просьбой персонально к Суслову, но тот, придя в ярость, подтвердил свою прежнюю позицию: «Эти дела решены Центральным Комитетом раз и навсегда. Это целиком наше внутреннее дело».

Последняя при жизни Леонида Эйтингона попытка добиться его реабилитации была предпринята в 1976 году Рамоном Меркадером и Долорес Ибаррури. С их предложением согласились председатель КГБ Андропов и шеф комитета партийного контроля Пельше. Вопрос был вынесен на заседание Политбюро. И опять «серый кардинал» Суслов встал на дыбы.

...Леонид Александрович Эйтингон скончался от язвы желудка в кремлёвской клинике 3 мая 1981 года. И всё же его реабилитировали. Посмертно, в 1991 году. А ко Дню победы, 9 мая 2000 года, его детям были возвращены два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Суворова, ордена Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды - все боевые награды выдающегося разведчика.

Жизнь и смерть Лейбы Фельдбина

В один из весенних дней 1936 года молодая сотрудница НКВД Галина Войтова застрелилась прямо перед зданием Лубянки. Случай по тем

временам редкостный. Тем более, что это не был протест против того, чем занималось её родное ведомство. Никакой политикой и идеологией здесь не пахло. Просто это был трагический финал её любовного и, как ей казалось, счастливого романа с сослуживцем, который, как говорилось в его личном деле, был «выше среднего роста, атлетического сложения; нос слегка перебитый; лысеющая голова, волосы сильно поседевшие; носит короткие усы, тоже седые; очень решительные черты лица, манеры, походка и жестикуляция; отрывистая, резкая речь; серые пристальные глаза; прекрасно владеет английским языком, говорит с американским акцентом; хорошо говорит по-немецки; более или менее свободно объясняется на французском и испанском языках».

Ну как в такого не влюбиться?! И Галина влюбилась. Однако, когда пришло время коснуться вопроса «быть или не быть» их совместной жизни, она услышала в ответ: «Не быть!» Её возлюбленный не пожелал разводиться, бросать жену и дочь, к тому же больную. И тогда Галина решила уйти из жизни.

В системе НКВД подобное квалифицировалось как ЧП - «чрезвычайное происшествие» - с непременным служебным расследованием и суровым, но справедливым наказанием виновного. Однако на этот раз всё пошло другим путём. Не последовало ни служебного расследования, ни заслуженного наказания.

Причём виновник не просто избежал стандартного в этих случаях вердикта - уволить из рядов... Наоборот, его кандидатура была выдвинута руководством наркомата на должность главного резидента НКВД в Испании. После того, как это предложение было одобрено Наркоматом иностранных дел, тогдашний шеф НКВД Ягода лично представил его Сталину на окончательное утверждение. А 20 июля 1936 года Политбюро проштамповало это решение. И в августе главный резидент НКВД в Испании отправился из Москвы к месту своей новой службы.

Как он сам впоследствии объяснял, его направили в Мадрид по той причине, что из всех старших офицеров НКВД он один, как считалось, обладал необходимым опытом в партизанской войне, контрразведке и зарубежных операциях - всем тем, что требовалось для работы в объятой Гражданской войной Испании.

Премьер-министру Испании, а также военному министру и начальнику штаба республиканской армии он был представлен как атташе посольства СССР по политическим вопросам, в чьи служебные обязанности входила «подготовка и представление политических докладов». В действительности же ему были предоставлены неограниченные полномочия по руководству контрразведкой и внутренней безопасностью страны. По его собственному признанию, он стал «самым главным советским официальным лицом в Испании, хотя для внешнего мира главным русским официальным лицом считался советский посол».

...Он родился 21 августа 1895 года в Белоруссии, в Бобруйске, в семье Лазаря и Анны Фельдбиных. Родители нарекли его Лейбой. Его дед по

отцу владел лесопромышленным коммерческим предприятием, был одним из столпов бобруйской синаноги, одним из её главных благодетелей. Во время поездки в 1885 году в Палестину в составе делегации российских евреев дед, выложив солидную сумму, купил там земельный участок в расчёте на то, что на нём со временем можно будет основать еврейское поселение. Будучи уже в преклонном возрасте Лейба не упускал случая с гордостью заметить, что его семья внесла свой вклад в создание государства Израиль в виде земельного участка, на котором ныне процветает город Петах-Тиква.

От своих предков Лейба унаследовал веру в религиозные устои семьи как в нечто большее, чем драгоценное духовное наследие. Для него эта вера стала главной движущей силой в развитии личности и формировании характера, в особенности, после 1905 года, когда он остался в России, а его дядюшки, тётушки, двоюродные братья и сёстры, да и прочая родня и друзья, предпочли присоединиться к массовому исходу евреев за океан, в Соединённые Штаты Америки.

Уже в детские годы Лейба выделялся среди своих сверстников смекалкой, предприимчивостью, самоуверенностью. Он считался прирождённым лидером: был одним из лучших учеников в школе, прекрасным футболистом и гимнастом. К тому же неплохо рисовал. По воспоминаниям друзей детства, Лейба «испытывал чувство обиды и зависти» из-за того, что его семья не так богата, как другие, но «в то же время вёл себя по-джентльменски и говорил об этом так, чтобы никого не обидеть».

Школьные успехи Лейбы и явные проблески таланта художника помогли ему попасть в московский Лазаревский институт, который готовил своих студентов к дипломатической и консульской службе. Блестяще окончив институт, Лейба поступил в Школу правоведения при Московском университете, одно из прославленных учебных заведений царской России. Но учиться ему там не пришлось. В 1916 году его призвали в армию, в 104-й полк, который считался резервным и дислоцировался на Урале.

В марте 1917 года Лейба успешно прошёл курс обучения в школе прапорщиков, а в мае - вступил в РСДРП, в так называемую «группу интернационалистов» Соломона Абрамовича Лозовского. Наконец, в 1920 году - перебрался к большевикам. «Я верил в программу и обещания Ленина», - вспоминал он впоследствии.

В том же, 1920 году он был направлен в 12-ю армию на юго-западной границе Европейской части России на должность следователя и заместителя начальника Особого отдела (военной контрразведки). В этом качестве ему довелось лично возглавлять боевые операции на оккупированной поляками территории, взрывая мосты, электростанции, выводя из строя телефонные и телеграфные линии связи, железнодорожные пути.

На советско-польской войне Лейба Фельдбин вскоре поднялся до

руководителя разведывательно-диверсионными операциями на юго-западном направлении Красной Армии. На него обратил внимание Артур Христофорович Артузов, начальник Особого отдела ЧК 12-й армии. И когда Лейба в декабре 1920 года обратился к нему с просьбой о переводе в Москву, Артузов не раздумывая рекомендовал юношу в новые, формирующиеся подразделения ЧК. В результате в 1921 году Лейба уже как чекист отправился в Архангельск на должность начальника секретно-оперативной части городской ЧК. С этого момента исчезает Лейба Фельдбин и появляется Лев Лазаревич Никольский. Таков был его первый из бесчисленного множества оперативных псевдонимов.

1 апреля 1921 года Лев Никольский женился на Марии Владиславовне Рожнецкой, уроженке Киева, поразительно красивой и умной девушке, моложе его на восемь лет. В 16 лет она вступила в партию. С 1919 года начала работать в советских учреждениях, а затем добровольцем ушла на Юго-Западный фронт, где и встретила своего суженого-ряженого. 1 сентября 1923 года у молодожёнов родилась дочка Вероника.

В 1923 году Никольскому, уже вернувшемуся из Архангельска в Москву, было поручено провести расследование с целью возбуждения судебного преследования по делу о коррупции, связанному с обращением государственной собственности в личную. Свои выводы он огласил на специальном заседании Политбюро, на котором присутствовали Сталин и Дзержинский. Его профессионализм и чёткость выражения мыслей были оценены шефом ЧК по достоинству: Никольский был переведён на службу в штаб-квартиру ОГПУ на должность помощника начальника Экономического управления (ЭКУ) и одновременно начальника 7-го отделения ЭКУ.

В конце 1925 года Никольского срочно направили, причём с личного одобрения Сталина, в Закавказье. Назначили комбригом и поручили охрану границ Советского Союза с Турцией и Ираном. Никольский оправдал доверие «вождя народов». Демонстрируя незаурядные организаторские способности и профессиональный подход к решению вопросов борьбы с мятежниками в непростых условиях дикой гористой местности, он добивается максимальных результатов при наличии минимальных средств и возможностей. И это не осталось незамеченным в Москве. О молодом комбриге начали говорить как о талантливом военачальнике.

Однако на другом фронте, на семейном, Никольских подстерегла беда. Однажды они и их любимая Вероника сильно промокли в Тифлисе под внезапно нагрянувшим ливнем. У дочери поднялась температура, начался озноб. Родители решили, что это обычная простуда. И лишь позднее, когда на следующий год они вернулись в Москву, услышали потрясший их диагноз врачей: ревматизм, болезнь, считавшаяся тогда неизлечимой.

В 1926 году Никольский перешёл на работу в ИНО - Иностранный отдел ОГПУ и сразу же был направлен резидентом в Париж с паспортом Льва Леонидовича Николаева. В его обязанности входил не только сбор

разведданных для ОГПУ, но также контроль за безопасностью советского посольства и торгпредства и наблюдение за политической благонадёжностью советских граждан в Париже. Не менее важной задачей, поставленной перед ним ещё в Москве, считалась организация дезинформационной работы. «Решение о том, какую информацию или слухи, если таковые появлялись, следовало окольным путём подсунуть так, чтобы они дошли до ушей определённого иностранного правительства, было само по себе вопросом высокой политики и должно было подчиняться конкретным целям, преследуемым высшим эшелоном власти СССР, - вспоминал впоследствии Никольский. - Дезинформация - это не просто ложь ради лжи; предполагается, что она станет ловким способом заставить другое правительство делать то, что Кремлю желательно, чтобы оно делало, или запугать и застращать правительство какой-нибудь страны до состояния полной пассивности или до такой степени, что оно пойдёт на уступки СССР».

Деятельность Никольского как «легального» резидента ОГПУ в Париже была положительно оценена в Москве, о чём лишний раз свидетельствовало его назначение на новое место службы - резидентом в Германию. В Берлин он прибыл в январе 1928 года, вскоре после того, как отпраздновал своё 33-летие.

В Германии ему предстояло заняться новым видом разведывательной деятельности, которая на том этапе развития Советского Союза приобретала не меньшее, а скорее, большее значение, чем военная или политическая разведка. Ему предстояло организовать промышленный шпионаж с целью, как он выразится позже, «оказания помощи в индустриализации Советского Союза путём кражи производственных тайн - новых изобретений, секретных технологических процессов и т.п.».

В 1929 году в ИНО было создано специальное подразделение по промышленной разведке, в функции которого входило получение нелегальным путём того, что Наркомвнешторгу было не по силам получить посредством легальных контрактов или экономического лицензирования германских промышленных технологий.

Как вспоминал позже Никольский, он прибыл в Берлин в тот момент, когда СССР уже связал себя целым рядом обязательств по закупке у немецких фирм крупных партий машин и оборудования и даже целых заводов для того, чтобы обеспечить выполнение заложенных в первом пятилетнем плане показателей по развитию отечественной индустрии. Поэтому весь многочисленный персонал советского торгпредства в Берлине находился практически в распоряжении Никольского. И он этим активно пользовался. «Иногда получения всех необходимых формул, чертежей и инструкций было достаточно для того, чтобы советские инженеры и изобретатели смогли воссоздать сложный механизм или в точности воспроизвести какой-то производственный процесс», - писал Никольский.

Чтобы представить уровень промышленного шпионажа и его размах, достаточно сказать, что даже такие ведущие в Германии фирмы, как

«Юнкерс», «БМВ», «АЭГ» и «Сименс», в те годы во многом зависели от контактов с советским торгпредством, точнее, от его отдела, который но соображениям конспирации назывался «инженерным отделом». Если же контракт по каким-либо причинам срывался - использовались возможности агентурного аппарата, которым достаточно быстро сумел обзавестись предприимчивый Лейба. Прекрасной иллюстрацией к этому может послужить история с приобретением технологии изготовления промышленных алмазов.

Всё началось с того, что Наркомат тяжёлой промышленности СССР закупил партию образцов «види». Так назывались изобретённые компанией Круппа искусственные камни для режущих инструментов, в которых остро нуждалась тогда советская нефтяная промышленность. Убедившись в производственных условиях в их прочности и высокой режущей способности, советская сторона приняла решение о покупке патентных прав на производство «види» и одновременно о заключении с Круппом контракта на строительство в Советском Союзе завода по их производству. Однако приехавшие в Москву для переговоров полномочные представители фирмы запросили непомерно высокую цену как за патент, так и за строительство завода. Когда об этом узнал Сталин, то пришёл в ярость и заявил тогдашнему шефу ОГПУ Менжинскому: «Эти ублюдки хотят слишком много денег. Попытайтесь выкрасть это у них. Покажите, на что способно ОГПУ!»

К выполнению этого задания Никольский привлёк своего агента-учёного из Берлинской высшей технической школы. Выяснив через своих коллег место нахождения завода-производителя «види», агент отправился туда и познакомился в одной из пивных с работниками этого завода. Сославшись на то, что работает над монографией о твёрдых сплавах, агент без особого труда выяснил у собутыльников, что по интересующим его вопросам лучше всего ему поговорить с ответственным за технологический процесс старшим техником. Выяснить его фамилию и домашний адрес также не составило труда.

Солидная выпивка и обильный обед для старшего техника тоже сделали своё дело: польщённый вниманием со стороны видного учёного, он без утайки рассказал о том, как в заводских печах под воздействием высоких температур и давления получают «види». Но главное, он назвал имя изобретателя, которого незаслуженно уволили за то, что он согласился изготовить аналогичную печь для одного из конкурентов Круппа. Незаслуженно потому, что его внесли в чёрный список и, следовательно, лишили возможности трудоустроиться в этой отрасли. Наконец, незаслуженно и потому, что он - честный немец, верный член нацистской партии.

Агент, проинструктированный Никольским, представился изобретателю посредником одной из шведских фирм, заинтересованной в организации производства промышленных алмазов, чтобы разрушить монополию Круппа. Это сработало, и изобретатель согласился предоставить полное техническое описание процесса за 10 тыс. марок.

Но Москве этого было недостаточно. Там посчитали необходимым присутствие изобретателя при строительстве и сдачи в эксплуатацию печи, которая вращается на огромной скорости и при высокой температуре для образования тепла и давления, требуемых при преобразовании частиц графита в промышленные алмазы. И эту задачу Никольский решил блестяще.

Он дал агенту задание «заняться» женой изобретателя, сыграть на сугубо женских слабостях и на том, что изобретатель, как выяснилось, - типичный «подкаблучник». Деньги на покупку туалетов, украшений и т.д и т.п. позволили агенту заручиться полной поддержкой «фрау». Всего неделя понадобилась ей, чтобы уговорить мужа подписать контракт на два года работы в России. Правда, она при этом получила достаточно солидное разовое денежное вознаграждение и гарантию «шикарной жизни».

Об эффективности работы советской разведки в Германии в сфере промышленного шпионажа свидетельствуют данные, приведённые в отчёте за 1930 год Союза немецкой промышленности, известного под названием «Райхсфербанд дер дойчен индустри» и напрямую занимавшегося борьбой с промышленным шпионажем. Там говорится, что к концу десятилетия ежегодные потери Германии составляли более 800 млн. марок или почти четверть миллиарда долларов в год. Или такой факт: к концу пребывания Никольского в Берлине усилиями специального подразделения берлинской полиции был зафиксирован троекратный рост числа зарегистрированных случаев промышленного шпионажа: с 330 в 1929 году до 1000 с лишним в 1930 году. При этом было установлено, что в большинстве случаев нити тянутся в советское торговое представительство. Антисоветские настроения, порождённые «возмутительной деятельностью советских официальных лиц», достигли своего апогея после ареста одного из функционеров Коммунистической революционной профсоюзной оппозиции (РГО) Карла Динстбаза, сознавшегося в том, что он и его друзья «воровали» информацию для Советского Союза.

Дабы избежать возможных неприятностей, в Москве в апреле 1931 года было принято решение отозвать Никольского из Берлина в первопрестольную.

...До того, как в 1930 году А. Артузов возглавил ИНО, он долгое время эффективно руководил отделом контрразведки и, в частности, отличился блестяще проведёнными, ныне широко известными, операциями «Трест» и «Синдикат». Свою деятельность на новом посту он начал с переориентирования внешней разведки с «легальных» позиций на нелегальные, как менее уязвимые и менее зависимые от политической конъюнктуры, а значит - наиболее эффективные. В частности, из-за прихода к власти в Германии нацистов Москве пришлось переносить штаб-квартиру советской внешней разведки в Европе из Берлина в Париж.

Сделав ставку на нелегальную разведку, Артузов предельно ужесточил требования секретности и конспирации. Доступ к конкретным

агентурным и оперативным делам отныне стали получать лишь те, кого это непосредственно касалось. Вся секретная документация стала исполняться от руки и нигде не регистрировалась. Официальные архивные номера и гриф секретности не присваивались ни документам, ни делам. Так, без грифа секретности и номера был составлен и утверждён к исполнению первый при Артузове документ под названием «Разработка Второго бюро французского генерального штаба и его агентуры в СССР».

Претворить в жизнь этот претенциозный проект Артур Христофорович поручил в 1933 году своему давнему протеже Никольскому. Агентурные позиции, действуя с нуля, необходимо было создать в самом втором бюро и в так называемом «техническом отделе», где хранились личные дела всех агентов.

Начиная карьеру «нелегала», Никольский уже имел подлинный американский паспорт. Он ухитрился незаконно получить его во время поездки в США по приглашению компании «Дженерал моторс» осенью 1932 года. Приглашения на три месяца были направлены группе работников советских внешнеторговых объединений, среди которых оказался и он, Лев Леонидович Николаев.

Посетив автомобильный завод в Детройте, Лейба разыскал в Нью-Йорке своих родственников и друзей детства по Бобруйску. Под фамилией Николаев записался на годичные курсы английского языка в Колумбийском университете, имея визу лишь на три месяца. А 30 ноября всё того же, 1932 года уже возвращался в Москву на борту лайнера «Бремен», имея в кармане американский паспорт №566042 с печатью Государственного департамента США, за подписью Генри Л. Стимсона, выданный 23 ноября 1932 года на имя Уильяма Голдина. С паспортной фотографии взирал уверенный в себе, модно одетый Лейба.

Первый опыт работы в качестве резидента-«нелегала» стал для Никольского весьма и весьма поучительным. Оказалось, что разведка с «легальных» позиций и нелегальных - две большие разницы, что «нелегалу», в частности, категорически противопоказаны такие свойственные Лейбе качества, как излишняя самонадеянность, стремление решить поставленную задачу наскоком, а отсюда - опрометчивость при установлении первичных контактов, ставка на первого оказавшегося под рукой, мало-мальски подходящего кандидата на вербовку, небрежность в просчитывании возможных негативных последствий.

Нелегальная резидентура состояла из четырёх сотрудников: резидента, его помощника, связиста и сотрудника по технике и местной связи. Оперативная база, но соображениям конспирации и безопасности, располагалась в Женеве или, как было сказано в оперативном плане, «в прилегающем к Франции швейцарском городе».

Никольский, оперативный псевдоним - «Швед», должен был прибыть в Женеву под личиной американца, пожелавшего пройти курс лечения в

одном из местных лечебных заведений на берегу Женевского озера. Но прежде ему предстояло отправиться с советским паспортом в Австрию на три месяца, в течение которых он должен был заняться «совершенствованием английского и французского языков, а также для оформления связиста и семьи».

Тогда в советской разведке не практиковался вывод «нелегалов» за кордон вместе с семьёй. Но для «Шведа», с учётом болезни его дочери, было сделано исключение. Его жена Мария оформлялась в качестве сотрудника резидентуры по технике и местной связи. «Жанну», таким был её оперативный псевдоним, снабдили австрийским паспортом на имя Маргариты Фельдбин. В паспорт была внесена дочь Вероника. У самого «Шведа» было три паспорта: американский на имя Уильяма Голдина, австрийский - на имя Лео Фельдбина и советский - на имя Льва Леонидовича Николаева.

В конце 1932 года «Швед» прибыл в Австрию и поселился в Гинтербрюле, пригороде Вены, где и стал брать частные уроки у английского профессора, представившись ему Львом Леонидовичем Николаевым, русским, проживающим в Австрии по воле судьбы. А ведь у него был австрийский паспорт!

Завершив к середине июня свою учёбу, «Швед» направил лично Артузову шифртелеграмму: «Первого июля перехожу на новое положение и выезжаю на место работы. Швед». Из Вены он 27 июня отбыл в Прагу и, став там Уильямом Голдиным, продолжил путь в Женеву через Берлин.

В Берлине у него состоялась встреча с агентом местной резидентуры НКВД по кличке «Шталь». Выяснилось, что «Шталь», еврей по национальности, жаждет как можно скорее покинуть Германию, где к власти пришли ненавидевшие евреев нацисты. Более того, «Шталь» сразу же предложил «Шведу» свои услуги, заявив, что «через своего старого знакомого Рыбникова, владельца книжного магазина в Париже на улице Ланжер, 3, уже нащупал одного офицера из северо-восточного отдела французского генштаба», то есть там, куда «Шведу» предстояло внедриться. Об этом он поспешил информировать Центр, хотя сотрудник берлинской резидентуры успел предупредить его о том, что «Шталь» далеко не безупречный агент и доверять на слово ему не стоит. Не придал «Швед» должного значения и такому настораживающему факту: ещё ничего не сделав, «Шталь» потребовал денежного вознаграждения, причём весьма солидного. Подлинный характер игры, затеянной «Шталем», стал понятен «Шведу» лишь несколько месяцев спустя.

«У меня есть кое-что интересное для вас, - с важным видом заявил он «Шведу» на их первой же конспиративной встрече в Париже 10 июля 1933 года. - Помните, я говорил вам об одном офицере генштаба? Он заходит в библиотеку «Маяк» за советскими журналами и газетами. Сестра владельца библиотеки, Нина Гарницкая, познакомила меня с ним». При этом «Шталь» назвал его - Владимир Александрович Рыковский, бывший белогвардейский офицер, получивший французское гражданство. «Все материалы по разведке в Советском Союзе сосредоточены в его руках, - с

заговорщическим видом вещал «Шталь». - Он является связующим звеном между центром французской разведки в СССР и парижским центром, я имею в виду - генштабом. Его начальник - француз в чине капитана. Он ездит на «роллс-ройсе» и, по некоторым признакам, живёт выше своих средств». И эти сведения «Швед» заглотнул и незамедлительно передал в Центр.

Через пару недель «Шталь» опять же ошеломил «Шведа» сообщением о том, что Рыковский уже готов передавать французские документы в обмен на информацию о Советском Союзе, которой располагают немецкие спецслужбы. От имени этих служб как раз и выступал «Шталь». В заключение беседы агент, как и на первой встрече, запросил умопомрачительное денежное вознаграждение за переданные сведения.

В отчёте, направленном в Москву 5 сентября 1933 года, «Швед» исповедовался: «Кроме «Шталя» - человека неопытного в моей новой области, чужого в данной стране, я не получил для развода хотя бы одного подлинного француза, через которого я мог бы ориентироваться, прощупывать новые знакомства, не запугивая людей с первого же момента иностранным подданством и внешностью. Не имея такого человека, мне на первых порах приходится самому выполнять роль тайного агента, но значительно хуже среднего француза... Я пытался сойтись с некоторыми людьми. Удачи не было. Познакомился с одним дипломатическим работником-немцем в Лиге Наций, Хенсслером. Он дать ничего не может. Познакомился с женой парижского архитектора Альтмана (муж - сын знаменитого художника). Она была любовницей де Монси четыре года тому назад. Обработать её легко, но каково её влияние на де Монси теперь? По всем данным, слабое. Считать же определённым успехом завязку с Рыковским нельзя. Вот почему я считаю своим долгом бить перед вами тревогу уже сейчас, по истечении двух месяцев». «Швед» не просто бил тревогу - он по существу расписывался в своём бессилии, в неумении работать в «поле», вести вербовочную работу с позиций нелегальной разведки.

Вскоре из Центра ему сообщили о том, что, судя по агентурным сведениям, «Рыковский едва ли является сотрудником «Второго бюро» и уж в любом случае не является офицером». Далее ещё хуже для «Шведа»: «Согласно архивным материалам об английских агентах, в Турции в 1928 году некто Рыковский работал для Кристи, офицера МИ-6, возглавлявшего паспортное бюро посольства Великобритании в Афинах и работавшего оттуда на Турцию и СССР».

...А «Шталь» продолжал водить за нос «Шведа»: то он познакомился с маршалом Петэном, героем Первой мировой войны, а тот представил его Пьеру Тетинжеру, редактору газеты «Женесс патриот», представителю правого крыла в палате депутатов; в свою очередь, Тетинжер свёл его с офицером «Второго бюро» по имени Кюржесс; ну, а тот представил его своему коллеге по имени Жюно». Цепочка очередных «перспективных знакомств» для внедрения в французский генштаб могла бы тянуться у

«Шталя» бесконечно, если бы в один прекрасный день «Швед» не узнал о том, что его жадный до денег агент обратился в советское торгпредство в Париже с предложением продать, разумеется за солидную сумму, одно «очень важное изобретение». Между ними состоялся откровенный, неприятный для обоих разговор. Точка над «i» была поставлена.

В декабре 1933 года из Москвы неожиданно поступило указание «Шведу» срочно вылететь в Рим, с тем чтобы подключиться там к операции но привлечению Джузеппе Боттаи, члена правительства Муссолини, к секретному сотрудничеству с Москвой. Предполагалось, что за соответствующее денежное вознаграждение эта влиятельная фигура в фашистском «Большом совете» может согласиться на роль тайного информатора НКВД. В Центре этой операции придавали настолько важное значение, что окончательное «добро» на её проведение должно было последовать от Хозяина, то бишь от самого Сталина. И вот А. Артузов предложил своему протеже срочно вылететь в Рим, разобраться во всех деталях на месте и сделать квалифицированный вывод о целесообразности проведения операции. «Быть или не быть» - зависело теперь от того, что скажет «Швед».

Значит, я ещё в фаворе! С такой приятной мыслью он 12 декабря отправился в Италию. А через три дня телеграфировал Артузову о том, что объект вполне вербуем и в успехе предстоящей операции вряд ли стоит сомневаться. Однако шеф ИНО пожелал, чтобы «Швед» прибыл в Москву и детально обо всём доложил.

С личного одобрения Сталина операция вскоре была проведена в Берлине, куда Джузеппе Боттаи прибыл с кратким официальном визитом. Советскому торгпреду удалось накоротке побеседовать с итальянцем, которому он, пожимая на прощание руку, передал конверт с 15 тыс. долларов и короткой запиской должного содержания.

Реакция Джузеппе Боттаи была, как ныне говорят, неадекватной. Он передал конверт с содержимым лично дуче. И незамедлительно через МИД Италии был заявлен решительный протест послу СССР в Риме по поводу попытки подкупа «верного соратника Муссолини господина Джузеппе Боттаи». Когда об этом доложили Сталину, он произнёс: «Слишком мало денег - в следующий раз нужно попытаться дать 50 тыс. долларов». «Шведу» же никаких официальных претензий никто не предъявлял, хотя всем было ясно, что он оказался и на этот раз не на высоте, по существу подставив своего благодетеля.

Вояж в Рим аукнулся «Шведу» ещё одной неприятностью. Несмотря на краткость своего пребывания в Италии, он не смог отказать себе в удовольствии провести уик-энд на острове Капри - излюбленном месте отдыха римской «знати». Там он познакомился со вторым секретарём посольства Польши в Италии. Усмотрев в нём потенциального кандидата на вербовку, «Швед» по возможности закрепил свой контакт с очень коммуникабельным и разносторонне образованным молодым человеком. Обменялся визитками и выразил надежду на встречу в ближайшем будущем. Поляк не возражал. Каково же было удивление отбывшего для

личного доклада в Москву в вагоне первого класса «восточного экспресса» Льва Леонидовича Николаева - «Шведа» увидеть, как в Берлине в этот же вагон садится поляк, направлявшийся в Варшаву. Паспортный контроль на германо-польской границе неминуемо разоблачил бы «Шведа» в глазах поляка. С большим трудом и риском «Шведу» всё же удалось затаиться во время паспортного контроля в вагоне третьего класса.

...В один из солнечных апрельских дней 1934 года, когда «Швед» прогуливался по одной из оживлённых парижских улиц, неожиданно прозвучал громкий оклик: «Лёва!» Гражданину США Уильяму Голдину не было никакого резона хоть как-то реагировать на этот оклик, хотя он был явно адресован ему - Льву Николаеву, когда-то сотруднику советского торгпредства в Париже. Уильям Голдин продолжал как ни в чём не бывало свой путь в надежде, что окликнувший его человек мог ошибиться или даже просто затеряться в толпе прохожих. Но не тут-то было! Спустя минуту чья-то тяжёлая, мужская, ладонь легла на его плечо. «Швед» не мог не обернуться. Едва встретившись взглядом с незнакомцем, он понял, что отпираться бесполезно. Перед ним стоял Верник, бывший коллега по работе в торгпредстве, решивший в конце 20-х годов стать невозвращенцем. Но, похоже, на чужбине он жар-птицу не поймал. Об этом убедительно говорили его изрядно поношенная, помятая одежда и покрывшееся раньше времени старческими морщинами небритое лицо.

«Может быть, по старой дружбе угостишь меня стаканчиком вина и мы поболтаем?» - почти умолял Верник. А «Швед» понял, что он влип и деваться ему некуда. Разговор был непродолжительным. Верник по-прежнему считал «Шведа» сотрудником советского торгпредства и жалобно просил помочь ему вернуться на родину. Он твердил о том, что раскаивается в содеянном и готов искупить свою вину, что жить на чужбине ему невмоготу и т.д. и т.п. «Швед» пообещал помочь в силу своих возможностей. На том и расстались.

Анализируя происшедшее, «Швед» пришёл к выводу, что на его нелегальной разведывательной работе во Франции нужно ставить жирный крест. Аналогично отреагировал и Центр. 8 мая 1934 года «Швед» направил в Москву свою последнюю шифртелеграмму из Парижа: «Сегодня во исполнение вашего указания уезжаю в Швейцарию. Швед».

За год с лишним нелегальной работы во Франции ему так и не удалось найти хотя бы реальных подходов к агентурному проникновению во «Второй отдел» французского генштаба. Претенциозная задача, поставленная перед ним его покровителем А. Артузовым, осталась невыполненной.

Вербовщик - специальность, особо уважаемая в разведке, она требует не только разносторонних, включая психологию и этику, знаний и определённых оперативных навыков, но и, если хотите, особого призвания, таланта. Вербовщик, работающий в «поле», подобен золотоискателю, опытный глаз которого высматривает самородки в массе породы. Так и вербовщик - среди множества людей угадывает нужного,

готового стать его полезным и верным помощником.

«Швед» не был «нолевым» игроком. Как прирождённый лидер, командир, он любил и умел руководить работой с уже найденными самородками.

...Из Швейцарии «Швед» проследовал в Вену, где получил приказ из Центра отбыть с очередным заданием в Англию. Ему надлежало принять руководство лондонской нелегальной резидентурой, которая к моменту его приезда уже располагала солидными агентурными заделами, созданными такими асами-вербовщиками, как Дейч и Рейф. Там уже действовали такие источники важной разведывательной информации, как «Бэр», «Атилла», «Нахфольгер» и «Профессор», а также начинающие «три мушкетёра» - Ким Филби, Дональд Маклейн и Гай Бёрджесс.

«Шведу» предстояло использовать потенциал этих «самородков» для создания агентурных позиций в английских спецслужбах - МИ-6 и МИ-5.

...15 июля 1934 года «Швед» сошёл на берег в порту Гарвич на Восточном побережье Англии. А оттуда перебрался в Лондон с официально задекларированной целью открыть в английской столице экспортно-импортную компанию по торговле холодильниками и прочей бытовой техникой.

Однако через десять дней, 25 июля, он возвратился в Москву, где доложил о состоянии дел и перспективах работы в лондонской резидентуре, а затем подал на имя Артузова рапорт с просьбой освободить его от обязанностей нелегального резидента в Лондоне по причине плохого состояния здоровья дочери, нуждавшейся в постоянном присмотре. Рапорт не приняли, в просьбе отказали.

18 сентября 1934 года «Швед» возвратился в Лондон, где открыл-таки небольшую экспортно-импортную компанию, зарегистрировав её под названием «Американ рефриджерейтор компани Лтд» по адресу: Империал хаус, 84, Риджент-стрит. Произошли подвижки и в резидентуре - определился её костяк: «Швед», Дейч, Рейф.

Вскоре в Лондон прибыла семья «Шведа» - жена и дочь, которые поселились отдельно от него. Правда, всего лишь в пяти минутах езды на метро. Получилось так, что их пребывание на берегах Туманного Альбиона оказалось недолгим.

Осенью всё того же, 1934, года в Вене был арестован местный чиновник, который снабжал советских разведчиков австрийскими паспортами, разумеется, нелегально. Его арест аукнулся ряду «нелегалов». В частности, в январе 1935 года Рейф получил повестку с предложением явиться для беседы в министерство внутренних дел Англии. К счастью, всё обошлось малой кровью: ему предложили покинуть Англию до 15 марта 1935 года, поскольку его австрийский паспорт на имя Макса Волиша был признан недействительным.

Сообщая об этом в Москву письмом от 24 февраля, «Швед» заметил: «Они, по-видимому, копали вокруг да около, но не сумели накопать ничего

конкретного, а поэтому решили от него избавиться». А в следующем письме в Центр он уже высказал обеспокоенность угрозой разоблачения его жены. «Ваша информация о том, что сеть, снабжающая нас «книжками», одну из которых имел «Марр», провалилась, вызвала у меня большое беспокойство. Как вам известно, у моей жены была «книжка» той же страны, что и у «Марра». С таким документом «Пауль» уже однажды потерпел фиаско в Париже. «Книжка» моей жены зарегистрирована с соблюдением всех формальностей в соответствующей организации. Вот почему я решил отправить домой жену и дочь».

К слову сказать, и сам «Швед», оставшись без семьи, пробыл в Англии недолго, год с хвостиком. 10 октября 1935 года из Центра пришло указание немедленно возвращаться в Москву. Оно было передано условной фразой: «Лотти должна выехать на юг».

Непосредственной причиной, побудившей Центр срочно отозвать его, стало сообщение самого «Шведа» о том, что в пансионе, где он проживал, ему нежданно-негаданно повстречался тот самый профессор, у которого он брал уроки английского языка в Вене и который знает его как советского гражданина Льва Леонидовича Николаева.

Признал ли он «Шведа»? Состоялся ли между ними разговор? О чём они говорили? Надолго ли профессор задержится в пансионе, а также как он туда попал? Эти вопросы «Швед» почему-то никак не осветил в своём письме, зато поспешил переселиться в гостиницу, а в резидентуре начал передавать дела Дейчу и готовиться к отъезду в Москву. Там находилась его семья, а значит, и весь смысл его жизни.

Год работы в резидентуре - срок явно недостаточный для того, чтобы добиться агентурного проникновения в МИ-5 и МИ-6, если, конечно, не поспособствует тому «госпожа удача». Что же удалось сделать за этот период «Шведу»?

По понятиям самого «Шведа», на посту руководителя нелегальной резидентуры он должен был «держать рот на замке и быть постоянно начеку едва ли не со всеми людьми - только руководитель резидентуры и его главный помощник знают всю агентурную сеть и все операции». Необходимо было, чтобы резидент во всех подробностях знал «биографические данные каждого агента», их профессии и место работы, подробности вербовки, результаты их работы на советскую разведку и «степень надёжности этих результатов». Лишь в самых исключительных случаях ему как резиденту надлежало вступать в непосредственный контакт с «самыми ценными и надёжными источниками».

В лондонской резидентуре работу с агентурой и вербовочными разработками вели Дейч и Рейф. Что же касается «Шведа», то он принял на себя общее руководство агентурной сетью. О том, как это выглядело на практике, наглядно свидетельствует пример с Филби. По указанию «Шведа» Дейч попросил своего подопечного составить список его кембриджских друзей, которых можно было бы взять в оперативную разработку с последующей вербовкой. После того как этот список был

готов и просмотрен «Шведом», Филби получил новое задание - предложить варианты карьеры, которые могли бы способствовать его антифашистской работе (читай: секретной работе на НКВД). Филби и здесь показал себя исполнительным, дисциплинированным человеком.

Распределение обязанностей в резидентуре претерпело изменения после незапланированного отъезда Рейфа. В результате с февраля 1935 года руководство такими важными источниками информации, как «Атилла», «Бэр», «Нахфольгер» и некоторыми другими, «Швед» передал Дейчу. Сам же взял на себя работу с «тремя мушкетёрами».

Личный контакт «Шведа» с Филби состоялся ещё до отъезда Рейфа, где-то в последних числах декабря 1934 года. Эту встречу в Риджентс-парке организовал Дейч, который представил своего шефа Биллом. Состоялась беседа. «Швед» попросил Филби аргументированно высказаться о том, насколько Гай Бёрджесс пригоден к секретной работе и целесообразно ли его привлекать к ней. Вспоминая впоследствии об этой встрече, Филби заметил, что Орлов («Швед») был чрезвычайно твёрдым человеком, и, честно говоря, я не знал, что делать, потому что был новичок в этом деле». Сам «Швед», по словам Филби, считал, что Бёрджесс мог бы быть полезен, и поручил ему «обдумать, как лучше прозондировать его». И ещё: «Швед» произвёл на Филби впечатление «очень жёсткого человека, но очень вежливого и очень обходительного... он относился ко мне по-отцовски; у меня же было ощущение, что вот это истинный начальник всего этого дела, из Москвы, и у меня было к нему отношение как к герою. Это не означало, что я думаю плохо или менее уважительно об «Отто»* или «Тео»,* но просто на этот раз пришёл настоящий русский, советский человек. Иными словами, если я считал «Тео» и «Отто» коммунистами, то Орлова я считал большевиком».

«Неделю за неделей мы встречались то в одном, то в другом отдалённом районе Лондона, - продолжает Филби. - Я приходил на встречу с пустыми руками, а уходил нагруженный самыми подробными рекомендациями, предостережениями и ободряющими напутствиями».

Отдавая должное скромности Кима Филби, следует, однако, отметить, что приходил он на встречи отнюдь не с пустыми руками. Ещё будучи на связи у Дейча, он уже передавал конфиденциальную правительственную информацию, которая положительно оценивалась в Центре. В частности, от него были получены сведения о строительстве базы британских ВВС на территории Саудовской Аравии, а также о текущих планах военного министерства Англии.

«Шведу» же нужно было, как этого требовал Центр, изыскать возможность для внедрения агентуры, в том числе и Филби, в английские спецслужбы - МИ-6 и МИ-5. И он, витая порой в облаках, выдвигал явно авантюрные проекты. Стоило, например, Филби устроиться помощником редактора «Ревью оф ревьюз», как он получил от «Шведа» задание поместить в этом издании объявление о приёме на работу машинисток-стенографисток с опытом практической деятельности. «Среди моря предложений, изъятых нами из почтового ящика, - сообщал он в Москву

24 апреля 1934 года, - наиболее подходящей показалась стенотипистка центрального секретариата морского министерства. Чтобы познакомиться поближе с ней, «Зенхен», кличка Филби, взял её на вечернюю работу в свою редакцию. Теперь перед нами задача подыскать ей «любовника». Сами понимаете, что исход такого дела всегда чрезвычайно загадочен». В Москве намёк поняли и ответили однозначно: «Использовать «Сынка» для вербовки категорически запрещаем».

Решительный отказ не смутил «Шведа». И вскоре в Центр был представлен другой, не менее авантюрный план поэтапного проникновения «Зенхена» в МИ-6. Узнав от последнего о том, что эмир Сауд ищет для себя преподавателя английского языка и обратился за помощью к отцу Филби, известному арабисту, пользовавшемуся уважением королевской семьи Саудов, «Швед» незамедлительно сообщает в Центр: «Я ухватился за случай с эмиром Саудом, ищущим учителя, чтобы вывести «Зенхена» на высший уровень. Через два месяца он уезжает с эмиром в Аравию, где живёт во дворце как член семьи». По замыслу «Шведа», «Зенхен» «как истинный патриот Англии» перед отъездом предложит руководству МИ-6 свои услуги. Сделает он это через своего университетского друга, принятого на работу в эту службу. Так «Зенхен» станет информатором МИ-6. Далее, он должен будет в течение шести месяцев упрочить свою «легенду» в качестве информатора, после чего - «заболеть от тяжкого климата в Аравии и вернуться в Англию», где он станет «как минимум - внештатным агентом МИ-6».

Пока «Швед» «делил шкуру неубитого медведя», эмир нашёл себе учителя. Но это был не «Зенхен».

И опять-таки «Швед» не пал духом. Летом 1935 года Филби получил приглашение на высокооплачиваемую работу в Дели - сотрудником по связям с прессой Индийской государственной службы. Приглашение исходило лично от министра внутренних дел Индии по рекомендации хороню знавшего Филби помощника редактора лондонской «Таймс».

«Я дал указание «Зенхену» этот пост принять», - поспешил сообщить в Москву «Швед». И хотя переговоры Филби с индийцами ещё только начинались, «Швед» с присущим ему напором доказывал Центру, что поездка Филби в Дели - кратчайший и наиболее реальный путь его внедрения в МИ-6 вначале в качестве информатора в Индии, а затем и штатного сотрудника.

«Ещё раз повторяю, «Зенхен» поразительно развился, - настаивал он в своём письме от 12 сентября 1935 года. - Очень серьёзный человек, с большим аппетитом к агентурной работе, и из него в будущем выйдет большой и ценный работник».

Это было последнее письмо «Шведа» о Филби, отправленное им из Лондона.

«...В феврале 1935 года передал «Вайзе» «Шведу» - такую шифровку отправил в Москву Игнатий Рейф перед тем, как покинуть Лондон из-за истории с его австрийским паспортом.

Приняв на связь «Вайзе», «Швед» ориентировал его на получение разведывательной информации через обширные семейные связи среди высокопоставленных чиновников в английском правительстве и прочих властных структурах. «Вайзе» отнёсся к заданию самым серьёзным образом, хотя и был крайне занят подготовкой к экзаменам для поступления на работу в МИД.

«Вайзе» готовится к «экзаменам по МИДу» - рапортовал «Швед» в Москву, подчеркнув при этом, что с поставленным заданием он успешно справляется: «Вступил в члены «женского клуба», в котором состоит большинство секретарш министерств и политических организаций». «Швед» особо подчеркнул, что «Вайзе» познакомился с секретарём жены министра иностранных дел Джона Саймона и сдружился с сотрудником МИДа Шакбергом, а также с Оливером Стрейчи и Робертом Кэре-Хантом из «секретного отдела» МИДа.

В октябре 1935 года Маклейн был зачислен в кадры английского МИДа. И «Швед» успел, буквально в последний момент, снять фотокопию с письма лорда Саймона, в котором министр иностранных дел Англии лично поздравлял Маклейна с поступлением на дипломатическую службу Её Королевского Величества. Фотокопию «Швед» взял с собой в Москву для отчёта.

А из Москвы в Лондон вскоре вернулся Дейч, который принял обратно на связь Маклейна и отменил намечавшуюся поездку Филби в Индию.

...Один из друзей «Шведа» по школьным годам Борис Розовский вспоминал, что Лейбу уже тогда, в детские годы, тянуло проводить время в более комфортабельной обстановке их дома, поскольку семья Розовских считалась одной из самых состоятельных в еврейской общине Бобруйска. По его словам, на Лейбу производила впечатление резкая разница в социальном статусе их семей, и он «всегда просил мою маму разрешить ему посмотреть на стол, который накрывали в ожидании важных гостей».

Эта тяга Лейбы к «шикарной» жизни с возрастом не пропала, скорее, даже усилилась. Он ни в чём себе не отказывал даже в объятой пламенем Гражданской войны Испании.

Весной 1937 года доброволец интернациональной бригады Кирилл Хенкин имел возможность наблюдать «Шведа» в Валенсии в отеле «Метрополь» - штаб-квартире, как он выразился, советской разведки. Вот его воспоминания.

«Меня проводили на шестой этаж в просторный номер генерала, ответственного за операции НКВД. Судя по первому впечатлению, Орлов был далеко не типичным русским военным офицером. Это был утончённый человек, более привычный к комфорту, чем к суровой фронтовой жизни. Когда мы вошли в комнату, Орлов сидел довольно далеко от меня. Я поразился, насколько тщательно он ухаживал за собой. Он только что побрился и сбрызнул себя одеколоном. На нём была утренняя одежда: фланелевые брюки и шёлковая сорочка без галстука. На поясе в открытой замшевой кобуре виднелся пистолет «Вальтер» 7,65 калибра».

И далее: «Я был заворожён и парализован видом роскошного завтрака, накрытого на сервировочном столике, который вкатил слуга в белой униформе. Орлов намазал маслом горячий подрумяненный ломтик хлеба, откусил кусочек и занялся яичницей с ветчиной, время от времени прихлёбывая кофе. Он слушал меня рассеянно, иногда задавая вопросы, чтобы смутить меня, но большую часть времени он меня не перебивал. Что касается меня, то я изо всех сил старался не пялиться на еду - не для того, чтобы скрыть, что я голоден, а чтобы не утратить достоинство. Целые сутки у меня не было крошки во рту.

Подобрав яичный желток булочкой и допив свою чашку кофе, Орлов вынул пачку «Лаки страйк», зажёг сигарету и, показывая, что разговор закончился, сказал: «Мы с вами свяжемся».

Однако вызова от Орлова так и не последовало.

...В Испании «Швед» представлялся Александром Михайловичем Орловым. По его утверждению, «Сталин решил, что мне следует перед назначением в Испанию сменить старый псевдоним «Никольский» на «Александр Михайлович Орлов».

...Не менее интересными штрихами к портрету Лейбы Орлова выглядят наблюдения Кима Филби. Отправившись по заданию советской разведки в Испанию сначала свободным журналистом, а затем корреспондентом лондонской «Таймс», Филби возобновил там оперативный контакт со своим прежним куратором. «Зенхен» называет Орлова «человеком действия». В экстремальных условиях гражданской войны Орлов, по его словам, «был энергичен, я бы сказал, отчаянно энергичен. Он, например, любил всегда быть при оружии - вероятно, из-за переполнявшей его энергии и непомерно романтического отношения к своей профессии. Работа у нас шла гладко, однако иногда случались и курьёзы.

Одна из очередных встреч была назначена в Тулузе на железнодорожном вокзале. Когда появился Орлов, я почувствовал, что что-то не так. Всегда уверенный и спокойный, он в этот раз выглядел смущённым и явно чувствовал себя неловко. На мой вопрос, в чём дело, Орлов немного помялся, а потом распахнул плащ. Под плащом у него висел автомат. Затем он сел и рассказал, как привычка всегда иметь под рукой автомат спасла ему жизнь.

Однажды изнурительным жарким днём Орлов решил устроить себе сиесту, как это делают в жару испанцы. Стянув с себя всю одежду и растянувшись на гостиничной постели под одной простынёй, Орлов быстро задремал, предварительно положив рядом свой верный автомат со снятым предохранителем. Пребывая в полудремотном состоянии, он почувствовал, что дверь его комнаты открывается. Не проснувшись полностью, Орлов инстинктивно схватил оружие и разрядил целую обойму ещё до того, как сумел оценить ситуацию. Он обнаружил, что уложил наповал двух мужчин, которые вошли в комнату. Он уверял меня в том, что, как он позднее выяснил, эти люди были направлены, чтобы убить его.

Однако он так и не узнал, были ли они посланы Франко или его врагами из НКВД».

...20 октября 1936 года Орлов получил из Центра шифртелеграмму следующего содержания: «Передаю вам личный приказ «Хозяина». Вместе с послом Розенбергом договоритесь с главой испанского правительства Кабальеро об отправке испанских золотых запасов в Советский Союз. Используйте для этой цели советский пароход. Операция должна проводиться в обстановке абсолютной секретности. Если испанцы потребуют расписку, в получении груза, откажитесь это делать. Повторяю: откажитесь подписывать что-либо и скажите, что формальная расписка будет выдана в Москве Государственным банком. Назначаю вас лично ответственным за эту операцию. Розенберг проинформирован соответственно. Иван Васильевич». Так подписывал Сталин самые секретные сообщения. Речь шла о золотых слитках на сумму 2 367 000 000 песет или около 783 миллионов долларов.

Орлов успешно справился с поставленной задачей. Его повысили в звании. Более того, в органе ЦК ВКП(б) газете «Правда» был опубликован текст указа о награждении старшего майора госбезопасности Никольского Льва Лазаревича орденом Ленина за «выполнение важного правительственного задания».

После этого Орлов переключил всю свою энергию и организаторский пыл на решение своей главной задачи - формирование испанских спецслужб.

Ещё 15 октября, то есть ровно через месяц после приезда в Мадрид, он сигнализировал в Москву о том, что в Испании «единой службы безопасности нет, так как правительство считает это дело не очень моральным. Каждая партия сама создала свою службу безопасности. В том учреждении, что есть у правительства, много бывших полицейских, настроенных профашистски. Нашу помощь принимают любезно, но саботируют работу, столь необходимую потребителям страны».

И он решительно взялся за дело. Прежде всего настоял на создании центральной службы безопасности, которая сразу же продемонстрировала своё... бессилие. Вне Мадрида продолжали функционировать конкурирующие между собой контрразведывательные службы разных партий, которые полностью игнорировали любые указания из центральной службы безопасности, где верховодил Орлов. «Единственный выход, - рапортовал он в Москву, - прикомандировать наших советников на места в наиболее важных городах и военных центрах».

Москва поддержала предложение Орлова. И вскоре в Испании начался не слишком деликатный процесс «сталинизации» республиканских органов власти. По образу и подобию НКВД Орлов создал тайную полицию - опробированное в СССР эффективное средство запугивания, изоляции путём арестов, а в случае необходимости и ликвидации неугодных элементов. Пользуясь предоставленными ему

неограниченными полномочиями, он показал себя типичным представителем того, чем стал ленинский коммунизм при Сталине. И это не могло не вызвать ответной негативной реакции со стороны республиканской власти. Так, министр образования республиканского правительства коммунист Хосе Эрнандес в достаточно резкой форме и со знанием дела обвинил впоследствии Орлова в создании «внушающего страх механизма для насильственного превращения Испании в тоталитарное государство». Министр имел в виду созданную Орловым и находившуюся под его полным контролем «Службу военных расследований» - Servicio de investigacion militar.

Генерал Ян Берзин, один из главных военных советников при республиканском правительстве Испании, а до этого - руководитель советской военной разведки, в марте 1937 года направил наркому К.Е. Ворошилову конфиденциальное письмо, в котором информировал о возмущении и протестах республиканских лидеров по поводу ничем не оправданных репрессивных мер, предпринимаемых аппаратом НКВД в Мадриде. Он особо подчёркивал, что представители НКВД компрометируют Советский Союз своим непомерным вмешательством во внутренние дела суверенной республики, грубым шантажом в отношении даже высокопоставленных лиц, в низведении Испании до уровня колонии.

О перегибах Орлова знали и на Лубянке. «Берзин абсолютно прав, - признавал в частных беседах шеф ИНО Слуцкий. - Наши люди ведут себя в Испании, словно они в колонии, и обращаются даже с испанскими лидерами, как колонизаторы с местным населением».

Много шума в Испании и за её пределами наделало так называемое «дело Андреу Нина», одного из ближайших сподвижников Троцкого. 16 июня 1937 года Нин и ещё сорок руководящих лиц троцкистской партии ПОУМ были арестованы силами безопасности на основании материалов, сфабрикованных под личным руководством Орлова. Им инкриминировалось участие в антиправительственном заговоре с целью захвата власти. После ареста они были помещены в тщательно охраняемый дом в Алкала дэ Энарес, пригороде Мадрида. Там их интенсивно допрашивали в течение 18-21 июня, после чего Нин бесследно исчез.

«Где Нин?» - вопрошали заголовки практически всех испанских газет. Этим же заинтересовался и премьер-министр Негрин, жалуясь членам своего кабинета - коммунистам на вседозволенность «представителей Москвы, которые ведут себя так, будто Испания - часть Советского Союза». В ответ его убеждали в том, что лидер ПОУМ надёжно упрятан в тюрьме, что ведётся следствие. Но это было ложью. Лидер испанских троцкистов был похищен из тюрьмы, вывезен в направлении Перане де Тахуанья, на полпути убит и погребён в ста метрах от дороги. Похищение и экзекуция проводились под руководством и при личном участии Орлова.

Впоследствии он будет отчаянно убеждать американцев в своей непричастности к этой варварской акции. «Если бы я приказал убить Нина, - то ли возмущался, то ли удивлялся он, - это дискредитировало бы

Россию в глазах всего мира».

...В октябре 1937 года в Испанию пожаловал Михаил Шпигельглаз, заместитель начальника ИНО НКВД. Его приезд был вызван некоторыми текущими разведоперациями, к которым была причастна «легальная» резидентура в Париже. Но и к «хозяйству» Орлова он также проявил интерес, тем более что считал самого Орлова профессионалом высокого класса, отзывался о нём уважительно. Детальное же знакомство с работой испанской резидентуры было запланировано на июль 1938 года, причём с заслушиванием очередного годового отчёта резидента. Однако запланированная поездка Шпигельглаза в Валенсию неожиданно оказалась под вопросом, поскольку после провала нескольких агентов в Бельгии и Франции возникли опасения, что и его, появись он в этих странах или в Испании, могут арестовать: он курировал работу арестованных агентов, поэтому было принято решение провести встречу с Орловым и заслушать его отчёт на борту парохода «Свирь», который как раз в это время должен был приплыть в Антверпен. 9 июля 1938 года соответствующая шифртелеграмма за №1743 ушла в Барселону, к Орлову.

По признанию самого Орлова, шифровка, на первый взгляд, выглядела обычным, рутинным вызовом на встречу с одним из руководителей ИНО. Но когда он прочитал её ещё и ещё раз, то вирус подозрительности стал всё настойчивее подсказывать ему, что шифровка - ловушка, в которую его пытаются заманить. Справедливости ради следует подчеркнуть, что настрою на то, что это - ловушка, способствовала безжалостная чистка, которую проводили в НКВД и, разумеется, в ИНО Ягода и сменивший его Ежов. Главным объектом этой чистки были старые кадры, прежде всего, руководящего звена.

В июне 1937 года из Лондона был отозван сменивший Орлова резидент нелегальной резидентуры Теодор Малли, который знал, что с ним будет, но предпочёл расстрел бесчестию спасения жизни бегством. Его расстреляли как «германского шпиона».

В июле ещё один резидент НКВД, в Париже, В. В. Смирнов также был вызван в Москву и расстрелян за «государственную измену».

Феликс Гурский, ответственный сотрудник ИНО, недавно удостоенный ордена Красной Звезды, выбросился из окна своего кабинета на Лубянке.

В общей сложности более 40 офицеров НКВД были в 1937 году отозваны из-за кордона в Москву и там расстреляны.

Отказался ехать в Москву нелегал Рейсе. Получив роковой вызов в Центр в июле 1937 года, он вместе с женой и ребёнком бежал из Парижа в Швейцарию.

Его примеру последовал Кривицкий, перебравшись из Гааги в Париж, где попросил защиты и убежища у французской полиции.

Знал Орлов и то, что его зять Кацнельсон, заместитель наркома внутренних дел Украины, репрессирован. Так что почва для волнений и

подозрений у Орлова была. Оставалось лишь сделать выбор. И он его сделал.

«Подтверждаю получение вашей телеграммы за №1743»,- отрапортовал он в Центр. А 12 июля 1938 года, прихватив из кассы резидентуры 60 тыс. долларов, по тем временам сумму весьма значительную, покинул свой кабинет в Барселоне и отправился, но... не в Антверпен. «Вместо этого, - писал он впоследствии, - я позвонил жене, договорился встретиться с ними в определённом отеле в Перпиньяне и бежал».

Перпиньян - это уже Франция. Затем Париж - Шербур - Монреаль. Жизнь за океаном началась с того, что Мария, жена Лейбы, открыла сберегательный счёт в Монреальском банке за №300937 на имя Берг Марии Владиславовны.

Там же, в Монреале, Орлов написал письмо своему главному шефу - наркому внутренних дел Ежову. Затем это письмо было доставлено в посольство СССР в Париже Натаном Курником, кузеном Лейбы Фельдбина. Из Парижа письмо переправили в Москву, на Лубянку. На конверте, опечатанном сургучом, было чётко выведено на русском: «Только лично Николаю Ивановичу Ежову. Никому другому не вскрывать. Швед».

Основное содержание этого многостраничного послания сводилось к следующему:

«Николаю Ивановичу Ежову

Я хочу объяснить Вам в этом письме, как могло случиться, чтобы я после 19 лет безупречной службы Партии и Советской власти, после тяжёлых лет подполья, после моей активнейшей и полной самопожертвования борьбы последних двух лет в условиях ожесточённой войны, после того, как Партия и Правительство наградили меня за боевую работу орденами Ленина и Красной звезды, ушёл от Вас.

...9 июля я получил телеграмму, лишённую всякого оперативного смысла, в которой я ясно прочёл, что мне по диким и совершенно непонятным мотивам устраивается ловушка на специально посланном для захвата меня пароходе «Свирь».

...Таким образом я знал, что моя судьба предрешена и что меня ждёт смерть.

...Но даже не это, не угроза беззаконной и несправедливой расправы остановила меня от поездки на пароход... Сознание, что после расстрела меня, ссылки или расстрела моей жены, моя 14-летняя больная девочка окажется на улице, преследуемая детьми и взрослыми как дочь «врага народа», как дочь отца, которым она гордилась как честным коммунистом и борцом, - выше моих сил.

Я не трус. Я бы принял и ошибочный, несправедливый приговор, сделав последний, даже никому не нужный, жертвенный шаг для партии, но умереть с сознанием того, что мой больной ребёнок обречён на такие жуткие муки и терзания, - выше моих сил.

Мог ли я рассчитывать по прибытии в СССР на справедливое разбирательство моего дела? - Нет и ещё раз нет!

...Факт не открытого вызова меня домой, а организации западни на пароходе, уже предопределил всё. Я уже был занесён в список «врагов народа» ещё до того, как моя нога вступила бы на пароход... Я хочу, чтобы Вы по-человечески поняли всю глубину переживаемой мною трагедии преданного партийца, лишённого партии, и честного гражданина, лишённого своей родины.

Моя цель - довести своего ребёнка до совершеннолетия.

Помните всегда, что я не изменник партии и своей стране. Никто и ничто не заставит меня никогда изменить делу пролетариата и Сов. власти. Я не хотел уйти из н/страны, как не хочет рыба уйти из воды. Но преступные деяния преступных людей выбросили меня, как рыбу на лёд... По опыту других дел знаю, что Ваш аппарат бросил все свои силы на моё физическое уничтожение. Остановите этих людей!

...Если Вы меня оставите в покое, я никогда не стану на путь, вредный партии и Сов. Союзу. Я не совершил и не совершу ничего против партии и н/страны.

Я даю торжественную клятву: до конца моих дней не проронить ни единого слова, могущего повредить партии, воспитавшей меня, и стране, взрастившей меня.

Швед»

В Москве первая реакция на исчезновение «Шведа» была бурной. Лубянка, как выразился Павел Судоплатов, была «буквально взбешена»; «я подписал так называемую «ориентировку» по его розыску, которую надлежало передать по нашим каналам во все резидентуры».

В ориентировке указывалось, что причиной исчезновения Орлова и его семьи, скорее всего, является их похищение британской, германской или французской спецслужбой. Дело в том, что, по оперативным сведениям, подобные намерения высказывались представителями именно этих спецслужб. Об этом также говорилось в ориентировке. Допускался и такой вариант, как измена.

Когда же на Лубянке получили письмо от «Шведа» из Монреаля, всё стало на свои места. И в личном деле «Шведа» в августе 1938 года появилась запись о том, что его «бегство рассматриваем как результат испуга и недоразумения». И далее: «Сам факт побега является антипартийным поступком, граничащим с предательством». Каких-либо документальных данных, свидетельствующих о том, что «Шведа» намеревались репрессировать - завлечь в ловушку, как выражался «Швед», и расстрелять, в его личном деле не было обнаружено.

В своих публичных заявлениях в США Орлов неизменно проводил мысль о том, что им были направлены два аналогичных по содержанию письма: одно - Ежову, другое - Сталину, что благодаря именно этим письмам ему удалось шантажировать «Хозяина» и таким образом снасти

жизнь себе и своей семье.

В Москве письма Сталину никто не видел. Никто и никогда. Если бы оно было, то наверняка оставило бы за собой какие-то следы: когда, как и кем оно было переправлено в Советский Союз, как оно попало в Кремль, как Сталин отреагировал на него и т.д. и т.п. Бесследными никакие операции не бывают. Но это - не главное.

Главное, что Орлов действительно решил шантажировать Москву: «Если Вы оставите меня в покое, я никогда не стану на путь, вредный партии и Сов. Союзу».

Орлов многое знал, многое мог выдать Западу. Главный же его козырь был - «Зенхен», «Вайзе», вся «кембриджская группа». Это было главное орудие его шантажа.

Однако внимательно ознакомившись с его письмом и зная его сущность, сущность Лейбы Фельдбина, в Москве пришли к выводу, что Орлов своим письмом загнал себя в угол. Каким образом?

Это лучше всего объяснил его заместитель в испанской резидентуре Леонид Эйтингон. Уж он-то знал Лейбу как облупленного! Так вот Эйтингон, как пишет в своих мемуарах Судоплатов, «предложил, несмотря на измену Орлова, продолжать контакты с членами «кембриджской группы», поскольку Орлов, проживая в Соединённых Штатах, не мог выдать своих связей с этими людьми без риска подвергнуть себя судебному преследованию. В 1934-1935 годах Орлов жил в Англии по фальшивому американскому паспорту, поэтому если бы американская контрразведка проверила «кембриджскую группу», то Орлов мог не получить американское гражданство и был бы депортирован из США».

Точку зрения Эйтингона поддержал и Судоплатов: «Я не верю, что причина, по которой Орлов не выдал «кембриджскую группу» или обстоятельства похищения генерала Миллера, заключалась в его лояльности по отношению к советской власти. Речь шла просто о выживании».

Так кто же кого мог шантажировать: Орлов Москву или Москва Орлова? Последнее представляется более реальным. Ведь узнай ФБР об американском паспорте Уильяма Голдина, сразу же последовал бы арест Орлова. А он этого страшился, как чёрт ладана. Он и сам это признавал, когда объяснял, что не принимал американского гражданства «из-за желания защитить свою жизнь и жизнь Марии и дочери Веры».

В ноябре 1938 года Берия дал указание прекратить дальнейший розыск Орлова до особого распоряжения, одновременно были приняты кое-какие превентивные меры. В частности, Берия принял решение немедленно отозвать в Москву уже внедрённого в секретариат Троцкого агента, который был известен Орлову. Это позволило не только спасти агента от возможного провала, но и спокойно продолжать операцию «Утка», целью которой была ликвидация Троцкого. Дальнейшие события показали, что эти меры оказались своевременными.

Вначале 1939 года Орлов, вопреки своим клятвенным обещаниям, предпринял попытку войти в контакт с Троцким, чтобы предупредить его о готовящейся операции по его физическому уничтожению. Назвавшись русским эмигрантом Штейном, дядей сбежавшего в Японию советского генерала Люшкова, Орлов в своём письме Троцкому сообщил о «важном и опасном агенте-провокаторе, который уже давно является помощником вашего сына Седова в Париже». И даже выдал кличку агента - «Марк». Кроме того, он «выразил обеспокоенность попыткой Москвы внедрить в окружение Троцкого убийц с помощью этого агента-провокатора или через агентов из Испании, прикидывавшихся испанскими троцкистами». Разумеется, в письме не было и намёка на то, что именно Орлов как раз и руководил засылкой советских агентов из Испании в Мексику.

Троцкий посчитал письмо Орлова-Штейна целенаправленной акцией НКВД, рассчитанной на то, чтобы вызвать у него панику и развалить его организацию.

Раскрыл Орлов и тайну с испанским золотом. «Сокровище Испании» - так был озаглавлен подготовленный им на 24 страницах доклад для Сената США. «Вопрос о золоте после разоблачений Орлова в 1953-1954 годах получил новое развитие, - пишет в своих мемуарах Судоплатов. - Испанское правительство Франко неоднократно поднимало вопрос о возмещении вывезенных ценностей... В итоге, как мне сообщили, «наверху» было принято решение в 1960-х годах -компенсировать испанским властям утраченный в 1937 году золотой запас поставкой нефти в Испанию по клиринговым ценам».

А в последние годы жизни Орлов не удержался от того, чтобы раскрыть ЦРУ свой оперативный псевдоним - «Швед» и даже похвастаться знакомством с Кимом Филби. По словам сотрудника ЦРУ, поддерживавшего контакт с Орловым, в одной из бесед его подопечный рассказал о советском агенте в окружении Франко, который был британским журналистом и немного заикался. Цээрушнику, по его словам, показалось, что Орлов намекал на то, что был знаком с Филби.

По признаниям самого Орлова, всё, что он делал за океаном, имело одну-единственную цель - обеспечить выживание себе и своей семье. Ради этого он шёл на любую ложь, подтасовку фактов, откровенный обман, изо всех сил старался выглядеть жертвой сталинского режима, умалчивая о собственном личном вкладе в создание этого режима.

«С 1931 года, когда жестокая политика коллективизации сельского хозяйства вызвала голод в СССР, я полностью разочаровался в коммунистической партии и политике Кремля», - лукавил он в 1954 году, отвечая на вопросы представителей иммиграционной службы США. «Разочаровался» и продолжал ревностно служить сталинскому режиму, причём не рядовым, не чернорабочим, а руководителем высокого ранга, облечённым немалой властью. В 1931 году «разочаровался», а в 1938 - клялся в верности «партии, воспитавшей меня, и стране, взрастившей меня».

...Преследуемый охотником, волком или лисицей, заяц как известно, петляет, то туда - то сюда, то вправо - то влево, то вкривь -то вкось. Он надеется таким путём уйти от своих преследователей и сохранить себе жизнь. Всю свою жизнь в США Лейба Фельдбин петлял, как заяц, - непрерывно менял фамилию, места проживания и места работы, исколесив Америку вдоль и поперёк. Понимал ли он, что бесконечные переезды и связанные с этим стрессы укорачивают жизнь его любимой и без того обречённой дочери? Она умерла 15 июня 1940 года, едва достигнув совершеннолетия, о котором так пёкся её любящий отец. А издёрганная из-за постоянного страха и неустроенности быта жена Мария скончалась от сердечного приступа 16 ноября 1971 года.

Лейба скрывался от преследователей, которых не было. Это признало даже ФБР, заявившее в феврале 1970 года: «Если у Советов и есть скрытые мотивы в отношении Орловых, это никак не проявилось на сегодняшний день».

Когда же в Москве пожелали найти Орлова, то сделали это без особого напряга. Советский разведчик Михаил Александрович Феоктистов дважды находил петлявшего Орлова, дважды пытался убедить блудного сына в том, что Родина не держит на него зла. «Вам нечего бояться», - говорил он Орловым. А в ответ слышал: «Вы говорите это только по приказу своих хозяев. Нас и калачом в Россию не заманишь».

У страха, как говорят в народе, глаза велики. Тем более, когда страх перерастает в паранойю.

Лейба Фельдбин скончался так же, как и его жена, от сердечного приступа, который случился у него 25 марта 1973 года. В кливлендской благотворительной больнице Сент-Винсент он в течение двух недель поражал врачей упорством, с которым боролся за жизнь и которое неизменно проявлял в течение всех отведённых ему свыше семидесяти восьми лет.

«Доброжелатель»

Курт Ульштайн, репортёр отдела судебной хроники, прекрасно понимал, что «старина Кауфман» просто так звонить по телефону не будет. И если он, заместитель начальника следственного отдела уголовной полиции, предлагает встретиться в его любимом ресторанчике и полакомиться «айсбайн», отварными свиными ножками с кислой капустой и картофелем, значит, ему не терпится сообщить нечто интригующее. Так уже случалось, и не единожды, за время их многолетнего знакомства. Так произошло и на этот раз.

На следующий день, 17 октября 1968 года, на первой полосе популярной западногерманской газеты «Дер Тагесшпигель» появилось сенсационное сообщение о том, что по подозрению в краже сверхсекретной ракеты «Сайдуиндер» со склада военно-воздушных сил бундесвера в городе Нейбурге арестован «мужчина польской национальности». Никаких иных сведений о личности преступника, даже

о его имени, равно как и об обстоятельствах этой необычной кражи, в сообщении не приводилось.

Лишь неделю спустя, точнее 23 октября, о некоторых подробностях этого неординарного уголовного дела рассказала другая западногерманская газета - «Ди Вельт». Ссылаясь на свои надёжные источники, она поведала о том, что американская ракета «Сайдуиндер», или в русском названии «Гремучая змея», была похищена ещё год назад, в 1967-м. В причастности к краже обвиняются некто Линовски, поляк по национальности, и ещё один немец, гражданин ФРГ. Кроме того, выдан ордер на арест третьего соучастника. Но кто этот третий - опять же тайна.

Прошла ещё неделя. И генеральный прокурор ФРГ доктор Людвиг Марти в своём выступлении по радио 28 октября добавил к уже известному некоторые детали, но полной ясности в завязавшуюся интригу всё-таки не внёс. Он уточнил, что по делу о хищении ракеты арестованы поляк Йозеф Линовски и лётчик военно-воздушных сил бундесвера Вольф-Дитхард Кноппе. Подтвердил прокурор и то, что третий злоумышленник также арестован, но его имя и фамилию назвать отказался, сославшись на то, что «расследование ещё не закончено».

После выступления прокурора как-то внезапно наступило затишье. Ни одного заявления со стороны официальных властей. Ни одной публикации в прессе. Заговор молчания был нарушен лишь через два года.

22 сентября 1970 года газета «Генераль-Анцайгер», а вслед за ней, словно по команде, и другие СМИ ФРГ под броскими заголовками оповестили общественность о начале судебного процесса над тройкой похитителей «Гремучей змеи». Причём Йозеф Линовски, Вольф-Дитхард Кноппе и бывший до этого «мистером Х» гражданин ФРГ Манфред Раммингер обвинялись не просто в уголовном преступлении, а в шпионаже и государственной измене.

Такой поворот внёс дополнительную интригу в дело, прочно приковав к нему пристальное внимание не только широких кругов общественности, но и профессионалов из спецслужб, у которых предъявленные троице обвинения в шпионаже и государственной измене вызвали далеко не однозначную реакцию. Запущенная в оборот общественного мнения версия о том, что подсудимые - агенты КГБ, не выглядела документально доказанной. Даже в выступлении председателя сенатского суда четвёртой инстанции доктора Вебера подсудимые выглядели не матёрыми шпионами, имеющими за плечами солидную кэгэбэшную спецподготовку, а скорее любителями лёгкой наживы, оказавшимися на скамье подсудимых в силу лишь своей некомпетентности в воровском промысле. По словам Вебера, «Гремучая змея» была похищена со второй попытки. Первая же провалилась, поскольку специально нанятые «троицей» профессиональные воры, обнаружив у склада с ракетами вооружённую охрану, решили не рисковать даже за приличное вознаграждение и, как говорится, «на дело» не пошли.

Впоследствии один из воров пооткровенничал об этом в компании собутыльников в пивном баре, не предполагая, что его хвастливый рассказ дойдёт до ушей полиции. Так как сделку с ворами заключал Йозеф Линовски, то он первым и оказался в полицейском участке. А уж через него стражи порядка вышли на Кноппе и Раммингера.

В ходе судебного разбирательства все трое признали свою вину в похищении «Гремучей змеи». При этом Линовски и Кноппе дружно валили вину на Раммингера, упорно настаивая на том, что никакие они не шпионы, поскольку знать не знали, на кого работают. Раммингер же предпочёл хранить молчание и даже отказался от последнего слова.

9 октября 1970 года Четвёртый уголовный суд земельного Верховного суда в Дюссельдорфе признал обвиняемых виновными в государственной измене, шпионаже и краже и приговорил Раммингера и Линовски к четырём годам лишения свободы каждого, а Кноппе - к трём годам и трём месяцам.

И вновь, словно по чьей-то подсказке, наступило молчание. Вынесенный судьями приговор никак не комментировался в прессе, по радио или телевидению. Как если бы и дела-то самого не было. Но оно ведь было...

* * *

26 августа 1966 года около десяти часов утра по местному времени в посольство СССР в Италии пришёл мужчина на вид 30-35 лет, европейского вида, среднего роста, нормального телосложения. Посетитель представился дежурному дипломату Йозефом Линовски, сотрудником западногерманской проектно-строителыюй фирмы «Проект А.Г.». Объясняя цель своего визита, он заявил, что является доверенным лицом Манфреда Раммингера, владельца указанной фирмы, и выполняет его конфиденциальное поручение, смысл которого сводится к предложению неофициальных услуг советским внешнеторговым организациям. Конкретизируя эту мысль, Линовски рассказал, что фирма «Проект А.Г.» располагает обширными и достаточно прочными связями в деловых кругах не только ФРГ, но и практически всех западноевропейских стран. И поэтому может гарантировать поставку образцов любых промышленных изделий и новейших технологий, включая те, которые подпадают под запрет КОКОМ.

В ходе дальнейшей беседы посетитель сообщил, что Манфред Раммингер - отпрыск старого аристократического рода, привык жить на широкую ногу, не отказывая себе ни в чём. Однако в последние годы заказы, на которых специализируется фирма, резко сократились. В результате финансовое положение «Проект А.Г.» оставляет желать лучшего. Раммингер же, не желая отказываться от привычного образа жизни, по-прежнему сорит деньгами. Залез в долги. Их нужно отдавать, а нечем. Линовски подчеркнул, что он по-дружески посоветовал Раммингеру предложить свои услуги русским и таким путём не только решить проблему долгов, но и сколотить себе приличное состояние.

Раммингер ухватился за эту идею и даже хотел посетить советское посольство в Бонне. Но Линовски отговорил его, поскольку, мол, визит в советское посольство не ускользнул бы от внимания немецкой контрразведки. Посоветовавшись, они решили, что вполне подходящим местом для переговоров с русскими может быть Рим. При этом Раммингер сам попросил Линовски выполнить эту щекотливую миссию.

Внимательно выслушав Линовски, дежурный дипломат заявил, что советское посольство никакими сделками, тем более подпадающими под запрет КОКОМ, не занимается. И единственное, чем можно помочь Линовски, так это передать его предложение в Москву заинтересованным внешнеторговым организациям, а затем сообщить ему их реакцию. Линовски с готовностью принял это предложение. Было условлено, что он вновь посетит посольство через неделю.

Шифртелеграмма такого содержания была незамедлительно направлена из римской резидентуры в Центр, где к ней отнеслись как к очередной головной боли. То из одной, то из другой резидентуры сообщают о визите «доброжелателя». Так на оперативном языке называют лиц, которые по собственной инициативе предлагают услуги советской разведке. Одни решаются на этот отчаянный шаг по идейно-политическим соображениям. Другими движет желание подзаработать. Рискуя собственной безопасностью, а то и жизнью, эти люди становятся зачастую источниками ценнейшей разведывательной информации. В их лице разведка приобретает «ценных агентов». Но нередко попадаются такие, кто предлагает свои услуги по указанию местных контрразведывательных органов. Это уже не «доброжелатели», а «подставы». И не дай бог проморгать, принять «подставу» за «доброжелателя». Тогда беды не оберёшься. А разве сразу, при первой же встрече, разглядишь, кто перед тобой? С чем он пожаловал: с искренним желанием помочь или со злым умыслом? Отсюда и головная боль.

Через два дня в римскую резидентуру поступила ответная шифр-телеграмма: «Ваше предложение о продолжении контакта с «доброжелателем» одобряем. Запланированная с ним встреча должна быть проведена исключительно с позиций учреждения прикрытия. «Доброжелателю» следует дать ясно понять, что наши внешнеторговые организации заинтересовались его предложением о возможности приобретения образцов новых промышленных изделий или даже новейших технологических линий, подпадающих под запрет КОКОМ. Однако возможности «доброжелателя» и его шефа должны быть предельно конкретизированы с тем, чтобы дальнейшие переговоры носили сугубо предметный характер, а не ограничивались общими рассуждениями о том, что, мол, шеф с его обширными связями всё может достать. Постарайтесь добиться от «доброжелателя» конкретных деловых предложений, которые он и его шеф могут осуществить в самое ближайшее время. Необходимо также учитывать и то, что мы можем иметь дело с «подставой» спецслужб противника. Поэтому дальнейшую линию поведения резидентуры планировать так, чтобы активную разработку «доброжелателя» и его шефа, а также их фирмы можно было

вести с территории Советского Союза, не подключая, по возможности, к этой работе сотрудников вашей или боннской резидентуры. Нами принимаются меры по проверке «доброжелателя» и его шефа, а также их фирмы через все имеющиеся у нас возможности. О результатах сообщим дополнительно».

Проверочные мероприятия начались незамедлительно. В частности, усилиями боннской резидентуры были достаточно оперативно собраны по открытым источникам - специализированным справочникам и ежегодникам, а также буклетам - сведения о фирме «Проект А.Г.» и её владельце. Было установлено, что проектно-строительная фирма «Манфред Раммингер и Ко» была основана в 1960 году с целью проведения на контрактной основе проектных и строительных работ в области гражданского строительства. Вначале фирма называлась «Манфред Раммингер и Ко», однако затем была перерегистрирована под её нынешним названием «Проект А.Г.». Финансовое положение фирмы в большинстве справочников оценивалось как неустойчивое. Объяснялось это прежде всего тем, что ей трудно было конкурировать с крупными строительными компаниями. Вместе с тем фирма характеризовалась как добросовестный подрядчик, качественно и в срок выполняющий принятые на себя обязательства. Во всех справочниках владельцем фирмы назывался Манфред Раммингер, 1930 года рождения, немец, холостой, выходец из древнего аристократического рода, гражданин ФРГ. По образованию архитектор. До создания собственной фирмы несколько лет проработал на ответственных должностях в крупных строительных компаниях. Располагает широкими связями в деловых кругах не только ФРГ, но и во многих других странах Западной Европы. В ряде справочников отмечалось, что фирме «Проект А.Г.» целесообразно давать кредит в пределах 10 тыс. марок.

...На состоявшейся через неделю второй встрече в советском посольстве в Риме Линовски добавил к портрету своего шефа немаловажные с оперативной точки зрения штрихи. По его словам, Раммингер был заядлым автогонщиком и ещё более страстным любителем лошадей. Прекрасно разбирался в них и конечно же старался не пропускать ни скачек, ни аукционов породистых скакунов.

Кое-что Линовски поведал и о себе. В частности, признался, что родом из Латвии, где у него по сей день полным-полно родственников. Высказал он и свои симпатии к Советскому Союзу. Проверка через оперативные возможности Центра в Латвии подтвердила, что он действительно «не отделяет себя от своих родственников и от Латвии, в которую хотел бы вернуться».

Всё вроде бы складывалось как нельзя лучше. И Центр принимает решение об установлении личного контакта с Раммингером.

«На очередной встрече с Линовски, - говорилось в шифртелеграмме, направленной в римскую резидентуру, - сообщите ему о том, что ряд внешнеторговых объединений проявили интерес к высказанному им предложению и хотели бы подробно, в спокойной деловой обстановке

обсудить с владельцем фирмы все детали по практической реализации взаимовыгодных проектов. Исходя из этого, руководство Министерства внешней торговли приглашает Манфреда Раммингера в Москву на деловые переговоры.

В качестве легального предлога для посещения им Советского Союза может быть использован Международной аукцион породистых верховых лошадей, проведение которого в Москве запланировано на 1-3 апреля с.г. Помните, что Линовски не должен получить ни малейшего намёка на то, что они имеют дело с представителем советской разведки».

* * *

Манфред Раммингер прилетел в Москву в конце марта, накануне аукциона.

Чтобы узнать человека, гласит народная мудрость, нужно с ним пуд соли съесть. Раммингер «гостил» в столице всего семь дней. Какой уж тут пуд! Тем не менее многочасовые беседы с ним «по делу» и «за жизнь», наблюдение со стороны - на аукционе, в театре, ресторане, в цирке - позволили сделать вывод, что в поле зрения советской разведки попал человек, личные качества которого не вызывают сомнений, равно как и его возможности.

Вызывало опасение лишь его желание во что бы то ни стало жить на широкую ногу: шикарные автомобили, породистые скакуны, роскошные женщины. А это значило, что он из категории людей, которым неведомо чувство самосохранения. Для разведывательной работы с её неизбежной конспирацией, жёсткой самодисциплиной и самоограничением такой человек явно не находка.

Взвесив все «за» и «против», Центр решил проверить аристократа в деле. Спросили, что он может конкретно предложить уже сегодня. Ответ последовал незамедлительно: американскую ракету, состоящую на вооружении бундесвера. Добыть её помогут доктор Г. - сотрудник европейского филиала американской фирмы «Дженерал электрик», инженер Э. - служащий филиала американской компании «Сиерри» и лётчик М.Х.

«Представители внешнеторговой организации» настоятельно рекомендовали Раммингеру не привлекать к операции непроверенных людей, соблюдать строжайшую конспирацию и действовать только по согласованию с Москвой. Был разработан план, предусматривавший все практические шаги, которые ему следовало предпринять, вернувшись на родину.

Вскоре от Раммингера пришло письмо условного содержания, из которого следовало, что он благополучно прибыл в родные края и в ближайшие дни намерен приступить к выполнению операции.

А через три недели по телефону открытым текстом он сообщил, что неожиданно представилась возможность приобрести не ту ракету, о которой он говорил в Москве, а самую современную и сверхсекретную

«Сайдуиндер», длиной 2,8 метра, диаметром 15 сантиметров, общим весом около 80 килограммов.

Корректно, но весьма жёстко ему предложили срочно выехать в Москву «для консультации со специалистами», подчеркнув, что для детальной проработки и обсуждения предлагаемой им сделки потребуется не один и не два дня, что окончательное решение может быть принято только после 10 ноября. В ответ - молчание.

А 24 октября 1967 года радиостанция «Голос Америки» сообщила о таинственном исчезновении сверхсекретной ракеты «Сайдуиндер» с одного из военных складов на аэродроме в Нейбурге. Газета «Дер Тагесшпигель» со ссылкой на представителя министерства обороны ФРГ добавила, что ракета была вынесена через дыру в проволочной изгороди, что кража была тщательно подготовлена, что в ней участвовали по крайней мере три человека, что, наконец, покупка такой ракеты обходится бундесверу в 20 тысяч марок.

3 ноября 1967 года, то есть более чем через неделю после сенсационных сообщений, Раммингер позвонил по одному из переданных ему в Москве телефонных номеров и предупредил, что прибудет в столицу 11 ноября авиарейсом через Вену. Попросил встретить его в аэропорту: «У меня багаж с подарками общим весом более 80 килограммов» - и заказать номер в гостинице, причём обязательно с ванной.

* * *

Поздним вечером 11 ноября он действительно объявился в Москве. В Шереметьеве его встретил «представитель МВТ» и доставил в гостиницу «Украина». На следующее утро отдохнувший и довольный Раммингер со всеми подробностями рассказывал о похищении «Гремучей змеи».

Лётчик «Старфайтера» Вольф-Дитхард Кноппе, которого он решил привлечь к операции, во время одной из встреч проговорился, что к ним на склад поступили новейшие ракеты типа «воздух-воздух» - «Сайдуиндер». «И мне пришла в голову мысль, что именно эта ракета заинтересует вас. Получив от вас по телефону согласие, я начал действовать», - говорил Раммингер. Кноппе, пользовавшийся в силу своего служебного положения свободой перемещения по территории аэродрома, изучил запретную зону, где расположен склад с ракетами, подходы к нему, систему охраны и сигнализации, даже расположение стеллажей с ракетами. Ему удалось сделать слепок ключа от ворот склада, по которому Лински изготовил дубликат.

«В результате предпринятых нами усилий, - продолжал он, - вырисовалась такая картина: аэродром обнесён забором в три ряда колючей проволоки, высотой около трёх метров и шириной в метр. Запретную зону со складскими помещениями от остальной территории отделяет забор из металлической сетки.

Линовски обзавёлся инструментом: клещами, кусачками, набором гаечных ключей и отмычек. Я взял напрокат тележку на резиновом ходу и

гидравлический подъёмник с вращающейся стрелой».

Теперь всё зависело от погоды. Густые туманы в районе аэродрома в Нейбурге - когда автомобильные фары освещают максимум метр дороги перед бампером - явление довольно частое. Кноппе выяснил, что синоптики ожидают такой туман 23 и 24 октября.

«Поздно вечером 23-го в густом тумане подкатили гидравлический подъёмник почти вплотную к забору аэродрома. С его помощью я перенёс на территорию аэродрома Линовски и Кноппе, потом переправил тележку на резиновом ходу. Ну а там Линовски пустил в ход свои инструменты. Проделав дыру в заборе, они проникли в запретную зону. Кноппе сумел отключить систему сигнализации, Линовски открыл двери склада. Вынесли ракету на руках за пределы запретной зоны и вернулись, чтобы закрыть на замок двери склада и включить сигнализацию. Потом, погрузив ракету на тележку, подкатили её к забору, за которым я дожидался их. В два приёма - сначала тележка с ракетой, за ней Кноппе с Линовски - всё было сделано. Линовски и Кноппе отогнали подъёмник с тележкой на пустующую строительную площадку, примерно в километре от аэродрома. Там погрузили ракету в заранее арендованный нами грузовик. Кноппе отправился в своё офицерское общежитие. Линовски на грузовике и я на своей машине взяли курс на Крефельд. Я ехал чуть впереди, чтобы в случае опасности подать сигнал Линовски.

Примерно через час грузовик встал, что-то там сломалось. Пришлось разбить заднее стекло салона моего «мерседеса», чтобы втиснуть туда ракету, предварительно обмотав её пледом и пальто. Около семи утра я без всяких приключений добрался до Крефельда. Выгрузил ракету в своём гараже и отправился в Дюссельдорф, чтобы вставить заднее стекло. На это ушло не более получаса. Ну а потом по ночам разбирал ракету, упаковывал её - у знакомого столяра заказал два деревянных ящика.

Затем занялся проработкой вопроса о доставке ракеты в Москву. Встретился в аэропорту Дюссельдорфа со своим старым приятелем, сотрудником таможни, и попросил отправить через Копенгаген в Москву два места без таможенного досмотра. Он без колебаний согласился. О содержимом ящиков не поинтересовался. За эту дружескую услугу он получил пять тысяч марок. 9 ноября ящики рейсом «Люфтганзы» отправились в Москву».

Раммингер закончил своё повествование. Ему не задали ни одного вопроса. Детальный разбор операции отложили до её завершения - ведь груз в Москву ещё не прибыл. Узнав об этом, Раммингер помчался в московское представительство «Люфтганзы» и устроил там настоящий скандал. Глава представительства, молодой и стеснительный немец, пытаясь успокоить разбушевавшегося клиента, пообещал лично заняться розыском пропавшего груза. Во второй половине дня 15 ноября он позвонил в гостиницу и обрадовал Раммингера сообщением о том, что оба ящика в целости и сохранности прибыли в Шереметьево и завтра утром их можно получить.

Днём позже состоялся разбор операции. Обсуждалась каждая её деталь, каждый нюанс. Разговор носил подчёркнуто деловой характер и шёл в сугубо доверительных, доброжелательных тонах. И не случайно. Важно было наглядно, на конкретных примерах убедить Раммингера в необходимости отказаться от самодеятельности, граничащей с авантюризмом.

Он вроде бы всё понимал, со всем соглашался. С явным удовольствием принял вознаграждение - 92 тысячи западногерманских марок плюс восемь с половиной тысяч американских долларов. Вернувшись в свой родной Крефельд, не забыл уведомить об этом своих московских партнёров. Уведомил и... пропал.

* * *

В конце марта 1968 года через советское посольство в Риме Раммингер прислал письмо с подробным описанием новейшей модели аэронавигационной платформы, разработанной западногерманской фирмой «Флюггерстверк Бодензее» и американской «Телдикс». Предложил заполучить её, разумеется, за солидное вознаграждение. Москва тотчас отреагировала детальным запросом: где, когда и как планируется провести операцию, кто будет участвовать, как будет обеспечена конспирация и безопасность и так далее. Ответа на запрос не последовало.

А 8 мая «Дер Тагесшпигель» под аршинным заголовком «Украдены приборы» сообщила: «Спустя несколько часов после официального закрытия Седьмой немецкой аэронавигационной выставки в Ганновере-Лангенхагенс неизвестные воры похитили из выставочного зала два навигационных прибора новейшей конструкции стоимостью более 600 тысяч марок. Из-под стеклянной витрины стенда фирмы «Флюггерстверк Бодензее» воры похитили инерционную платформу «ТНП-601» размером примерно с пишущую машинку, весом 20 фунтов, стоимостью 500 540 марок. Со стенда фирмы «Маркони и К» похищен приводной индикатор с комплектующими деталями стоимостью 120 000 марок. Какие-либо следы воров отсутствуют. Полиция не исключает промышленный шпионаж».

От Раммингера в Москву никаких известий не поступало. И вдруг 13 июля он прибыл рейсом из Амстердама, привезя в личном багаже похищенную инерционную платформу «ТНП-601». И как ни в чём ни бывало «доложил» о всех перипетиях проведённой операции.

«О новой аэронавигационной платформе я узнал от своего старого знакомого инженера Эгона, сотрудника американской фирмы «Сперри». Он сказал, что изготовлено всего два образца. Один из них с заводским номером один передан для испытаний в военно-воздушные силы бундесвера, а другой - с номером два предназначен для экспонирования на выставке в Ганновере. Мы долго рассуждали о том, как заполучить образец платформы. И пришли к выводу, что единственная реальная возможность - выкрасть его со стенда на выставке. Эгон познакомил меня с инженером Вальтером, который должен был представлять на выставке

фирму «Флюггерстверк Бодензее». Довольно скоро я установил с ним дружеские отношения, что впоследствии позволило мне привлечь Вальтера к участию в операции.

Инженер Эгон помог мне получить удостоверение работника выставки и служебный пропуск с эмблемой фирмы «Сперри». Мы с Линовски изучили расположение стендов, входов и выходов, служебных помещений и, конечно, полицейских постов. Результаты наблюдений нас обрадовали. Интересующий нас предмет экспонировался под стеклянным квадратным колпаком, на фирменном стенде, неподалёку от входа в выставочный зал. Как раз напротив стенда был сооружён бар, где посетители выставки могли промочить горло и перекусить.

Вечером, после официального закрытия выставки, инженер Эгон пригласил стендистов двух соседствующих экспозиций фирм «Флюггерстверк Бодензее» и «Сперри» в бар, чтобы достойным образом отметить успешное завершение выставки. Приглашение было принято с энтузиазмом, и через несколько минут возле стендов не было ни души. Лишь полицейские с равнодушным видом переминались с ноги на ногу, ожидая окончания дежурства.

Убедившись в том, что в баре началось шумное празднество, инженер Вальтер, а также я и Линовски прошли по залу и приблизились к стенду с платформой. На глазах у полицейских инженер Вальтер достаточно громко приказал мне и Линовски перенести стеклянный квадрат с платформой в одну из боковых комнат отдыха, заметив, что там у ящика будет меньше шансов оказаться разбитым.

«Когда мы занесли ящик в комнату, - продолжал свой рассказ Реммингер, - Линовски попросту разбил его, вынул платформу и аккуратно упаковал её в принесённую мною сумку. К нашему счастью, звон разбитого стекла никто не услышал из-за шума в баре. Убедившись в том, что всё идёт как надо, я взял сумку и направился к выходу. Предъявив охране полученный мною от Вальтера пропуск на вынос багажа, я устремился к автостоянке, где меня уже ожидал Линовски. Сунув сумку с платформой в багажник моего «мерседеса», мы без хлопот добрались до Крефельда».

Самодовольная улыбка, с которой Раммингер закончил свой рассказ, красноречивее всего свидетельствовала о том, что никакие инструкции и самые строгие предупреждения не в состоянии повлиять на этого человека, изменить его методы, его стиль работы и, в конечном счёте, его жизненные принципы. Можно было либо отказаться от его услуг и полностью порвать с ним, либо принимать его таким, каков он есть: неподдающимся переубеждению, не сознающим, что играет с огнём и рано или поздно обожжётся.

Раммингер клятвенно заверил, что к похищению со стенда фирмы «Маркони и К» приводного индикатора его группа не имеет никакого отношения. Сам же факт одновременного проведения двух операций его никак не заинтересовал, не вызвал настороженности или иных эмоций.

Получив вознаграждение и выслушав в очередной раз строгие товарищеские советы и рекомендации, Раммингер 20 июня вылетел из Москвы в Антверпен рейсом шведской авиакомпании САС. По договорённости он должен был вновь объявиться в Москве в первой декаде сентября 1968 года. Этого не случилось. А в октябре стало известно о его аресте.

* * *

Если врач говорит, что больной обречён, родственники и друзья последнего с вынужденной покорностью ожидают непоправимого. А когда это происходит, они скорбят по усопшему и отдают дань уважения. Так принято. Примерно такой была и реакция Москвы на арест Раммингера и его сообщников по делу «Сайдуиндер».

Это не было провалом советской разведки, поскольку Раммингер не был её агентом. У него не было никаких доказательств того, что он работал на неё. У советской же разведки также не было никаких оснований считать, что Раммингер её агент. Это был тот редкий случай, когда «доброжелатель» и разведка, заинтересованные друг в друге, так и не нашли общего языка. Москве оставалось лишь сожалеть, что произошло то, о чём она так настойчиво предупреждала Раммингера.

...В начале февраля 1969 года на один из известных Раммингеру почтовых адресов пришло письмо, датированное 19 января, в котором он сообщал, что находится в следственной тюрьме в Кёльне.

«Дорогой друг!

Вы хорошо знаете, что Линовски предал меня и я нахожусь в тюрьме. Я намерен внести залог и выйти на свободу. По этой причине, а также для того, чтобы оплатить процесс, мне срочно нужны оставшиеся на моём счету 4500 долларов. Возможно, Вы сможете сделать для меня несколько больше. Я был бы Вам за это весьма благодарен. Пожалуйста, передайте деньги наличными моей матери Лизбет Раммингер по адресу: Крефельд, Шроерштрассе, 24. Заранее благодарен.

Завтра или послезавтра, когда меня поведут к врачу, я, будучи неконтролируемым, опущу это письмо в почтовый ящик. Слава Богу, что Линовски смог предать не слишком много, поскольку он далеко не всё знал.

Меня допрашивали месяцами, однако ничего не узнали, кроме того, что я занимался проектированием для Вас завода - Милькиватверк. Не бросайте меня на произвол судьбы. С приветом,

Манфред Раммингер. 19.1.1969.

P.S. Я до сих пор нахожусь в предварительном заключении и поэтому ещё пользуюсь многими льготами».

Реакция в Москве была однозначной - оказать Раммингеру посильную помощь. Для передачи денег его матери был задействован опытный агент «Р». Утром 2 апреля 1969 года он передал фрау Раммингер 18 тысяч

марок, которые некий Понтер якобы задолжал её сыну и не смог вовремя вернуть.

29 апреля от Раммингера пришло второе письмо.

«Дорогой друг!

Прежде всего сердечно благодарю всех тех, кто принимал участие в исполнении моей просьбы. И не столько за деньги, сколько за проявленные внимание и заботу, за то, что в тяжёлый для меня момент я нашёл поддержку у Вас и Вашего народа, как у своих верных друзей. Это вселяет в меня надежду и облегчает мой жребий. Со своей стороны, заверяю Вас в своей верности и союзе. Проявленная Вами готовность оказать мне помощь и то, что я смог сделать для Вас, наполняют меня гордостью. Как Вам известно, я приобрёл в наших интересах целый ряд лиц и до сих пор мне удаётся оградить их от подозрений. Благодаря Вашим советам Линовски едва ли знает этих людей или располагает точными сведениями о них. Так что его предательство не дало других результатов, кроме Кноппе и меня. В письме не напишешь всего, что хотелось бы. Тем не менее могу сообщить, что отношение ко мне со стороны сотрудников безопасности, федеральной адвокатуры и следователя весьма благоприятное, поскольку моя «вина» лишь в том, что я спроектировал для Вас завод «Милькиватверк» и готов был к определённым взаимным услугам. Я хочу тем самым сказать, что обстоятельства, в которых я нахожусь, весьма благоприятны для того, чтобы произвести обмен. Дело за Вами. Я настойчиво прошу Вас как можно скорее начать соответствующие переговоры. Их можно инициировать через моего адвоката Рольфа Бехера, Вэйсенбургштрассе, 78, Кёльн, тел. 737776. Он пользуется моим полным доверием и располагает обширными связями. Вы можете разговаривать с ним совершенно открыто. Он уже провёл одно подобное дело.

Это письмо направляется вновь через Рим. Ещё раз прошу Вас приступить к переговорам об обмене, пока не начался процесс. С чувством благодарности и верой,

Ваш Манфред Раммингер. 24.4.1969»

Но вопрос об обмене даже не возникал. И не мог возникнуть, хотя бы потому, что Раммингер, строго говоря, действовал на свой страх и риск, не связывал себя узами агентурных отношений. А ведь разведка меняет либо разведчиков, либо агентов.

* * *

7 августа 1976 года из Кёльна поступило сообщение, что торгпредство СССР посетил некто Манфред Раммингер с предложением поставить советской стороне десять блоков памяти бортового компьютера истребителя «МРСА» по цене 250 тысяч марок за штуку. Беседовавшему с ним сотруднику посетитель рассказал, что более пяти лет назад им был выполнен заказ советской стороны на поставку ракеты «Сайдуиндер» и ряд навигационных приборов для военной авиации. Упомянул тех, с кем тогда контактировал. Рассказал, что после освобождения из тюрьмы в

течение года внимательно наблюдал за окружающей обстановкой и пришёл к выводу, что спецслужбы не ведут за ним слежку. А коли так, то он хотел бы возобновить свою работу, готов в любое время прибыть в Москву.

Но у разведки свои правила, свои законы. О продолжении прежних контактов с Раммингером не могло быть и речи. Другое дело - официальные деловые связи между ним и советскими внешнеторговыми организациями. Поэтому Москва не возражала против приезда Раммингера в качестве обычного туриста.

14 сентября 1976 года он прилетел в Москву. Рассказал о провале своей группы, покаялся, что скрыл тогда историю со злополучными ворами, которые вывели на них полицию. Признался и в том, что Кноппе ещё до ареста Линовски, оказывается, был на подозрении у службы безопасности, поскольку жил явно не по средствам. Получив после кражи «Гремучей змеи» свою долю, он тотчас приобрёл, как выразился Раммингер, «золотую мечту всех плейбоев» - «мерседес» жемчужного цвета - и лихо разъезжал на нём в сопровождении девиц, «оплачиваемых по высшему разряду». Это явно не укладывалось в размеры довольно скромного жалованья фельдфебеля, который к тому же обязан был по суду помогать своей бывшей жене с двумя детьми.

Провал, суд и длительное пребывание в тюрьме заставили Раммингера вспомнить о терпеливо проводившихся с ним в Москве инструктажах, о товарищеских советах и деловых рекомендациях. Теперь он стал рассудительнее, осторожнее и расчётливее. Похищение «Сайдуиндер» было, по его словам, преподнесено в прессе как комедийный фарс. Благодаря этому он стал популярной личностью и, выйдя из тюрьмы, быстро занял прочное место в сфере предпринимательства. В частности, открыл в Крефельде новую фирму - «Бюро планирования».

Сообщил Раммингер и о том, что Кноппе после выхода из заключения обосновался в Испании. Устроился там пилотом в какой-то частной компании. А Линовски бесследно пропал.

В Москве Раммингер провёл пять дней. Многочасовые беседы с ним, видимо, подвели его к мысли о том, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. По крайней мере, он охотно согласился с тем, что со всеми деловыми предложениями впредь будет обращаться, причём вполне официально, в советское торгпредство. Утром 19 сентября он вылетел из Москвы обратно в Антверпен.

...И всё же Раммингер остался прежним Раммингером. 7 июня 1977 года он посетил советское торгпредство в Кёльне и попросил срочно сообщить в Москву о том, что через советское коммерческое бюро в Западном Берлине он пересылает два компьютера для самолёта «Торнадо» общей стоимостью 450 тысяч марок. Причём просит ускорить выплату вознаграждения, поскольку у него подходит срок оплаты уже купленного им скакуна. Сам он прибудет в Москву в период 3-10 октября.

Однако ни компьютеры, ни их отправитель в Москву не прибыли. Попытки навести справки о Раммингере по его официальному адресу ничего не дали. Лишь десять дней спустя в датских газетах промелькнуло сообщение: «В Антверпене на автомобильной стоянке у гостиницы «Адлон» двое неизвестных, вооружённых пистолетами, тяжело ранили гражданина ФРГ Манфреда Раммингера, в прошлом руководителя группы злоумышленников, похитивших в 1967 году с аэродрома в Нейбурге американскую ракету «Сайдуиндер». По дороге в больницу Раммингер, не приходя в сознание, скончался. Задержать стрелявших не удалось. Мотивы преступления неизвестны. Полиция ведёт расследование».

Полицейским удалось выяснить, что в течение последних лет Манфред Раммингер приобщился к наркобизнесу и, скорее всего, пал жертвой наркомафии. Ему шёл пятьдесят седьмой год.

Генерал-предатель

Рандеву по четвергам

Сотрудники наружного наблюдения - или попросту НН - без особого труда «установили объект», когда тот проходил паспортный контроль в аэропорту «Шереметьево», и «повели его», ни на секунду не теряя из виду. Поставленная перед ними задача была не из простых.

Высокопоставленный сотрудник ЦРУ по подложному паспорту прилетел из Лэнгли, чтобы встретиться в Ленинграде с агентом из числа советских граждан. Хотя резидентура ЦРУ, действовавшая под «крышей» посольства США в Москве, была укомплектована опытными агентами, ей эту встречу не доверили. Похоже, агент был из категории «ценных», «особо оберегаемых». Его-то и предстояло выявить сотрудникам НН. А в таких случаях решающую роль могла сыграть любая мелочь. В своё время разоблачение полковника ГРУ Пеньковского как американского агента началось с того, что кто-то из бригады НН случайно, со спины, по конфигурации ушей признал в нём человека, который так ловко ускользал от «наружки» после моментальных контактов с супругой американского военного атташе на Цветном бульваре.

Как положено в таких ситуациях, из Москвы в Ленинградское управление КГБ ушла подробная ориентировка. А вслед за ней туда выехала группа оперативников для координации поисковых мероприятий. В существо дела и цели операции был посвящён заместитель начальника ленинградского УКГБ генерал-майор Калугин. Не ведал генерал лишь одного - передав «цэрэушника» под опеку своих ленинградских коллег, Москва для перестраховки направила в город на Неве свою бригаду. И, как оказалось, не напрасно.

Будучи на «хвосте» у американца, мчавшегося на автомашине по мосту через Неву, московская бригада НН обратила внимание на то, что в соседнем ряду на встречном маршруте вдруг проследовала служебная «Волга» Калугина. Куда спешил генерал? Если домой, то дом в другом направлении. Если по служебным делам, то время для них слишком

позднее.

А главное - почему «цэрэушник», вернувшись в гостиницу, сразу же собрался в Москву, а оттуда - к себе, в Лэнгли? Почему не состоялась его встреча с агентом, ради которой он проделал столь долгий путь?

И многое повидавшие на своём веку московские «наружники» решились, не запрашивая санкции (просто времени для этого не было), на собственный страх и риск понаблюдать за Калугиным. Как вскоре выяснилось, интуиция их не подвела.

«Встреча» Калугина с «цэрэушником» на мосту состоялась в четверг. А ровно через неделю, тоже в четверг, сотрудники НН проследовали за генералом в театр и там чётко зафиксировали его «визуальный контакт» с установленным сотрудником подрезидентуры ЦРУ в Генконсульстве США в Ленинграде. Дальше - больше: несколько четвергов подряд в одно и то же время, на одном и том же месте, на расстоянии прямой видимости из окна квартиры Калугина парковалась автомашина всё той же подрезидентуры ЦРУ. Сомнений не оставалось - это был условный сигнал.

Блестящая карьера с печальным концом

Вот уже много лет Калугин не покидает США. В пригороде Вашингтона у него двухэтажный домик за 120 тысяч «зелёных». Перед фасадом - лужайка. Ещё у него - серебристого цвета «БМВ» и любимая жена, которая прекрасно готовит обожаемые им океанские крабы. Прямо, как в «Белом солнце пустыни». Помните слова Абдуллы: «Хороший дом, любящая жена... Что ещё нужно мужчине, чтобы скрасить старость?!»

Ан, нет! Калугину не по себе. Состояние душевного дискомфорта не покидает его. И есть от чего. У Гундарева, Богатого, Шевченко и прочих предателей не возникало никаких проволочек с получением «зелёной карты» - вида на жительство. Она как бы входила в оплату за содеянное. А ведь они - мелюзга по сравнению с ним, бывшим генерал-майором КГБ, бывшим начальником внешней контрразведки ПГУ, бывшим Почётным чекистом и т.д. и т.п. Почему же именно для него получение «зелёной карты» выросло в целую проблему? «Пока глухо. Каменная стена, - жаловался он своему закадычному другу Михаилу Любимову. - И никто не объясняет, в чём дело. Одни слухи. Например, говорят, что пенсионеры ЦРУ резко возражают. Ох уж эти ветераны!»

Неужели генералу-предателю невдомёк, что дело-то не в ветеранах, а в нём самом!

...Его служебная биография началась 14 августа 1952 года, когда его отец, лейтенант госбезопасности, обратился к своему руководству с просьбой о зачислении сына в Ленинградский институт иностранных языков МГБ СССР. В те времена «лейтенант госбезопасности» звучало весомо, не так, как сейчас. И конечно же, просьбу Калугина-старшего удовлетворили. А Калугин-младший не жалел сил, дабы не ударить лицом в грязь, не бросить тень на отцовское поручительство.

«Я пришёл работать в органы госбезопасности добровольно и

сознательно. У меня не было ни малейших сомнений в том, что путь, на который наша страна встала в 1917 году, - единственно правильный путь развития общества». Это - признания самого Калугина.

В 1956 году он с красным дипломом окончил институт и начал головокружительную карьеру в советской разведке. В 1974 году, в сорок лет, Калугин уже генерал-майор и начальник управления «К» - внешней контрразведки. Тогда, говоря о его личных и деловых качествах, комитетские руководители разных рангов непременно отмечали природный ум, солидную профессиональную подготовку, начитанность, умение привлекать к себе людей, организаторские способности. И вдруг в 1979 году всё рухнуло, как карточный домик. Калугина отлучили от разведки, перевели в Ленинград на должность заместителя начальника УКГБ. Стремительный взлёт и не менее стремительное падение. В чём же дело?

Официальная версия - снижение результативности внешней контрразведки - была рассчитана на то, чтобы скрыть истинную причину.

...В конце 70-х годов один из сотрудников ЦРУ инициативно предложил свои услуги чешской разведке.

Таких называют «доброжелатель». Чехам захотелось посоветоваться с руководством ПГУ. Для решения вопроса на месте в Прагу вылетел Калугин, который убедил чехов в том, что они имеют дело не с «доброжелателем», а с типичной «подставой», с помощью которой ЦРУ рассчитывает учинить какую-то провокацию. Чехи прислушались к совету советского контрразведчика №1. Но вскоре по своим каналам узнали, что «цэрэушник» был всё же «доброжелателем», что его арестовали в США и упрятали за решётку. Кто же его заложил? В Праге стали анализировать и пришли к выводу, что с чешской стороны утечка информации начисто исключалась. Значит, просочилась из ПГУ?! Калугину пришлось писать объяснение, которое выглядело весьма туманным и невнятным.

«В 1979 году, - отмечает в своих мемуарах тогдашний шеф советской разведки В. Крючков, - руководство КГБ СССР приняло решение перевести Калугина из разведки в ленинградское управление КГБ. Появились сигналы о настораживающем интересе к нему со стороны американских спецслужб. Инициатива перевода Калугина исходила не от меня, а от Андропова... До сих пор полагаю, что Андропов не раскрыл мне полностью карт, не сказал, что послужило истинной причиной перевода Калугина в Ленинград. Видимо, у него были какие-то материалы, которыми он не счёл нужным со мной поделиться: то ли они ещё не отличались достоверностью, то ли на этот счёт были какие-то другие соображения. Во всяком случае, на моё замечание, не стоит ли повременить, поглубже разобраться в Калугине, Андропов ответил категорическим отказом, сказал, что решение принято и что со временем я тоже приду к выводу о его правильности».

Примерка погон оппозиционера

Вскоре после того как высокопоставленный представитель Лэнгли спешно покинул Ленинград и вернулся восвояси, в первопрестольную безо всякой на то служебной надобности устремился Калугин - прямиком на Старую площадь к всесильному члену Политбюро ЦК КПСС Александру Николаевичу Яковлеву. О чём они с глазу на глаз беседовали более часа, осталось тайной за семью печатями. Но по возвращении в Ленинград в жизни генерала происходит ещё один вираж.

«В январе 1987 года, - свидетельствует сам Калугин, - я написал письмо на 27-й съезд КПСС и лично Горбачёву. В письме высказал ряд соображений о необходимости реформы в КГБ. Комитет давно превратился (собственно всегда был) в слепое орудие власти, расправлявшейся с инакомыслием, препятствующей развитию свободной общественной мысли и экономики, тормозящей развитие страны. Письмо было передано в руки Горбачёву Александром Николаевичем Яковлевым».

Для проверки изложенных в письме фактов, касавшихся, в частности, положения дел в Ленинградском УКГБ, создаётся специальная комиссия ЦК КПСС, которая констатирует, что «в основном факты подтверждения не получили». Тем не менее начальника УКГБ отправили на пенсию, а Калугина возвратили в Москву, на режимную работу в Академию наук СССР. «Ещё через два месяца, - вспоминает генерал, - я был переведён в Минэлектропром начальником управления. Ну, вскоре, после того как стукнуло 55 лет, меня вызвали в кадры... С тех пор я в отставке и в оппозиции».

Похоже, что увольнение из органов шло вразрез с личными планами генерала. И он пошёл на приём к Крючкову, теперь уже шефу КГБ. Он «прямо заявил, - утверждает Крючков, - что хотел бы и далее работать в органах госбезопасности, причём в Москве, и что, если будет принято такое решение, то он обещает ничего отрицательного о чекистской организации не писать, а жить с КГБ мирно». Генерал просил назначить его руководителем пресс-службы КГБ. Мол, на этом посту он мог бы принести наибольшую пользу своему ведомству. В противном случае грозил Крючкову тем, что «начнёт публично выступать против Комитета госбезопасности и никакого мира не будет». Ему было отказано.

Диссидент, которого никто не любит

«В тот же день, - признаётся Калугин, - я пришёл на Никольскую, к ректору Историко-архивного института Юрию Афанасьеву. Показал ему документы отставного генерала КГБ и сказал, что готов участвовать в создании демократического общества».

В том же 1989 году отставной генерал КГБ на демократической волне был избран народным депутатом СССР. Активно выступал в печати с разоблачениями антинародной политики КПСС, всячески критиковал органы госбезопасности. Став «демократом» и «оппозиционером», он переиначил всю свою биографию и на страницах демократической прессы

теперь представлял её так: «Я с юных лет интересовался внешней политикой, с 14 лет слушал передачи Би-би-си на английском языке. Потом я поступил на филологический факультет Ленинградского университета. По окончании университета надо было искать применение своим знаниям и как-то воплощать тягу к политическим вопросам. Поле выбора у меня было ограничено. МИД в Ленинграде не функционировал, ТАСС иностранную редакцию в нашем городе тоже не собирался открывать. А в КГБ можно было найти себе применение по своим потребностям. К тому же не забудьте, что это был 1957 год - разгар «оттепели». И я хотел участвовать в обновлении страны, в очищении нашей жизни от сталинщины... Мой отец служил в НКВД. Он работал в охране, имея шесть классов образования. С таким багажом он только и мог, что охранять само здание ленинградского НКВД. Он не слишком любил свою «контору» и мне не советовал туда поступать».

Вряд ли здесь нужны какие-либо комментарии. Стоит, видимо, упомянуть лишь о том, что «архитекторы» и «прорабы» перестройки, равно как и пришедшие им на смену радикальные демократы, достаточно быстро распознали истинную сущность генерала-хамелеона - он не пришёлся ко двору ни тем, ни другим.

«Я помогаю Горбачёву, помогаю перестройке. Жаль, если он этого не понимает», - досадовал Калугин.

«Даже радикальные реформаторы, например президент России Борис Ельцин, настороженно отнеслись к новому диссиденту Калугину», - констатировал в августе 1990 года американский еженедельник «Ньюсуик».

Тогда неудачливый «демократ» попытался сделать ставку на своих недавних сослуживцев. Он не мог не знать, что в чекистской среде уже шёл мучительный процесс переосмысления устоявшихся за многие десятилетия стереотипов, шаблонов, переживших себя порядков. Не случайно же он любил повторять: «Я не один такой в КГБ». И он действительно не был единственным, кто требовал переоценки старых ценностей.

В середине 1990 года секретарь парткома Первого главного управления Станислав Григорьевич Н. открыто выступил за департизацию разведки. Тогда же начальник ПГУ Леонид Шебаршин объявил всему коллективу, что отныне партийные организации любого уровня не должны никоим образом вмешиваться в служебные дела.

В конце того же 1990 года большая группа сотрудников Управления КГБ по Свердловской области обратилась с открытым заявлением в Верховный Совет РСФСР и средства массовой информации, в котором в резких тонах осудила застой и очковтирательство, некомпетентность руководителей и кумовство при подборе кадров, коррупцию и моральную нечистоплотность в органах госбезопасности.

19 августа 1991 года во все резидентуры внешней разведки были направлены шифртелеграммы с текстами сообщений ГКЧП. Ответная

реакция последовала незамедлительно: ни одна не поддержала путчистов, среди которых не последнюю скрипку играл председатель КГБ Крючков.

В своих выступлениях на митингах, в интервью, раздаваемых налево и направо, Калугин тоже выступал за департизацию органов, клеймил некомпетентность, разоблачал кумовство, осуждал коррупцию. И конечно же, заявлял о готовности объединить вокруг себя «работников КГБ, заинтересованных в глубоких реформах этой организации». Его призыв не был услышан. Плечом к плечу с генералом встал лишь Михаил Любимов, убеждённый в том, что «наше ведомство было даже хуже СС. В 20-е и 30-е годы НКВД уничтожил больше людей, чем Гитлер за всё время пребывания у власти. И притом своих же. Но в наше время КГБ уже был другим. Мы оборонялись, мы вовсе не стремились нести марксистско-ленинские идеи по всему свету. И уж если кого можно винить, то советское общество в целом, а не только сотрудников КГБ». «Протестуя против гонения Калугина, - поспешил тогда заявить отставной полковник, к слову, тоже досрочно уволенный из разведки, - я отказываюсь от знака, который КГБ вручает за заслуги - «Почётный сотрудник госбезопасности».

Остальные же разведчики достаточно хорошо знали Олега Калугина, его морально-нравственные устои, его хамелеонскую сущность. В их памяти ещё свежи были его выступления на служебных совещаниях, когда генерал не метил в диссиденты: «При определении вероятных кандидатов на вербовку из числа совграждан американцы считают, что «наиболее ценным материалом» для них являются те, кто «духовно уже перешёл на Запад» и кого остаётся лишь побудить сделать «последний шаг», то есть изменить родине. В этом смысле, по мнению ЦРУ, идеальными кандидатами на вербовку и являются люди типа академика Сахарова».

Справедливости ради отметим, что среди комитетчиков мало кто симпатизировал академику. Однако ни у кого не вызывало сомнения то, что «люди типа академика Сахарова» встали в оппозицию к власти не потому, что их как-то обидели или прогнали с работы, а вполне сознательно, в силу своих убеждений, и потому готовы пройти свой путь до конца, не боясь никаких репрессий. Л какие идеи, какие убеждения побудили несколько лет спустя Калугина объявить себя оппозиционером?

Почему генерал-майор стал генералом-предателем?

«На мой взгляд, - рассуждает Борис Александрович Соломатин, - Калугин не выдержал испытания «медными трубами». Раннее назначение на высокую должность, определённые успехи в работе со временем привели Калугина к развитию патологической переоценки себя».

Генерал-майор Службы внешней разведки в отставке Б.А. Соломатин в 1965-1968 годах возглавлял резидентуру в Вашингтоне, среди сотрудников которой был и Калугин. Так что генерала-предателя он знает достаточно хорошо. И не случайно Соломатина заинтересовали опубликованные в сентябре 1994 года воспоминания его бывшего

подчинённого. (В России книга вышла под названием «Прощай, Лубянка».)

«Прямо скажу: знакомство с этой книгой было, мягко выражаясь, неприятным сюрпризом, - признаёт Соломатин. - ...Моё удивление вызвал тот факт, что в русском варианте книги «забыты» многие важные детали, опубликованные в английском варианте, вышедшем в США и названном «Первое главное управление». Я анализирую именно этот вариант.

В книге даже более детально, чем, скажем, у Гордиевского, описывается деятельность конкретной резидентуры и её агентура. Кстати, я абсолютно уверен в том, что написавшему подобные «мемуары» сотруднику ЦРУ или западноевропейских разведок не миновать бы уголовного преследования». И ещё:

...«Судя по книге, вся разведка вращалась вокруг Калугина. Он почти не сказал в книге ни одного доброго слова о своих коллегах, если не считать пары реверансов в сторону автора этих строк и своего друга Бакатина... Все остальные, судя по книге, - серые, ущербные люди... складывается впечатление, что книга написана Калугиным главным образом в отместку Крючкову и другим старшим чиновникам КГБ. Но никакая «ненависть к бывшему преступному режиму» (формулировка Калугина) не может оправдать выдачу им государственных и профессиональных секретов».

«Он совершил гладкий переход с их стороны на нашу»

Когда английский кадровый разведчик Дэвид Корнуэлл, прославившийся на весь мир как автор шпионских романов Джон Ле Карре, приехал в Москву, его гид поинтересовался, с кем бы писатель хотел встретиться. Ответ прозвучал так: с мошенником, боссом мафии, «новым русским» и, конечно, старым гэбистом. Роль «старого гэбиста» с радостью взял на себя Калугин.

Позже в книжном обозрении - еженедельном приложении к «Нью-Йорк таймс» - Джон Ле Карре описал эту встречу:

- Друг мой! Добро пожаловать! Слушайте, ведь я же ваш самый большой поклонник.

Генерала Калугина вовсе не мучают сомнения, обуревающие Бакатина. Он профессионал, хоть и давно не в фаворе в КГБ. Он хватает мою руку, будто я ему собрат-масон, и разве что не ломает её. Он долго служил в Вашингтоне, и Ким Филби был ему дорогим другом. «Это был замечательный человек», - уверяет он. Олег любил Кима. Я же, напротив, его ненавидел, мёртвого или живого. Но не счёл тактичным возражать хозяину дома.

Калугин протягивает визитную карточку. «Председатель Интеркома» - написано на ней. Деловые связи, поясняет он, блеснув улыбкой, как бы приглашая в соучастники. Он один из тех старых врагов западной демократии, кто совершил гладкий переход с их стороны на нашу. Слушая его, невольно ловишь себя на мысли, что он и прежде был на нашей стороне.

Шотландское виски, только самое лучшее: эти старые гэбисты - истинные знатоки. Огромные порции, лёд, закуски, приготовленные уютной женой Людмилой.

Калугин рассказывает о своей причастности к убийству Георгия Маркова. Напомню: это был болгарский эмигрант, работавший в Би-би-си. В октябре 1978 года неизвестный уколол его отравленным зонтиком. Он умер в лондонской больнице.

- Меня часто спрашивают, имел ли я отношение к этому убийству. Слушайте, отвечаю я, мы же не дети. Я ведь был, чёрт возьми, главным по этой части. Ни одна операция не обходила меня стороной. Маркова уже приговорил к смерти болгарский суд. Но болгары были неумёхи. Пришлось всё за них делать - обучать мужика, сооружать зонтик, заправлять яд. Слушайте, мы же только приводили приговор в исполнение. Это же было совершенно законно. О'кей!

Я слабо протестовал: может быть, Марков - не очень приятная тема для разговора. К моему стыду, нелепые, британские манеры сковали меня: рядом сидит русский друг, приведший меня в дом, я гость, хозяйка наготовила еды.

Всё же, собравшись с духом, приношу свои извинения и ухожу. Московский воздух кажется мне свежее обычного.

В апреле 1991 года Калугин, выступая в передаче радиостанции «Свобода», гневно клеймил КГБ за причастность, как он выразился, к «так называемому делу Маркова». О своей личной роли в этом деле он не сказал ни слова. Беседовал с ним тогда сотрудник «Свободы» Марк Дейч.

Он же, Марк Дейч, но уже в качестве корреспондента «Московского комсомольца», в сентябре 1999 года вновь затронул эту тему, напомнив Калугину о том, что «вы сами принимали участие в организации убийства болгарского диссидента Маркова». Хамелеон парировал: «В этом убийстве КГБ занимался чисто технической стороной. Убивали Маркова болгары. Но я был первым, кто сообщил миру о том, кто и как осуществлял убийство». Генерал-предатель почему-то забыл сообщить миру о том, что за это убийство ему были пожалованы болгарский орден и именной пистолет.

Генерал в виртуальном пространстве

То ли Калугин тогда заметил за собой слежку в Ленинграде, то ли интуитивно чувствовал что-то неладное, но только в беседе с тогдашним председателем КГБ В. Чебриковым, состоявшейся накануне его возвращения на работу в Москву, он предупредил, что будет защищаться от клеветы. «Не знаю, по чьему указанию на меня начали фабриковать обвинение в шпионаже: якобы я хотел установить связь с ЦРУ».

Этой темы Калугин затем неоднократно касался в своих выступлениях на митингах и в прессе. Он явно испытывал страх. Но ему повезло. И Чебриков, и сменивший его на посту главы КГБ Крючков смалодушничали, ограничившись тихим увольнением подозреваемого в государственной измене генерала. Как признаётся сам Крючков, он знал,

что «за время работы Калугина в Ленинграде органы контрразведки неоднократно фиксировали интерес к нему со стороны американцев, отмечались случаи, когда и Калугин, и американские разведчики «попадались» на одном маршруте». Знал, но хода делу не дал. Что сдерживало его: страх за собственную карьеру или некомпетентность?! Как бы то ни было, но то, что надлежало сделать Крючкову, да и Чебрикову, сделало... ФБР США.

«...15 сентября 1994 года ФБР направило Липке экземпляр мемуаров генерала Калугина. На странице 82 говорится «о молодом солдате в АНБ, который работал на КГБ в 60-е годы».

Именно этот фрагмент был положен в основу обвинения в шпионаже в пользу СССР, предъявленного судом в Восточной Пенсильвании Роберту Стивену Липке, бывшему сотруднику Агентства Национальной Безопасности (АНБ), одной из самых засекреченных структур Разведывательного сообщества США.

Липке сел на скамью подсудимых только или главным образом благодаря Калугину. Таков смысл демарша с предъявлением Липке мемуаров генерала. Если этот демарш ФБР был согласован с ЦРУ, а иначе быть не могло, то, стало быть, две ведущие спецслужбы США «выжгли» на Калугине, как ковбои на мустангах, клеймо: «предатель».

Но ведь за предательство положено вознаграждение? Оно выплачено. Сам Колби, (экс-директор ЦРУ - такого ещё не бывало!), взялся за написание совместно с Калугиным сценария компьютерной игры «ЦРУ против КГБ». Игра принесла генералу-предателю кругленькую сумму. И баста!

Американцам, по крайнем мере, ЦРУ и ФБР, Калугин давно уже не нужен. Он им в тягость. И генерал, отчётливо понимая это, даже не пытается делать хорошую мину при плохой игре: «Это заявление ФБР подорвало мою репутацию не только в России, но и в США. Это вызвало недоумение в деловых кругах. Должен сказать, что к предателям всегда относятся с подозрением, на кого бы они ни работали». Насчёт предателей - не в бровь, а в глаз. Здесь с генералом не поспоришь.

...Ранней весной 2000 года в Вашингтоне появился необычный экскурсионный автобус. Необычный потому, что экскурсантам предлагалось осмотреть не исторические, не архитектурные или культурные достопримечательности американской столицы, а так называемые «шпионские места». В роли гида выступает Олег Калугин.

Автобус подъезжает к старому зданию советского посольства на 16-й улице, и генерал-предатель вдохновенно вещает: «Мы сидели там на четвёртом этаже, набитые как сельди в бочке. Сидели, пили кофе и ждали, когда к нам войдёт очередной американец и предложит купить у него ценные сведения. И они приходили».

На маршруте автобуса маленький паб «Спот». Калугин кормит экскурсантов очередной байкой: «Здесь в 1985 году за одним из столиков сидел Олдрич Эймс, ожидая появления пресс-атташе советского

посольства. Но дипломат не появлялся, Эймс нервно курил. Затем выпил для храбрости рюмку водки и самолично направился в советское посольство».

Экскурсанты, заплатившие за трёхчасовой тур по 55 долларов, слушают как заворожённые.

«А вот на этой лавочке в парке «Митчелл», - входит в раж гид, - сидел когда-то уволенный из ЦРУ Эдвард Ли Ховард. Сидел и раздумывал, долго и напряжённо, перед тем как войти в калитку советского торгпредства».

Так никому теперь не нужный генерал-предатель зарабатывает себе на жизнь.

Об авторе

В прошлом - резидент КГБ, а ныне - член Ассоциации ветеранов внешней разведки. Свою профессиональную деятельность начинал в секретной службе... Китая. И произошло это по воле случая.

«В 1954 году, сразу же после окончания Московского института востоковедения, - вспоминает Аркадий Жемчугов, - я был направлен по линии Министерства высшего образования СССР переводчиком на советскую выставку в Китае. В Пекин прилетел за пару недель до официального открытия выставки, приуроченного к пятилетию провозглашения КНР - к первому октября.

Но на выставке практически работать не довелось. Перед самым её открытием ко мне подошёл старший нашей группы переводчиков и неожиданно объявил: «Тебе придётся какое-то время поработать в другом месте». На мой вопрос: «В каком?» - последовал ответ: «Сейчас за тобой приедут и всё объяснят».

Действительно, едва он отошёл, как ко мне подъехала престижная по тем временам чёрная «Чайка» с задрапированными окнами. Из неё вышел мужчина лет пятидесяти и, протянув мне руку, уточнил: «Вы - Жемчугов?» Получив подтверждение, представился: «А я - Серов Иван Александрович». Затем жестом руки пригласил на заднее сиденье. Сам устроился рядом и, слегка коснувшись плеча шофёра-китайца, произнёс по-русски: «В бюро».

Минут через двадцать мы уже были в этом загадочном для меня «бюро». Иван Александрович представил мне своего коллегу: «Зюзин Василий Николаевич. Ваш непосредственный руководитель. Он подробно объяснит вам, зачем мы вас пригласили сюда и что вам надлежит делать». И исчез за дверью соседней комнаты. Так состоялось моё приобщение к разведке, ибо «бюро» было одним из подразделений внешнеполитической разведки Китая, в котором консультантами работали советские разведчики.

Василий Николаевич начал с предупреждения о том, что никто из моих знакомых по выставке, а также в посольстве и других советских

учреждениях в Китае не должен знать, где я работаю и чем занимаюсь. А заниматься мне предстояло переводом с китайского на русский тех материалов, которые я получал от него.

Каждое утро маленький неказистый «Остин» подбирал меня возле гостиницы «Хэпин», в которой размещался весь персонал выставки, а поздним вечером привозил обратно. Обедал и ужинал я вместе с другими сотрудниками «бюро», за одним общим столом. Все разговоры за трапезой так или иначе затрагивали производственную тематику. Хотя никаких конкретных, а тем более, деликатных вопросов не обсуждалось. Я, разумеется, не раскрывал рта. Тем не менее, через неделю-другую у меня сложилось общее представление о характере и методах деятельности «бюро». Этому способствовали и мои прямые обязанности - перевод оперативных материалов, поступавших из соседних с Китаем стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Так продолжалось до тех пор, пока выставка не свернула свою работу в Пекине и переехала в Шанхай. Я тепло распрощался с сотрудниками «бюро» и последовал в самый европейский город Китая».

На советскую разведку Аркадий Алексеевич начал работать в 1964 году в Бирме, куда был командирован по линии Агентства печати «Новости». К этому времени отношения между Москвой и Пекином приняли откровенно враждебный характер. Полемика между КПСС и КПК вызвала раскол в международном коммунистическом движении. Действовавшая в подполье коммунистическая партия Бирмы значилась в списке наиболее верных союзников КПК. Её вооружённые отряды под маоистскими лозунгами вели борьбу с правящим в стране режимом. Штаб-квартира КПБ располагалась в непроходимых джунглях.

Менее года потребовалось Аркадию Жемчугову, чтобы «протоптать незримую тропинку» в это заветное место. На Старую площадь стала регулярно поступать конфиденциальная информация об истинном положении в руководстве КПБ, о расстановке сил в её Политбюро, где, как оказалось, не было единодушия в оценке политики Пекина. Часть членов Политбюро КПБ склонялась к поддержке интернационалистической позиции КПСС. Для Старой площади это были бесценные сведения.

...В конце декабря 1974 года председатель КГБ Ю.В. Андропов на одном из совещаний критически отозвался о работе пекинской резидентуры. «Китай по-прежнему остаётся большой загадкой, - заявил он. - Посол Толстиков прислал в Политбюро письмо с предложениями, но как будет реагировать Политбюро, если не ясна ситуация в Китае? Острый вопрос. Политбюро перегружено бумагами, и я часто слышу ворчание, горькие упрёки».

Вскоре, однако, в деятельности пекинской резидентуры произошёл резкий перелом, виновником которого был А. Жемчугов. Ему и здесь, в Пекине, удалось «протоптать незримую тропинку» в верхние эшелоны КПК. На стол Ю.В. Андропова стали регулярно поступать документальные сведения по приоритетным вопросам внутренней и внешней политики

Китая и, что не менее важно, подробная информация о соотношении сил между враждовавшими фракциями в высшем партийном руководстве. Юрий Владимирович в деталях знал даже о том, как проходили заседания Политбюро ЦК КПК, кто и как выступал, какими колкими репликами обменивались представители противоборствовавших фракций. Ему в деталях, по пунктам был известен план заговора, в результате которого после смерти Мао Цзэдуна была арестована и предана суду ультралевая группировка во главе с Цзян Цин. Одним словом, у председателя КГБ были все основания пересмотреть прежнюю оценку деятельности пекинской резидентуры и заявить, что теперь он чувствует себя на Политбюро уверенно и «гордо, как петух».

В Пекине А. Жемчугов проработал шесть с лишним лет, вернувшись в Москву летом 1978 года.

Следующей страной для него стала Индонезия. Стоило ему там приступить к исполнению обязанностей резидента, как у «дальних соседей» произошёл провал - на встрече с перевербованным агентом были арестованы два сотрудника резидентуры ГРУ. Одного из них с диппаспортом индонезийцы выпустили через день и выслали из страны как персону нон-грата, а другого упекли в тюрьму.

Где конкретно и в каких условиях он содержится? Каким мерам физического и психологического воздействия подвергается? Не дрогнул ли? Не сломался?

Буквально через пару дней после инцидента Центр и, конечно, резидент ГРУ в Джакарте знали о том, что парень держится, как надо. На провокации не поддаётся. Отрицает все предъявляемые ему обвинения. Требует встречи с советским консулом.

Откуда вдруг, от кого стала регулярно поступать такая информация? В Джакарте об этом знал лишь один человек - Жемчугов. У него по сей день хранятся наручники, которые надзиратели сняли с советского разведчика перед тем, как выпустить его из тюрьмы. Как наручники попали к нему? Это его личная тайна.

Весной 1983 года в Джакарту пришла шифровка с предписанием А. Жемчугову вылететь по туристической визе (на две недели) в столицу Малайзии Куала-Лумпур и проработать на месте вопрос о том, каким образом получить там долгосрочную визу с тем, чтобы возглавить резидентуру. Объяснялось всё очень просто: большая часть сотрудников малайзийской резидентуры была выдворена после того, как местным контрразведчикам удалось захватить советского разведчика во время его контакта с высокопоставленным госслужащим. Жёсткую квоту на численность дипсостава советского посольства малайзийские спецслужбы использовали для того, чтобы отказывать в выдаче виз всем, кого они подозревали в принадлежности к КГБ. В результате им удалось в значительной мере парализовать деятельность резидентуры.

А. Жемчугов выполнил поставленную перед ним задачу: через три месяца малайзийцы выдали ему долгосрочную визу. И в Москве его

назначили резидентом в Малайзии. Причём приказано было к новому месту службы прибыть прямо из Джакарты.

Он прилетел в Куала-Лумпур вечером 2 сентября 1983 года. Согласно установленному порядку должен был в этот же день направить в Центр шифровку трафаретного содержания: «Прибыл к месту службы, приступил к выполнению обязанностей». Но получилось совсем не так.

Днём раньше, в ночь на 1 сентября, южнокорейский «Боинг-747», преднамеренно вторгшийся в воздушное пространство СССР, был сбит советским истребителем. Подстрекавшиеся американцами мусульманские организации Малайзии отреагировали на это предельно жёстко. «Сегодня в 20.00 по местному времени была обстреляна резиденция советского посла в Малайзии. По счастливой случайности посол не пострадал. Малайзийской стороне высказаны решительный протест и требование найти и наказать виновных». Такой была первая шифртелеграмма нового резидента КГБ в Куала-Лумпуре.

В течение многих недель у стен советского посольства бушевали демонстрации со злобными антисоветскими лозунгами. В местной прессе велась оголтелая кампания шпиономании. Все сотрудники совпосольства огульно клеймились как «агенты КГБ». Выдвигалось требование выслать всех советских дипломатов и разорвать отношения с Советским Союзом. Местная контрразведка обложила совпосольство и его сотрудников со всех сторон. Но, как говорится, труба звала, а долг повелевал.

А. Жемчугов принял на связь двух ценных агентов и наладил с ними регулярную работу. А примерно через год Центр поздравлял резидентуру с приобретением: агентурная сеть пополнилась ещё одним источником. Появился и канал контрразведывателыюй информации, который позволял докладывать в Центр, что руководство Малайзии, не пресекая антисоветской деятельности местных мусульманских экстремистов, тем не менее не намерено доводить дело до разрыва отношений с СССР, что оно в целом контролирует обстановку. Одним словом, резидентура КГБ в Малайзии медленно, но верно набирала обороты.

В конце 2001 года А. Жемчугову исполнилось семьдесят лет. Поздравляя его с юбилеем, коллеги по Ассоциации ветеранов внешней разведки особо отметили, что он «внёс большой личный вклад в дело обеспечения безопасности нашей родины».